

ISSN 1996-0522

С **О** **Ц** **Й** **У** **М**
И
ВЛАСТЬ

№ 2 2022

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики и управления

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Зарегин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрин
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 30.06.2022 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 13,0. Тираж 500 экз.

Заказ № 186/193.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ**Мальцев Ярослав Владимирович**

Механизмы социально-культурной
динамики в концепции
перманентной современности 7

Олейник Варвара Андреевна

Метафизическая концепция места
и времени Аристотеля в свете
идеи симулякра Жюль Делёза..... 19

Давыдов Игорь Александрович

Феномен дигитальной
деантропологизации
в концептах новых материалистов..... 29

ВЛАСТЬ**Мусаелян Лева Асканазович,
Зырянов Сергей Григорьевич**

Глобальные вызовы России
и некоторые проблемы системы
отечественного
высшего образования 40

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- Хосе Баррентос Растрохо* — доктор философии, профессор (г. Севилья, Испания)
С. В. Борисов — доктор философских наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Е. В. Грунт — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Ю. Г. Ершов — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Филип Иванович — Ph.D (г. Подгорица, Черногория)
Виктория Лезьер — доктор философских наук, профессор (г. Форкалькейре, Франция)
В. Г. Ледяев — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. Н. Медушевский — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
В. А. Нехамкин — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. В. Павлов — доктор философских наук, профессор (г. Тюмень, Россия)
В. Д. Попов — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
Г. Л. Тульчинский — доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
А. С. Чупров — доктор философских наук, профессор (г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов* — доктор политических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
А. В. Павроз — доктор политических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
А. В. Понделков — доктор политических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)
О. Ф. Русакова — доктор политических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Грегори Саймонс — доктор философии, профессор (г. Упсала, Швеция)
А. Ю. Сунгуров — доктор политических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина* — доктор социологических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Сабина Лисица — доктор, профессор (г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский* — доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. В. Ковбан — кандидат юридических наук, доцент (г. Одесса, Украина)
С. В. Кодан — доктор юридических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
А. Б. Сергеев — доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артемова* — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Л. М. Байтенова — доктор экономических наук (г. Алматы, Казахстан)
В. И. Бархатов — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Л. М. Муталиева — кандидат экономических наук (г. Астана, Казахстан)
И. В. Лаврентьева — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Т. Ю. Савченко — кандидат экономических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин* — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
А. Н. Лукин — кандидат культурологии, доцент (г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева* — кандидат исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)
С. С. Смирнов — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Д. В. Тимофеев — доктор исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

**Зайко Яна Валерьевна,
 Зорин Василий Анатольевич,
 Луканина Екатерина Валерьевна**
 Школа как агент политической социализации в современной России: проблемы и перспективы развития53

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

**Артемова Ольга Васильевна,
 Логачева Наталия Модестовна,
 Савченко Анастасия Николаевна**
 Качество жизни населения в период пандемии: анализ текущей ситуации (на примере Челябинской области).....64

КУЛЬТУРА

**Зозуля Ольга Юрьевна,
 Клебанов Игорь Иосифович**
 Художественное творчество как инструмент для достижения целостности человека75

Богданова Вероника Олеговна
 Множественность интерпретаций как способ самопознания83

**ИНФОРМАЦИЯ
для ЧИТАТЕЛЕЙ и АВТОРОВ****Научный журнал
«Социум и власть»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

09.00.01 — Онтология и теория познания.
09.00.03 — История философии.
09.00.04 — Эстетика.
09.00.05 — Этика.
09.00.07 — Логика.
09.00.08 — Философия науки и техники.
09.00.11 — Социальная философия.
09.00.13 — Философская антропология, философия культуры.
09.00.14 — Философия религии и религиоведение.
23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки.
23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии.
23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.
08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.
08.00.10 — Финансы, денежное обращение и кредит.
08.00.12 — Бухгалтерский учет, статистика

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 148.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 4 раза в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»**

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА**Орехов Андрей Михайлович**

Российская социальная эпистемология: от «Ldsh-стратегии» к «Ldsh-зависимости»..... 96

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Международное заседание круглого стола «Искусство, наука, образование: актуальные вопросы современности и перспективы развития» (Россия, г. Челябинск, 7 апреля 2022) 107

Международная декларация о сотрудничестве, мире и философии (International Declaration for Cooperation, Peace and Philosophy) (перевод С. В. Борисова) 136

Founded by
 The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration

Published by
 Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration
 PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
 Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.
 Passed for printing on 30.06.2022.
 Format 70×108 1/16
 Reference sheet area 13,0. Issues — 500.
 Order № 186/193.
 Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

Yaroslav V. Maltsev

Mechanisms of socio-cultural dynamics
 in the concept of permanent modernity7

Varvara A. Oleinik

Aristotle's metaphysical concept
 of place and time in the light
 of Gilles Deleuze's simulacrum idea19

Igor A. Davydov

The phenomenon
 of digital deanthropologization
 in the concepts of new materialists29

POWER

**Leva A. Musaelyan,
 Sergey G. Zyryanov**

Global challenges of Russia
 and some problems
 of the domestic higher
 education system40

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- José Barrientos Rastrojo* — Ph.D., full professor
(Seville, Spain)
S.V. Borisov — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
E.V. Grunt — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Yu.G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Filip Ivanović — Ph.D (Podgorica, Montenegro)
Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
V.G. Ledyayev — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
V.A. Nekhamkin — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
G.L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)
A.S. Chuprov — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Pavroz — Ph.D.
(St.Peterburg, Russia)
A.V. Ponedelkov — Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)

Sociology

- N.B. Kostina* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza — Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Graftskiy* — LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban — Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan — LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev — LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova — Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
V.I. Barkhatov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Mutaliev — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* — Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev — Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

**Iana V. Zaiko,
Vasily A. Zorin,
Yekaterina V. Lukanina**

School as an agent of political socialization in Russia: problems and prospects of development.....53

**ECONOMICS
AND MANAGEMENT**

**Olga V. Artemova,
Natalia M. Logacheva,
Anastasia N. Savchenko**

The population's life quality during the pandemic: analysis of the current situation (as exemplified by the Chelyabinsk region).....64

CULTURE

**Olga Yu. Zozulya,
Igor I. Klebanov**

Artistic creativity as a tool for achieving human integrity.....75

Veronika O. Bogdanova

Plurality of interpretations as a way of self-knowledge83

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 148.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia**
38909

DISCUSSIONS AND DEBATES

Andrey M. Orekhov

Russian social epistemology:
from "Ldsh-strategy"
to "Ldsh-dependency"96

SCIENTIFIC LIFE

International Round Table
"Art, Science and Education:
topical Issues of the modern age
and prospects for development"
(Russia, Chelyabinsk, April 7, 2022)107

International Declaration
for Cooperation, Peace
and Philosophy
(translated by S.V. Borisov).....136

Для цитирования: Мальцев Я. В.
Механизмы социально-культурной динамики
в концепции перманентной современности //
Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 7—18.
DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-07-18.
EDN: DKVNVD.

УДК 141.3

EDN: DKVNVD

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-07-18

МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ В КОНЦЕПЦИИ ПЕРМАНЕНТНОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Мальцев Ярослав Владимирович,

Тюменский государственный университет,
доцент кафедры новой
истории и мировой политики,
кандидат философских наук.
Тюмень, Россия.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Аннотация

Введение. Феномен множества (*multitude*) активно осмысливается мировой и отечественной философской, социологической и политологической мыслью с целью получения нового знания о социальных процессах. Концепция, берущая свое начало из математики, получившая философскую прописку благодаря трудам А. Негри, М. Хардта, А. Бадью, Ж. Рансьера, Ш. Муфф, Дж. Батлер и, конечно, тесно связанная с творчеством Ж. Делеза и Ф. Гваттари, еще нуждается в рефлексии и популяризации, а также может

быть использована при построении комплексных философских концепций.

Цель. Цель предлагаемой вниманию читателя статьи — показать феномен множества в качестве составной части теории *перманентной современности* как тектоническую силу социально-культурной изменчивости, «работающую» благодаря диалогу и субъекту.

Методы. Методология статьи выстроена на основе феноменологии, герменевтики, принципе сложности; ее теоретической основой служит концепция современности как Я-субъективности А. В. Павлова и концепция перманентной современности.

Научная новизна исследования. В статье раскрывается политический аспект концепции перманентной современности, связанной с культурной и цивилизационной динамикой. Дается новая трактовка понятий «модерн», «постмодерн», «цивилизация», «культура»; предлагается по-новому посмотреть на иерархию этих терминов.

Результаты и выводы. В результате делается вывод, что множество является совокупностью агентов, группирующихся вокруг субъекта-идеи и реализующих утопию субъекта в политическом поле посредством многоплановых взаимодействий, за счет чего и происходит культурная динамика.

Ключевые слова:

субъективность,
политика,
модерн,
постмодерн,
диалог,
сборка,
современность

Введение

Теория множеств, когда-то зародившаяся в математическом дискурсе, берущая начало с Г. Кантора, становится все более актуальной в наше время, все плотнее входит в политический, социологический и философский вокабуляры, особенно там, где эти способы мысли смыкаются. Так, в работе Г. Честера и Я. Уэлша [33] исследуется глобальное общество в качестве своеобразной сборки-множества, некоего общего роения, связанного массой коммуникационных линий. При этом авторская оптика социологическая. Она удачно «подхватывается», «развивается» в коллективной работе «От множества к толпе: коллективное действие и СМИ» [38], посвященной исследованию протестных действий в XXI веке, пытающейся объяснить множество в качестве политического субъекта. Необходимо отметить претендующий на фундаментальность (такую задачу ставили перед собой авторы) сборник «Радикальная демократия и коллективные движения сегодня: Биополитика множества против гегемонии народа» под редакцией А. Киупкиолиса и Г. Камбекиса [39], где через теорию Негри и Хардта, теорию множеств, рассматриваются *Оссиру*, «арабская весна», прочие мировые протестные движения «эпохи сопротивления», как наши дни обозначили редакторы сборника. Свой вклад в анализ множества и свою попытку работать с этой дефиницией предпринял С. Жижек [42], хотя в его лексиконе данный термин не закрепился, да и сам его взгляд был скорее критическим. Д. Кэмфилд вовсе считает теорию А. Негри и М. Хардта глубоко ошибочной [32]. В целом теория множества сегодня имеет *множественную историографию* (Н. Тампио [40], Я. Лиск [34], Ф. дель Луккезе [35], У. Маццарелла [36], Е. В. Петровская [18], А.Р. Третьяк [23]), прослеживание и анализ которой не является задачей данной статьи (это сделано в диссертации А. Р. Третьяка¹). Достаточно сказать, что первоисточником теории множества в политическом дискурсе являются работы А. Негри и М. Хардта, про которые будет сказано ниже и которые базируются на более сложных текстах Делеза и Гваттари, с их идеей роения, ризомы, машины войны, рифленого и гладкого пространства. Исторически идея множества связана с 1968 годом и теми изменениями, которые это Событие (как нечто, меняющее конфи-

гурацию сложившегося символического порядка, по А. Бадью) запустило в социально-культурной матрице. В границах данной статьи интерес представляет концептуализация понятия «множество» в качестве составляющей концепции перманентной современности с целью прояснения процессов культурной динамики.

Методы и материалы

Методологически статья находится на стыке политической и социальной философии, а также теории культуры, т. к. в ней анализируются акторы и агенты политического поля (П. Бурдьё) в их влиянии на более широкие трансформации в области культуры и цивилизации. В работе рассматривается взаимосвязь единичного культуротворческого субъекта/актора (субъектов, образующих свою коммуникационную сетку) со множеством его последователей/агентов, вовлеченных в коммуникацию и благодаря этому образующими политическое целое агонистического (Ш. Муфф) порядка. Статья исходит из теорий А. Бадью о политическом как процедуре истины, как способа познания человеком истины миропорядка в целом и истины о себе самом, а также из взглядов А. Бадью и Ж. Рансьера на политическое как динамическое изменение Символического, т. е. устоявшегося порядка: политическое как всплеск активности, вызванный борьбой за новые идеалы. Исходя из опорных авторов (А. Негри, М. Хардт, П. Вирно, А. Бадью, Ж. Рансьер, Э. Лаклау, Ш. Муфф и проч.) текст оказывается в границах марксизма, даже неомарксизма, поскольку используются теории З. Фрейда, Ж. Лакана, С. Жижека, Ю. Хабермаса, Ж.-П. Сартра, однако лучше попытаться воспринимать его как самостоятельное явление, пытающееся найти новые основания для понимания культурных процессов. Главным же подходом при анализе феномена множества оказывается концепция *перманентной современности*, развивающаяся из идеи о современности как Я-субъективности, выдвинутой А. В. Павловым [15; 16] и получившей некоторое полемическое развитие в диалоге между ним и А.С. Чупровым [28], Г. Л. Тульчинским [24], С.В. Борисовым [6], Ю. Г. Ершовым [10]. Суть концепции будет удобнее раскрыть уже в основной части работы.

Результаты и обсуждение

Перманентная современность представляет собой ситуацию столкновения мыслящего Я (*субъекта*) с вызовами времени,

¹ Третьяк А. Р. Понятие «множество» в политической философии: от Макиавелли до Негри и Вирно : дис. ... канд. филос. наук. М., 2021. 260 с.

разворачивающегося перед ним в горизонтальной (время жизни и текущих связей в моменте времени) и вертикальной (вертикально ориентированное время, увязывающее прошлое и будущее) плоскостях. Рефлексия и творческая деятельность субъекта приводят к созданию *утопии*, проект которой подхватывается *множеством* — совокупностью агентов, действующих в культурном поле, но не созидающих интеллигентно, а принимающих некий вариант грядущего Символического. Субъекты и множества, ассоциированные с определенной Идеей, образуют собой полифокальное [17] динамическое взаимодействие, обуславливающее культурную динамику, ведущую к возникновению цивилизации, в границах которой взаимодействуют пласты культуры, модерна и постмодерна, разрываемые ситуацией межцивилизационной эпохи.

В результате множество (*multitude*) — важное понятие теории перманентной современности, т. к. представляет собой второй по значению структурный элемент: круг, складывающийся вокруг точки и расширяющий влияние точки в пространстве-времени. Образование множества — перманентный процесс диалога с Идеей (И. Кант) и Событием (А. Бадью), процесс расширения Идеи и События в культурном пространстве, перманентная актуализация высказанного. В конечном счете, именно множество вводит субъекта в Символическое, символизирует Я. Вместе с тем посредством субъекта само множество обретает субъектность, становится причастным истине — субъект определяет означаемое истины в конкретной точке пространства-времени: голос субъекта определяет горизонт и цели борьбы.

Сам термин «множество» был очищен от негативных коннотаций массовости и введен в философско-политологический оборот А. Негри и М. Хардтом [25; 26]. Множество может быть помыслено различными способами: как некая сборка (Б. Латур) или как цепочка эквивалентностей (Э. Лаклау): оба эти способа вносят лишь необходимую ссылку на гетерогенность, но не меняют сути: множество — совокупность агентов, группирующихся вокруг Идеи, носителем которой выступает субъект.

Любое множество образуется как результат внезапного рождения политики (Ж. Рансьер). Оно представляет из себя совокупность временных союзников, каждый из которых «стремится к сборке, чтобы стать самим собой, чтобы реализовать свою идентичность» [11, с. 31]. Если говорить о

множестве уличной демонстрации, следует указать, что раскол идет не между силами порядка, модернити и традиционализма¹, а между силами порядка, субъектности и анархии.

Данное утверждение можно продемонстрировать на примере движения *Black Lives Matter*, имевшего место в США в 2020 году: протесты, происходящие на улицах в течение дня носили мирную форму, результатом которой являлось совершение некоего События, возможное изменение Символического: складывался диалог между силами полиции (буквальной и как концепта Рансьера) и множеством граждан, требующих изменений в области человечности, требующих ликвидировать возможность насилия со стороны государства, требующих признать телесность Другого и его способность испытывать боль. Этот диалог разворачивался между множеством агентов, поддерживающих изначально высказанные идеи о свободе и равенстве. И это две конструктивные стороны.

По вечерам, однако, силы правопорядка вынуждены были разгонять третью сторону: агрессивно настроенных людей, прикнувших к протесту, присвоивших лозунги освобождения, но явно нацеленных на удовлетворение собственных стремлений и инстинктов: на мародерство, на погромы, на шум (как прото-речь, как бормотание неучтенных в политическом поле, как высказывание тех, кому отказано в логосе, в понимании Ж. Рансьера [20, с. 141—143]). Это третья сторона. Сторона неизбежная. Это сторона *невовлеченных*, сторона вытесненных, сторона, чей голос превращается в (опасный) шум, потому что эта сторона не учитывается в обычной ситуации. Неучитываемая сторона — отброшенный камень, становящийся самым опасным элементом подрыва, когда происходят революционные события. Уже Сократ говорил об опасности людей, у которых нет завтра [12, с. 288]. Эти люди всегда примыкают и окружают то множество, которое имеет завтра, имеет Идею, которое высказывается за позитивную повестку конструктивно. Сторона варваров (т. е. производящих шум) тоже высказывается за повестку политического — за равенство и освобождение, — но делает это на языке шума, доступном для нее, лишенной образования, лишенной внимания, лишенной завтра со стороны доминирующего социального слоя. Иными словами, множе-

¹ Бадью А. Бер по замкнутому кругу. URL: <https://liva.com.ua/finitude-badiou.html> (дата обращения: 22.03.2022).

ство, образуемое вокруг Идеи, вокруг субъекта, представляет собой делимое; целое, состоящее из гетерогенных частей, каждая из которых говорит на своем собственном языке, исходя из собственного понимания Идеи, исходя из собственных представлений о действии, а конструктивность этого действия зависит от того, насколько учтенными или неучтенными были группы, образующие множество. Цель любого множества — быть услышанным, говоря словами Субкоманданте Маркоса.

Обращаясь к языку Лакана, множество конституируемо швом. Оно шито рождением политики, шито необходимостью единого действия ради достижения приоткрывающейся возможности истины. Оно шито во времени и пространстве, чтобы потом снова распастись. Шов прикрывает присущий множеству антагонизм. Прикрывает отсутствие множества: множество существует только в качестве мыслимой формы, но не в качестве единого социального образования. Любое множество более чем условно: это всего лишь ментальная операция *читающего* помыслить социальный процесс и *захватить* разворачивающуюся историю.

В концепции перманентной современности множество играет структурную роль. Множество связано с субъектом как с Сущностью. Субъект осуществляет интенциональную операцию *cogito*, руководствуясь логичностью, структурностью, системностью, диалектичностью, критичностью и концептуальностью мышления. Через направленность на себя (рефлексию, как ее определяет Гегель) мышление субъекта направляется и на окружающее, включает в себя окружающее, определяет субъекта через его отношения с окружающим. Субъект создает определенные рамки — фреймы (англ. frame — кадр, рамка, каркас)¹, которые оказываются его мировоззрением и миропониманием. Рамки, в которых субъект мыслит себя и пространство-время, имплицитно содержат в себе стремление к изменению: расширению, переконфигурации. Иными словами, субъект обладает представлением об условиях, в которых ему хотелось бы жить, о людях, которых хотелось бы видеть вокруг себя. Так Платон пытался воздействовать на Дионисия Старшего, а потом пришел к выводу, что социальных изменений можно достичь не через воздействие на умы взрослых, а благодаря развращению умов юных (фактически обучая их критиче-

скому мышлению [19, с. 18—26]). Т. е. Платон целенаправленно приступил к созданию множества.

Когда рамки расширяются, обращаясь в векторы возможного социально-политического будущего, они включают в себя множество: индивидов, знакомых с *cogito* субъекта, или отвлеченно слышащих межсубъектный диалог, воодушевленных сведенными к лозунгам идеям, откликнувшимся на Событие. Расширенные рамки включают множество, которое организуется вокруг субъекта-идеи через отношения интериорности, когда части мозаики взаимозависимы, конституируют друг друга и немислимы друг без друга: множество конституирует субъекта, признавая его мессианский мандат, но одновременно конституируется само вокруг мысли субъекта, такого *objet petit a*, недостижимого объекта-желания, говоря языком Лакана: множество принимает интеллектуально-идеальные построения субъекта в качестве истины, которую следовало бы реализовать: истину просветления, истину Царства, истину социализма. Множество и субъект созависимы, но эта зависимость различна: субъект как физическое тело может существовать без множества, но не может существовать без него как тело культуры, как культуротворческий актер; как культуротворческий актер субъект остается существовать с множеством («Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» Мф. 18:20), даже утратив физическое воплощение — мертвый субъект необходим множеству в качестве фигуры Отца, фигуры нового провозглашаемого закона. Множество не существует без субъекта, т. к. оказывается лишенным идентификации. Множество идентифицирует субъекта и идентифицируется в субъекте.

Множество создается на основании идентичности. История — элемент идентичности. Политика — способ объявления коллективной истины, нацеленной на акт говорения (не шума) и на присвоение пространства. Искусство — элемент политического. Между процедурами истины Бадью следовало бы установить соотношение, где любовь и математика объявляют субъекту истину о себе, искусство входит в промежуточное состояние, а вершиной является политика — разворачивание субъективности в поле культуры с целью преобразования культуры. Достоевский пишет о мраке, с целью обратиться к свету. Толстой пишет о свете, чтобы выпрямить пути к нему. Иисус говорит о себе *Сын Человеческий*, выражая мысль о своей частности общему. Нет Я без Мы, потому что Мы создает среду, где

¹ Вахштайн В. С. Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007. С. 18.

возможно Я, но Я несет ответственность перед Мы.

Исторических примеров подобного отношения достаточно. Пожалуй, самый известный пример для западной культуры — Христос, апостол Павел и христианство [1]; когда Христос — человек в общем и целом помысливший истинность человеческого бытия в определенных правилах, Павел — тот, кто способствовал расширению идей Иисуса и все силы бросил на сознательное конструирование множества, коим стали христиане. В результате, христиане образуют некое массовое образование, связанное особым пониманием экзистенциальной истины и предъявляющими требование к установлению определенного политического закона. Иисусу требуются христиане, чтобы быть субъектом, а христианам требуется Христос для своей идентификации (или даже идентификаций). Собственно говоря, подобная история разворачивается вокруг Маркса и Ленина с большевиками. Попытка волюнтаристски воссоздать этот шаблон прослеживается в канонизации Ленина Сталиным. Однако факт банкротства этой попытки говорит о том, что отношения субъекта и множества складываются самостоятельно, произвольно, они неуправляемы при помощи человеческих институтов, но синхронизированы процедурами истины. Отношения субъекта и множества — отношения экзистенциальные и политические.

А. Бадью в своей теории субъекта [31] исходит из того, что субъективность привязана к Событию. Однако субъект независим от События. Напротив, Событие становится возможным, благодаря деятельности субъекта. Единственное Событие, к которому может быть привязан субъект, которое конституирует его в качестве субъекта, — событие осознания собственного Я, событие просветления, испытанное Буддой или отраженное в конце «Тошноты» Сартра. Иными словами, если субъект и конституируется событием, то это всегда событие личного плана, являющееся результатом вдруг открывшейся человеку истины о себе. Это событие запускает рефлексию. Событие же, как его понимает А. Бадью, конституирует как раз множество: определенный круг людей вдруг начинает говорить на одном языке, неожиданно понимает свою общность в конкретном историческом моменте. И несмотря на то, что отношения между субъектом и множеством интериорны, они сложны, нелинейны, гетерогенны, а потому лучше всего могут быть помыслены в качестве ассамбляжа.

Теория ассамбляжа на уровне прозрения предложена Ж. Делезом [9], который ввел термин, оперировал им (он рассредоточен по его текстам; в русском языке представлен как «сборка»), но не концептуализировал полностью. М. Деланда предлагает использовать теорию ассамбляжей для анализа социальной сложности. С точки зрения М. Деланды, ассамбляж представляет собой ситуацию, где основные части целого самодостаточны, гетерогенны и связаны отношениями экстериторности [8, с. 18—20], т. е. взаимно детерминированы, запутаны и нелинейны, в чем-то похожи на пчелиные соты, структурированные на манер матрешки: множество множественно: это единицы и группы, образующие кластеры, которые могут внутри себя распадаться на макро-микро уровни, придерживаться различных иерархий, различных устройств, различных степеней автономии. Так мы имеем христианское множество, распадающееся на католиков, православных, протестантов, а каждая из этих групп распадается на свои подгруппы и далее. Общность множества конституирована экзистенциальной истиной Христа, но дальнейшее усложнение идет за счет множественности экзистенциалов. Т. е. теория ассамбляжа пересекается с математической онтологией А. Бадью.

Теория ассамбляжа, предлагаемая Деландой, предполагает мыслить целостность как отношение частей, каждая из которых может быть отделена и помещена в другой ассамбляж, но при этом связана коэволюцией: «Рассмотрение организма в качестве ассамбляжа предполагает, что, несмотря на тесную взаимосвязь между органами, составляющими организм, отношения между ними не являются логически необходимыми, но лишь контингентно обязательными в качестве исторического результата их коэволюции» [8, с. 21]. Исторический результат коэволюции подразумевает определенную територизацию и кодирование [8, с. 21—30] множества, означающие *mutato nomine* локализацию площадки-времени и язык (нарратив): мы уже знаем, что множество обретает онтологию в субъекте, который сосуществует со-временем и создает нарратив настоящего(-)будущего: интерпретацию настоящего, устремленного в будущее и прогнозирование будущего, спускаемого в настоящее.

Отталкиваясь от теории ассамбляжей, можно сказать, что множество структурирует социальную реальность через взаимодействие собственных автономных частей на различных уровнях, что мы и видим на

площади: есть общее множество площади (площадь, здания, баррикады, плакаты, вертолеты, полицейские, чиновники, журналисты, протестующие), которое распадается на части, каждая из которых объединена в целое площади, в целое декларации только историчностью происходящего, однако готова выпасть или распастись на более мелкие части: к примеру, протестующих мы поделили на тех, кто имеет повестку и артикулирует требование, и тех, кто прикнул и производит шум, кто вытеснен и на данный момент не созрел до логоса истины, но причастен к ней имманентно. Каждая из этих групп протестующих сведена и объединена вместе случайностью, ходом истории, путешествием Духа. Каждая из этих групп, объединившись в группу «протестующие», образует один временный ассамбляж протестующих в ассамбляже площади. Но как ассамбляж площади распадается на физические объекты, полицию и протестующих, так и ассамбляж протестующих распадается на требующих и прикнувших, которые в свою очередь фрагментируются на более мелкие ассамбляжи: западников, славянофилов, националистов, пофигистов, хулиганов etc. Ассамбляж площади — политическое множество как таковое, чья сила потенциально способна изменить Символический порядок.

Но и множество субъекта (S_M) устроено как ассамбляж: оно объединено экзистенциально-политической истиной субъекта, но это объединение случайно, основано на общей идентификации, привязанной к субъекту и Идее, гетерогенно (каждый агент сохраняет автономность и живет собственной жизнью, а его степень вовлеченности в множество различна) и может распастись по разным причинам (утрата субъектом авторитета, потускнение Идеи или ее растворение в другом Событии, изменение взглядов агента). Множество субъекта может распастись до бесконечности: Ленин, Бернштейн, Мао — все лидеры течений в едином множестве марксистов. Лидеры, которые сами сформировали собственные множества. Т. е. структура множества бесконечна, подобна матрешке, но всегда организована вокруг субъекта, говорит от лица субъекта, с опорой на язык субъекта (терминология, видение будущего, интерпретация настоящего).

Пример такого взаимодействия множества и субъекта находится на поверхности: есть Маркс и разработанный им для самого себя дискурс, усвоенный определенным числом тех, кому понравилось понимать

реальность через оптику Маркса. Язык этих последователей пронизан терминологией Маркса. Эти последователи пытаются реагировать на вызовы своей жизни, своего времени, своего бытия-в-мире, опираясь на сформулированные Марксом постулаты. Эти последователи пытаются актуализировать язык Маркса под изменения, произошедшие в мире, стараются изменить мир в соответствии с ориентирами мыслителя из Трира.

Победное шествие психоанализа по ступеням ментальных конструкций XX века и связанные с этим шествием изменения в искусстве и социальных практиках — еще один яркий пример взаимодействия субъекта и множества, воздействия множества на культуру.

В образном представлении можно говорить о том, что отношения субъекта и множества — это отношения бесконечной бинарности: как отмечали Делез и Гваттари, одно становится двумя, а два превращаются в четыре [9, с. 9]. Говоря об отношении субъекта и множества, мы имеем постоянный рост: Иисус — Павел — ученики Павла — общины первых христиан — христианское множество по состоянию на XXI в. Разумеется, Иисус не возник из пустоты и основывался на идеях, сформулированных до него, оставив последователей после себя. Иисус выступал в подрывной роли относительно существующего и в образе провозвестника, относительно грядущего. Интересно, что в основе всей христианской культуры находится девиантный субъект-грешник: не праведники Адам и Павел конституируют христианство, а Ева и Иуда, своим актом грехопадения дающие возможность свершиться Событию, благодаря которому разворачивается последующее, складывается этика добра и зла. Иными словами, именно субъект осуществляет этический акт. Множество не имеет отношения к этике. Политическое множество площади (осуществляющее Событие) всегда дестратифицируется, в какой-то степени даже детерриторизируется: Э. Хобсбаум указывает на стремление революционных наций — США, Франции, России — распространить свою революцию на весь мир [27, с. 96—99], т. е. множество площади — это множество универсальной истины. Тогда как множество субъекта — это всегда региональное множество индивидуального прозрения. Множество субъекта всегда идентифицируется вокруг имени субъекта, присваивая дискурс субъекта. В результате именно субъект оказывается этическим и дискурсивным центром культуры. Множество же — социальным телом субъек-

та. Вернее, телом голоса субъекта. Субъект уже может не быть, а «тело» присваивает себе голос субъекта, говорит от имени субъекта и языком субъекта во вневременности: так марксисты говорят языком субъекта от том *esse est percipi*, что виделось Марксу.

Иными словами, политическое/практическое/динамическое ядро современности — это этический говорящий человек, окруженный множеством, реализующим *слово и дело*.

Между субъектами-множествами разворачивается экзистенциальный полилог, который и запускает процессы изменчивости культуры, приводит к рождению нового Символического порядка. В этой структуре множество сохраняет верность субъекту, в то время как субъект всегда сохраняет верность Идее и Событию прошлого-будущего: отталкиваясь от произошедшего и ориентируясь на провозглашаемое им же грядущее.

Метафора ризомы, которую развивают Ж. Делез и Ф. Гваттари для иллюстрации своих идей, удачно подходит для объяснения отношений субъекта и множества в поле культуры. Метафора ризомы — это множественные луковицы-корни, сверху и снизу которых находится по разросшейся кроне (крона как крона, и крона корней в дереве Хомского), но и сами корни соединены между собой. Ризома основана на принципе соединения и неоднородности, когда любая точка ризомы может быть присоединена к любой другой точке. В практике современности это означает, что любой актер (субъект) или агент (множество, человек) могут вступать в диалог и образовывать множество с любым иным актором или агентом, имеющимся во времени и в пространстве (горизонтальных — в сегодня и в вертикальных — вчера). Сама ризома образует множественность социального поля, а в этой множественности встречаются постоянно распадающиеся множественности, к тому же рассредоточенные во времени. Допустим, есть множество субъектов, ведущих между собой диалог в сегодня. Но каждый из этих субъектов ведет диалог не только с кем-то живущим параллельно, но и с кем-то, кто присутствует параллельно лишь на уровне оставленной мысли. Т. е. каждый субъект образован множеством других субъектов, которые есть сегодня и были вчера. Это корни. Но (мы уже пришли к этой мысли) субъект дает начало множеству, которое будет отстаивать истину субъекта на площади. Это крона. Сам субъект оказывается как бы между двух крон: множества субъектов прошлого, множества агентов будущего.

Субъект — точка, где сжимается историческое время прошлого-будущего, откуда это время разворачивается. Место, из которого расходится множество агентов, впоследствии со-творяющих будущее. Делез и Гваттари указывают, что «язык устанавливается вокруг прихода, епархии или столицы» и «перемещается подобно масляным пятнам» [9, с. 13]. Эта мысль станет безупречной при внесении в нее поправки: язык устанавливается вокруг субъекта и уже от него в виде дискурса распространяется подобно масляным пятнам. Этими пятнами и является множество. До момента, пока наша мысль не станет абсолютно новой, перевернув язык и парадигму, люди в той или иной степени оказываются частью одного из гетерогенных множеств.

Собственно говоря, дискурсы территориализуют и стратифицируют множество. Благодаря дискурсам появляются левые и правые, маоисты и троцкисты, фашисты и ответственные капиталисты, лютеране и кальвинисты. Дискурсы идентифицируют множество, в некотором роде механизмируют его: полифокальный диалог множеств превращается в некий программный обмен дискурсов. И этот программный обмен существует в обыденности, развивается в обыденности, формирует обыденность, склоняя чаши весов в ту или иную сторону. Именно этот программный обмен латентно готовит Событие. Этот программный обмен — одно из условий выбивающихся из механизации истинных процедур, особенно искусства, которое пытается уловить то, что скрыто за машинным кодом, почувствовать настоящий призыв бытия.

Интерпретируя Делеза можно сказать, что множество — это сборка субъекта (как акта высказывания, как акта мысли, как предложения пути, как голоса, причастного к процедуре истины) и агентов (как желающих достичь истины). Множество — это сборка индивидов, проявляющих политическую активность, находящихся в ожидании События, либо уже задействованных в нем. Множество — сборка индивидов, желающих реализации Идеи.

Теория множеств (гетерогенных, ризомных, мобильных, вариативных и текучих: перестраивающихся физически и ментально) кажется более гибкой, чем классовая теория или теория масс. Массы и классы, с точки зрения Р. Люксембург или А. Бадью, находятся в некоторой структурной взаимосвязи: массы предшествуют классам; массы имеют онтологический протестный характер, а классы — всего лишь истори-

ческая форма протестных масс. При таком взгляде массы оказываются только с одной стороны: со стороны протеста, хотя по факту массы всегда сходятся с массами. Само слово «масса» содержит в себе некоторые монолитные коннотации, коннотации бесцветности и тотальности.

Понятие множество более динамично, более гибко, оно в качестве сборки затрагивает всю совокупность агентов, актуализированных той или иной процедурой истины. Множество более вариативно. Множество оформлено массой, но индивидуально из-за своей онтологической гетерогенности. Каждая молекула множества — единица, вступившая в диалог с целым и противоположным. Единицы обладают свободой и возможностью изменяться. С единицей возможен диалог. Диалог необходимо выстраивается не между массами и ярлыками, а между единицами. Множество — это объединение единиц, конструируемых идеей субъекта. «Нет индивидуального высказываемого, есть только машинные сборки, производящие высказанное» [9, с. 62]. Собственно говоря, множество и есть такая сборка: сборка, относящаяся к артикулируемой субъектом истине. А онтология множества в истине субъекта выводит его из-под действия географических, национальных и любых других границ, разглаживая пространство.

Множество — это машина войны, если объяснять феномен языком Делеза. Машина войны, потому что множество подвижно, абстрактно, готово ускользнуть и наделено способностями к метаморфозам, к расширению и умножению. Множество гладкое, а не рифленое; живое вместо мертвого. Оно противоположно фашизму и смерти. Оно живое и динамичное. Множество представляет собой некую гладкость, которая, однако, несет в себе потенциал рифления. Множество состоит из молекул-точек, которые вместе, как мы знаем, образуют линию. Линии могут очерчивать пространство и образовывать вектор. В этом проявляется любая социальная и культурная динамика. Множества собираются и распадаются — в этом процессе проявляется машинерия, машина войны.

Заключение

Итак, множество — образ динамики перманентной современности. Это гетерогенная динамичная (сужающаяся и расширяющаяся) машина, которая состоит из субъекта (сведенного до Идеи, до голой сущности

человеческого) и приверженцев Идеи субъекта, сохраняющих ей верность. Множество распадается, собирается, расширяется и сужается в разные периоды исторического времени. Оно конституируется диалогом и проблемностью общего бытия, истиной этого бытия и актуальностью Идеи-способа в конкретности существования. Множество дробится. Множества создают полицию и политику¹, устанавливают и свергают Символическое. Множества мобилизуются голосом истины, говорящей о шансе на свободу в конкретном мгновении. Роль субъекта в множестве определена Христом: «Не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10:34). Во множестве мы видим: (1) субъекта, создающего мысль-вектор (Иисус), (2) квазисубъекта, расширяющего пространство борьбы (Павел, Лютер и др.); (3) образующиеся группы, пытающиеся реализовать объявленные идеи и тем самым осуществить свое естественное право на справедливость и ведущие между собой диалог словом или делом (христиане как общность и христианские группы как частность). Множества представляют субъекта в перманентности пространства-времени. возможность множества связана с политической телеологией человеческого животного (Аристотель).

Существуют множества как множества субъекта-Идеи, и ассамбляжи/сборки как множества площади. Эти множества взаимодействуют между собой, перетекают одно в другое, находятся в диалоге, в перманентной динамике. Множество локализовано идейностью, но детерриторизовано относительно любых внешних границ. Цель множества — разгладить пространство для его последующего рифления сообразно новым правилам.

В результате множество оказывается совокупностью агентов, которые представляют мысль субъекта в поле культуры, своеобразно ее интерпретируя, но оставаясь вооруженными ее дискурсом, включающем язык, цели и категории. Множества взаимодействуют между собой в политическом пространстве. Множества выражаются через

¹ Автор солидарен с определением данных понятий у Ж. Рансьера, А. Бадью и Ш. Муфф: «Полиция — процесс организации собрания людей в сообщество и консенсуса между ними, основанный на иерархическом распределении мест и функция»; «Политика — процесс взаимодействия практик, направляемых предположением равенства кого угодно с кем угодно и заботой о верификации это равенства»; «Политическое будет областью встречи между политикой и полицией при разборе несправедливости»; «Всякая полиция отрицает равенство» [20, с. 99—100].

искусство, науку, матему — т. е. они оказываются проводниками экзистенциальной истины субъекта. Множества организованы как сборка: они сохраняют индивидуальность и автономность своих единиц. Вместе с тем множества не являются независимыми этическими акторами — это агенты, вооруженные дискурсом субъекта и большей частью пребывающие в обыденности, но имеющие некое стремление. Мысль субъекта служит точкой идентификации для множества. Связка субъект-множество образует устойчивую причинность культурных изменений, разворачивающихся в границах, которые можно было бы охарактеризовать следующим образом¹:

- 1) Цивилизация представляет собой каркасные условия отношений человека с бытием. Это малоподвижная тектоническая часть человеческого взаимодействия с миром, целью которой является сделать это взаимодействие более-менее устойчивым, придать бытию-в-мире более-менее стабильные основания, телеологию, какую-то осмысленность и переносимость. Цель цивилизации — сделать существование переносимым, квазиуправляемым. Отсюда монументальный и ритуальный характер цивилизационных форм. На формирование цивилизации влияет природа; цивилизация связана с менталитетом; она часто ритуализирована в религии. Ритуал стабилизирует, упорядочивает и даже как бы контролирует бытие.
- 2) Модерн — устойчивая ценностная шкала цивилизации, выражающаяся в художественной практике и формах политического запроса. Модерн возникает и разрушается периодически, и всегда соотносится со знаковыми течениями в культуре.
- 3) Культура — форма общественной жизни в условиях модерна, принимающая микро- и макроформы. Культура изменчива, подвижна. Это основное поле взаимодействий и изменений пространства человеческого общежития. Культура есть подвижная рациональность.
- 4) Постмодерн — ситуация нащупыва-

ния новых оснований. Постмодерн имманентно присущ культуре, он всегда существует и развивается параллельно устойчивой парадигме модерна. Постмодерн всегда мыслит немного вперед, всегда ищет, предлагает и отрицает. Динамика модерна — постмодерна обеспечивает динамику культуры и приводит к ее изменению.

- 5) Межцивилизационная эпоха — ситуация слома цивилизационной матрицы и выстраивания нового пространства на основании иных принципов и процедур.

Однако все эти формы человеческого общежития существуют только благодаря присутствию мыслящего (*cogito*) и действующего человека, стоящего в просвете бытия (М. Хайдеггер) — субъекта, и связанной с ним совокупности агентов — множества. Это объединение и образует ситуацию перманентной современности.

Статья поступила в редакцию 23.03.2022

1. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма. М. : Московский философский фонд ; СПб. : Университетская книга, 1999. 96 с.

2. Бадью А. Загадочное отношение философии и политики. М. : Институт Общегуманитарных Исследований, 2013. 112 с.

3. Бадью А. Манифест философии. СПб. : Machina, 2003. 184 с.

4. Бадью А. Мета/Политика: можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М. : Логос, 2005. 240 с.

5. Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 248 с.

6. Борисов С. В. Что значит быть современным (в контексте статьи А. В. Павлова «Заметки о современности и субъективности») // Социум и власть. 2013. № 3. С. 123—126.

7. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 144 с.

8. Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь : Гиле Пресс, 2018. 170 с.

9. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. 895 с.

10. Ершов Ю. Г. Современность как проблема // Социум и власть. 2013. № 5. С. 131—136.

11. Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать

¹ Далее дается авторская интерпретация понятий, уже имеющих прочное обоснование в философском вокабуляре, обладающих массой коннотаций и интерпретаций. Автор не ставил своей целью в данной статье и не претендует на полный содержательный анализ этих понятий, но предлагает несколько иначе посмотреть на их взаимосвязь и смысловое наполнение.

Маркса. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 176 с.

12. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М. : РИПОЛ классик, 2019. 472 с.

13. Муфф Ш. К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2 (42). С. 180—197.

14. Муфф Ш. Политика и политическое // Политико-философский ежегодник. М. : ИФ РАН, 2008. С. 88—102.

15. Павлов А. В. Заметки о современности и субъективности. Критерии современности // Социум и власть. 2013. № 1. С. 5—14.

16. Павлов А. В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность // Социум и власть. 2012. № 6. С. 5—11.

17. Павлов А. В. Полифокальная социология современности // Социум и власть. 2013. № 4. С. 5—13.

18. Петровская Е. В. Речь и революция (набросок теории действия) // Международный журнал исследований культуры. 2020. № 3 (40). С. 16—34.

19. Платон. Апология Сократа // Платон. Полное собрание сочинений: в 1 т. М. : АЛЬФА-КНИГА, 2013. 1311 с.

20. Рансьер Ж. На краю политического. М. : Праксис, 2006. 240 с.

21. Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. СПб. : Machina, 2013. 192 с.

22. Рансьер Ж. Разделяя чувственное. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. 264 с.

23. Третьяк А. Р. Классовый проект multitude // Полития. 2020. № 4. С. 35—52.

24. Тульчинский Г.Л. Современность и субъективность // Социум и власть. 2013. № 3. С. 116—122.

25. Хардт М., Негри А. Империя. М. : Праксис, 2004. 440 с.

26. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М. : Культурная революция, 2006. 559 с.

27. Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789—1848. Ростов н/Д. : Феникс, 1999. 480 с.

28. Чупров А.С. Современность постмодерниста, или «Некуда бежать» // Социум и власть. 2013. № 2. С. 129—131.

29. Badiou A. Infinite Thought: Truth And The Return To Philosophy. London, New York : Continuum, 2005. 197 p.

30. Badiou A., Truong N., Bush P. In Praise of Love. Serpent's Tail City: London, England, 2012. 112 p.

31. Badiou A. Theory of the Subject. Continuum, 2009. 416 p.

32. Camfield D. The Multitude and the Kan-

garoo: A Critique of Hardt and Negri's Theory of Immaterial Labour. *Historical Materialism*. 2007. № 2 (15). P. 21—52.

33. Chesters G., Welsh I. Complexity and social movements: Multitudes at the edge of chaos. Routledge. 2007. 206 p.

34. Leask I. Ideology and the 'Multitude of the Classroom': Spinoza and Althusser at school // *Educational Philosophy and Theory*. 2018. № 9 (50). P. 858—867.

35. Lucchese F. Del. Conflict, Power, and Multitude in Machiavelli and Spinoza. *Tumult and Indignation*. Continuum, 2009, 224 p.

36. Mazzarella W. The Myth of the Multitude, or, Who's Afraid of the Crowd? *Critical Inquiry*. 2010. № 4 (36). P. 697—727.

37. Mouffe Ch. The Return of the Political. London ; New York : Verso, 1993. 164 p.

38. From Multitude to Crowds: Collective Action and the Media / Eduardo Cintra Torres, ed. Edited Collection. 268 p.

39. Radical Democracy and Collective Movements Today: The Biopolitics of the Multitude versus the Hegemony of the People. Routledge, 2016. 258 p.

40. Tampio N. Assemblages and the Multitude: Deleuze, Hardt, Negri, and the Postmodern Left // *European Journal of Political Theory*. 2009. № 3 (8). P. 383—400.

41. Watkin C.M. Thinking Equality Today: Badiou, Rancière, Nancy // *French Studies*. 2013. № 4 (LXVII). P. 522—534.

42. Žižek S. Multitude, Surplus, and Envy // *Rethinking Marxism*. 2007. № 1 (19). P. 46—58.

References

1. Bad'ju A. (1999) *Apostol Pavel. Obosnovanie universalizma*. Moscow, Moskovskij filosofskij fond; Sankt-Petersburg, Universitetskaja kniga 96 p. [in Rus].

2. Bad'ju A. (2013) *Zagadochnoe otnoshenie filosofii i politiki*. Moscow, Institut Obshhegumanitarnyh Issledovanij, 112 p. [in Rus].

3. Bad'ju A. (2003) *Manifest filosofii*. Sankt-Petersburg, Machina, 184 p. [in Rus].

4. Bad'ju A. (2005) *Meta/Politika: Mozhno li myslit' politiku? Kratkij traktat po metapolitike*. Moscow, Logos, 240 p. [in Rus].

5. Batler Dzh. (2018) *Zametki k performativnoj teorii sobranija*. Moscow, Ad Marginem Press, 248 p. [in Rus].

6. Borisov S.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 3, pp. 123—126 [in Rus].

7. Virno P. (2015) *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoj zhizni*. Moscow, Ad Marginem Press, 144 p. [in Rus].

8. Delanda M. (2018) *Novaja filosofija ob-*

shhestva: Teorija assambljazhej i social'naja slozhnost'. Perm', Gile Press, 170 p. [in Rus].

9. Delez Zh., Gvattari F. (2010) Tysjacha plato: Kapitalizm i shizofrenija. Ekaterinburg, U-Faktorija; Moscow, Astrel', 895 p. [in Rus].

10. Ershov Ju.G. (2013) *Socium i vlast'*, no. 5, pp. 131—136 [in Rus].

11. Zhizhek S., Ruda F., Hamza A. (2019) Chitat' Marksa. Moscow, Izd. dom Vysšej shkoly jekonomiki, 176 p. [in Rus].

12. Ksenofont. (2019) Vospominanija o Sokrate. Moscow, RIPOL klassik, 472 p. [in Rus].

13. Muff Sh. (2004) *Logos*, no. 2 (42), pp. 180—197 [in Rus].

14. Muff Sh. (2008) *Politiko-filosofskij ezhegodnik*. Moscow, IF RAN, pp. 88—102. [in Rus].

15. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 1, pp. 5—14 [in Rus].

16. Pavlov A.V. (2012) *Socium i vlast'*, no. 6, pp. 5—11 [in Rus].

17. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 4, pp. 5—13 [in Rus].

18. Petrovskaja E.V. (2020) *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*, no. 3 (40), pp. 16—34 [in Rus].

19. Platon. (2013) Apologija Sokrata // Platon. Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome. Moscow, AL'FA-KNIGA, 1311 p. [in Rus].

20. Rans'er Zh. (2006) Na kraju političeskogo. Moscow, Praksis, 240 p. [in Rus].

21. Rans'er Zh. (2013) Nesoglasie: Politika i filosofija. Sankt-Petersburg, Machina, 192 p. [in Rus].

22. Rans'er Zh. (2007) Razdeljaja chuvstvennoe. Sankt-Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 264 p. [in Rus].

23. Tret'jak A.R. (2020) *Politija*, no. 4, pp. 35—52 [in Rus].

24. Tul'chinskij G.L. (2013) *Socium i vlast'*, no. 3, pp. 116-122 [in Rus].

25. Hardt M., Negri A. (2004) Imperija. Moscow, Praksis, 440 p. [in Rus].

26. Hardt M., Negri A. (2006) Mnozhestvo:

vojna i demokratija v jepohu imperii. Moscow, Kul'turnaja revolucija, 559 p. [in Rus].

27. Hobsbaum Je. (1999) Vek revolucii. Evropa 1789—1848. Rostov n/D., «Feniks», 480 p. [in Rus].

28. Chuprov A.S. (2013) *Socium i vlast'*, no. 2, pp. 129—131 [in Rus].

29. Badiou A. (2005) Infinite Thought: Truth And The Return To Philosophy. London, New York, Continuum, 197 p. [in Eng].

30. Badiou A., Truong N., Bush P. (2012) In Praise of Love. Serpent's Tail City. London, England, 112 p. [in Eng].

31. Badiou A. (2009) Theory of the Subject. Continuum, 416 p. [in Eng].

32. Camfield D. (2007) *Historical Materialism*, no. 2 (15), pp. 21-52 [in Eng].

33. Chesters G., Welsh I. (2007) Complexity and social movements: Multitudes at the edge of chaos. Routledge, 206 p. [in Eng].

34. Leask I. (2018) *Educational Philosophy and Theory*, no. 9 (50), pp. 858-867 [in Eng].

35. Lucchese F. Del. (2009) Conflict, Power, and Multitude in Machiavelli and Spinoza. Tumult and Indignation. Continuum, 224 p. [in Eng]

36. Mazzarella W. (2010) *Critical Inquiry*, no. 4 (36), pp. 697—727 [in Eng].

37. Mouffe Ch. (1993) The Return of the Political. London, New York: Verso, 164 p. [in Eng].

38. (2015) From Multitude to Crowds: Collective Action and the Media. Edited Collection, 268 p. [in Eng]

39. (2016) Radical Democracy and Collective Movements Today: The Biopolitics of the Multitude versus the Hegemony of the People. Routledge, 258 p. [in Eng].

40. Tampio N. (2009) *European Journal of Political Theory*, no. 3 (8), pp. 383—400 [in Eng].

41. Watkin C.M. (2013) *French Studies*, no. 4 (LXVII), pp. 522—534 [in Eng].

42. Žižek S. (2007) *Rethinking Marxism*, no. 1 (19), pp. 46—58 [in Eng].

For citing: Maltsev Ya. V. Mechanisms of socio-cultural dynamics in the concept of permanent modernity // *Socium i vlast'*. 2022. № 2 (92). P. 7—18. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-2-07-18. EDN: DKVNVD.

UDC 141.3

EDN: DKVNVD

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-07-18

MECHANISMS OF SOCIO-CULTURAL DYNAMICS IN THE CONCEPT OF PERMANENT MODERNITY

Yaroslav V. Maltsev,

Tyumen State University,
Associate Professor, Department
of Modern History and World Politics,
Cand. Sc. (Philosophy), Tyumen, Russia.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Abstract

Introduction. The phenomenon of multitude is actively comprehended in the world and domestic philosophical, sociological and political science in order to obtain new knowledge about social processes. The concept originating from mathematics, which became a permanent feature of philosophy thanks to the works of A. Negri, M. Hardt, A. Badiou, J. Rancière, Ch. Mouffe, J. Butler and, of course, is closely related to the work of J. Deleuze and F. Guattari, still needs reflecting and popularizing, and can also be used in constructing complex philosophical concepts.

The purpose of the article is to show the phenomenon of multitude which is an integral part of the permanent modernity theory as a tectonic force of socio-cultural variability, “operating” thanks to dialogue and the subject. Methods. The methodology of the article is based on phenomenology, hermeneutics, the principle of complexity; its theoretical basis is the concept of modernity as A.V. Pavlov’s I-subjectivity and the concept of permanent modernity.

Scientific novelty of the research. The article reveals the political aspect of the permanent modernity concept associated with cultural and civilizational dynamics. The author gives a new interpretation of such concepts as “modern”, “post-modern”, “civilization”, “culture”; proposes to take a fresh look at the hierarchy of these terms.

Results and conclusions. As a result, the author concludes that the multitude is a set of agents grouped around the subject-idea and realizing the utopia of the subject in the political area through multifaceted interactions, due to which cultural dynamics occurs.

Keywords:
subjectivity,
politics,
modern,
postmodern,
dialogue,
construction,
modernity

Для цитирования: Олейник В. А. Метафизическая концепция места и времени Аристотеля в свете идеи симулякра Жюлья Делёза // Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 19—28. DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-19-28. EDN: CRKWFFZ

УДК 111+115

EDN: CRKWFFZ

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-19-28

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МЕСТА И ВРЕМЕНИ АРИСТОТЕЛЯ В СВЕТЕ ИДЕИ СИМУЛЯКРА ЖИЛЯ ДЕЛЁЗА

Олейник Варвара Андреевна,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
соискатель философского факультета,
магистр философских наук. Москва, Россия.
E-mail: varvara994@yandex.ru

Аннотация:

Введение. В статье анализируется проблема времени в метафизической онтологии Аристотеля через призму концепции симулякра Ж. Делёза.

Цель данной статьи заключается в поиске новых интерпретационных возможностей для построения современной философской теории времени.

Методы. Методологической основой исследования служит (положение Ж. Делеза о симулякре), основные принципы построения симулякра, которые применяются к теории времени у Аристотеля.

Научная новизна исследования. С этой целью в исследовании находят свое выражение проблемы соотношения времени и различия, различия и смысла. Обосновывается тезис о симулятивном характере времени в онтологической системе Аристотеля. На основе выявленного отношения предлагается и раскрывается идея синхронии, которая могла бы объединить эти два явления в единую систему отношений, не редуцируя одно к другому и не попадая в логический круг.

Результаты. На основе проведенного анализа было выявлено, что время в концепции Аристотеля имеет черты симулякра. Данный анализ позволил определить синхронию как темпоральное понятие.

Выводы. Предложенный метод позволяет осуществлять аналогичные виды анализа в других метафизических системах с целью определения возможности выявления концепта.

Ключевые слова:
концептуальное различие,
неконцептуальное различие,
симулятивный,
синхрония

Введение

Произвести попытку деструкции аристотелевской теории пространства (места) и времени на предмет её внутренних парадоксов и интерпретативных возможностей классической метафизической онтологии в ее срезе посредством какой-то неклассической концепции эпохи ревущего постмодерна является нашей целью, но не является оригинальным шагом. Однако это имеет право на существование, если мы предполагаем за этим какую-то заветную научную новизну, предсказать которую гораздо проще, чем появление философского смысла в тексте. Заручившись нашим заверением, мы получаем «ярлык» на осуществление нашей попытки в нижеследующем тексте.

Методы

Вступая в обозначенное нами философское поле, мы должны пояснить значение упомянутой деструкции. Мы будем использовать его в смысле, который открывает нам М. Хайдеггер. Деструкция у Марбургского демона имеет значение дистанцирования от традиционного понимания бытия с целью поиска его глубинного исконного смысла. Применительно к нашей цели это определение можно уточнить, как дистанцирование от традиционного понимания отношения пространства и времени в той части аристотелевской онтологии, которая посвящена этим двум объектам. Подобная деструкция имеет цель выявить какой-то новый аспект понимания времени из корреляции с движением в контексте метафизики места, а не уничтожение любого смысла или поиска смысла в утрате смысла и ритуальных танцах бессмысленности на руинах капищ метафизических онтологий, которую, на наш взгляд, представляет собой деконструкция. Такой будет наша краткая «картезианская медитация», методологическое пояснение к предстоящему анализу.

Признаки симулякра

«Вслед за богом, смерти постмодерна настигли далее: автора, читателя и сам смысл. Коль скоро симулякр — это маленький сын платоновского образа, который отнимает корону смысла в угоду собственной трансцендентальной диареи, он заранее прицеливается мимо плода познания. Однако у Ж. Делёза смысл в «понятии» симулякра, как нам кажется, все же есть и может быть эксплицирован и применен нами к нашему исследованию времени у Аристотеля.

Реанимируя смысл, принесем в жертву Интригу в части результата нашего исследования. Восстанавливая смысл в правах, формулируем результат сейчас, в самом начале, в следующей фразе: ««время в теории пространства Аристотеля функционирует как симулякр в делёзианском смысле»».

Кратко поясним, как понимается онтология Аристотеля, поскольку во многом ниже следующее исследование производится на примере аристотелевской концепции времени. Время у Аристотеля появляется в контексте вопроса о природе пространства, то есть места. Идея места, как и времени, связывается Аристотелем с проблемой движения, изменения и различия в общем для них обоих понятия границы, которое для времени дополняется и раскрывается в понятии Теперь.

С момента утверждения времени в качестве меры движения и покоя, то есть меры различия в системе место-движение, начинается эпопея онтологической метаморфозы места и времени. Здесь заканчиваются метафизические поля и начинаются земли Пост-модерна, составленные из самовозникающих гор и зыбучих песков рекурсивного постотрицания. Спекулятивная игра в определении времени в онтологии Аристотеля проявила интересную черту: время де факто является выражением возможности различия. Однако этим проблема времени не исчерпывается, хоть мы и покидаем аристотелевскую онтологию. Выявленные черты времени могут быть поняты посредством концепции симулякра Ж. Делёза.

Проекция симулякра на время позволит выснить, с чем мы имеем дело, с какими проблемами сталкиваемся, когда говорим о времени, и почему позитивной концепции времени так трудно достичь.

Ж. Делёз дает такое определение симулякра: «Симулякр — это система, в которой различное соотносится с различным посредством самого различия» [11, с. 334]. Вся концепция различия Ж. Делёза представляет собой попытку гипостазировать различие, изолировать его от смежных понятий, вымещающих различие из поля дискурса, с целью обнаружения собственного онтологического содержания различия как такового. Шаг близкий к тому, который совершает М. Хайдеггер, утверждая онтологическое различие в качестве важной темы философии, на пути поиска смысла бытия [21, с. 2—8]. Если хайдеггеровская методология опиралась на феноменологию Э. Гуссерля и герменевтику, то Ж. Делёз прибегает к концепции симулякра. Симулякр Ж. Делёза здесь выступает не столько как классическая методология, сколько как пластичная система экспе-

римента над различием, в которой различие помещается в разнообразные ситуации и условия в различных областях знания (психология, биология, математика, литература и т. д.), из которой само различие выявляется в новом значении. Сверх этого сам процесс различия внутри симулякра так же вбирается в содержание «понятия» различия как такового, за счет чего можно говорить о концепте в делёзианском смысле (то есть: онтология + принципы симулятивного образа, которые становятся частью онтологии). В этой включенности, вероятно, и состоит главное отличие и особенность метода Ж. Делёза; он позволяет не только «пройти» по его следам к различию, но и самому провести это различие, никак не искажая концепта различия самого Ж. Делёза.

Симулякру как системе различия, согласно Ж. Делёзу, присущи некоторые черты самопостроения: глубина, формируемые/расходящиеся ряды; темный предшественник; имманентные соединения; субъекты личинки, пространственно-временные динамизмы; двойная дифференциация системы; центры упаковки. Набросив эти черты на систему отношений место-время у Аристотеля, можно заметить, что время в данной онтологии обладает чертами симулякра. Так, например, время обладает глубиной в этой системе отношений, поскольку формирует дискурсивную область экспликации (выявления, формирования) понятия на основе различия, продуцируемого им самим.

Во-вторых, следует пояснить, в чем состоит роль темного предшественника. Аналитика времени у Аристотеля начинается в горизонте проблемы соотношения и определения места и движения. Аристотель начинает свой анализ с определения места и движения, где место предстает определенной системой различия движения. В ходе этого анализа Аристотель определяет место, как границу объемлющего тела, в то время как движение определялось через понятия количества и числа. Три эти ключевые в данной онтологической системе понятия смежны с аристотелевским определением времени, которое раскрывается также через понятия границы и числа. Здесь время появляется в самом конце аристотелевского анализа. Однако его можно определить, как предшественника подобного концептуального различия в вопросе определений места и движения, которые приводит Аристотель в своем рассуждении.

Время в качестве темного предшественника скрыто присутствует в системе этого различия, формируя это различие внутри системы, которое дает месту и движению их

дефиниции и концептуальное содержание внутри этой системы. Значение, которое оказывает темный предшественник, находится по ту сторону концептуального содержания системы, хотя он может быть элементом этой системы с точки зрения его содержания, то есть концепта. Иными словами, значение времени в аристотелевской теории места и движения преодолевает порог системы, не черпает свое значение из содержания элементов, на формирование определений которых он оказывает скрытое влияние. Значение темного предшественника не является концептуальным, несмотря на его роль в формировании указанных концептов. Однако его вхождение в систему необходимо, и это вхождение имеет внутри системы концептуальное значение. Таким образом, время, как темный предшественник обладает концептуальным вхождением и концептуальной ролью, в которой получает некоторое определение внутри онтологической расстановки системы. Неконцептуальное, выходящее за предел онтологического и семантического содержания аристотелевской системы, значение времени-предшественника заключается в его функции формирования различия, на которое будет опираться система место-движения.

В-третьих, время обладает онтологической функцией формирования качественных и количественных рядов благодаря различию.

В-четвертых, время дифференцирует движение на два вида по основанию различия на качественное и количественное изменение, между которыми, впрочем, свободно перемещается. Два эти вида движения нечто говорят о времени, как принципе этой онтологии. Можно установить время как различающее, как причину различия, но у каждого вида различия время подразделяется на свою систему различения. Так для количественного изменения время задается из системы место-движения (перемещение вещей), тогда как для качественного — время понимается из системы душа — движение (способность счета). Аристотелю здесь удастся сохранить единство времени через понятие числа — оба движения в могут быть выражены посредством числа, только для качественного изменения дополняются еще специфические характеристики (быстрее-медленнее) [3, с. 156—159].

Двойная дифференциация системы в значении, в котором предлагает понимать Ж. Делёз, различает систему внутри Идеи и «сверх» Идеи на её Малое и Большое. Малое и Большое для Идеи (1) и для Идеи (2) различны¹, но внутри каждой «ипостаси» Идеи Боль-

шое и Малое смежные между собой в качестве принципа этого различия — на Большое и Малое. Иными словами, содержание Большого и Малого в каждой Идее различны, но сам принцип этого разделения на Большое и Малое идентичен. Так можно выделить:

1. Различие, как различное содержание внутри категории Большое — Малое; 2. Различие, как принцип классификации (дифференцирования) самой системы. В данном случае под названием «Большое» и «Малое» как категорий для различаемого содержания. Для Делёза, первый и второй виды конституируют различие вообще. Характерной чертой так понятого различия является также и то, что все значения различия входят во взаимодействие между собой, выходя за границы барьера того или иного типа (между содержаниями различия) и вида (между категориями и их содержаниями). Подобная всеохватность различия, как вирус, способно соединять элементы совершенно разнородные только потому, что они когда-либо вообще были подчинены принципу различия. В этом заключается трансцендентность и химеричность различия, которую нам пытается описать Ж. Делёз.

На основании этого Ж. Делёз представляет расходящееся ряды системы в системе, которые ретроспективно изменяют и дополняют «понятие» различия, образуя его концепт в философии, на экспликацию которого в чистом виде ориентирован его анализ. Концепция различия у Ж. Делёза имеет фрактальную композицию, где на каждом уровне происходит повторение различия безотносительно к тому, что конкретно каждый раз различается. Сказанное необходимо нам для установления двойной дифференциации системы в аристотелевской онтологии места и времени. Далее для иллюстрации заявленных нами общих положений о симулякре, соотнесем для прототипа делёзианскую «методологию» с системой время-движение у Аристотеля, которую мы уже упоминали выше.

Время в отношении количественного движения может быть выражено в числе. Дифференциация этой системы заключается в том, каким образом может быть «собрана» эта множественность, на основании локаль-

и «заигрывает» уже с самим содержанием понятия «идеи», то гипостазировав его значение, то, наоборот, понимая его контекстуально; соединяя эти значения и вновь различая их. Такой шаг понятен, поскольку Ж. Делёз рассматривает, в итоге, различие как языковую проблему, чем, на наш взгляд, ограничивает эту блестящую идею различия. Мы не будем в этом следовать за Ж. Делёзом, поскольку исчерпывающе полное представление его концепции не является нашей целью.

¹ Ж. Делёз на этом этапе продолжает различение

ного различия конкретного вида движения. Например, движение по кругу или по прямой, какой объект движется, с какой скоростью и другие компоненты различия данного движения. Дифференциация связана с каким-то конкретным движением, объектом движения и условиями его исполнения. Внутри этой системы, подчиняясь общему принципу симулякра (подлежать различию), происходят локальные различия по каждой позиции, в результате чего формируется система расходящихся рядов различия данного конкретно-количественного движения. В свою очередь качественное движение представляет собой так же систему отношений некоторых конкретных объектов и рядов различия. Два вида системы являются здесь составными частями Идеи 1, то есть различие как внутреннее деление Идеи. Это первая дифференциация системы.

Вторая дифференциация системы заключается в еще большем уточнении, конкретизации, уже имеющейся системы Идеи 1. Здесь сама Идея 1 подвергается *повторному* различению, происходит усложнение принципа различия, и различию подлежит система внутренних различий Идеи 1. Формируется система различий самих различий. В случае с аристотелевской теорией времени время подвергается различению как принцип онтологии. Так Аристотель вводит определение времени через понятие души.

С появлением души в данной системе происходит трансформация онтологии. Проблема души частично поглощает проблему времени. Происходит эрозия семантического и концептуального содержания «понятия» времени. Идея души вытесняет идею времени у Аристотеля¹ и подменяет её собой. «Выманив», в терминологии Ж. Делёза, у времени его онтологические «атрибуты», душа стягивает к себе все остальные элементы онтологии, которые принадлежали времени. Движение, которое обнаруживается душой, начинает пониматься через призму образа круговорота человеческой жизни, само время становится средством и предметом обихода души. Различиям, которым подвергается время, в новом онтологическом порядке, продуцируемом идеей души, соответствует вторая дифференциация системы. В ней уже различные элементы онтологии по основанию времени, перегруппируются, образуют новые связи и ряды различий по основанию души. Новые семантические ряды различий (по основанию — душа) перекрывают друг друга, интерферируют и переходят в «ста-

¹ Начиная с Аристотеля, эта тенденция только усилилась и укрепилась у последующих философов в их теоретических попытках концептуализации времени (например, у Августина, Канта, Гуссерля).

рые» семантические ряды (по основанию — время), образуя все новые и новые области различий и связей, то есть, формируя новые ряды, — продолжая бесконечную дифференциацию.

Неординарное положение занимает здесь время, у которого душа отняла центральную позицию в онтологии. Проблема состоит в том, что, во-первых, время как основание различия для движения дифференцирует его на два вида: количественное и качественное. Этому соответствует Идея 1. Во-вторых, вторая дифференциация относится к проблеме конфликта и наслаивания онтологических компетенций концептов души и времени. Этот процесс был описан и назван выше эрозией «понятия» времени. То, как это происходит, обнаружит характер проблемы, появляющейся в рамках второй дифференциации времени, а также раскроет явление названной эрозии.

При второй дифференциации происходит процесс вытеснения времени из центра онтологии на периферию. Душа отбирает у времени его право производить различие, а тем самым отказывает ему в возможности быть основанием различия для движения, каким оно было изначально. По мере того, как Аристотель все больше понятийно определяет душу, понятие времени становится все менее онтологически полноценным и — все более несамостоятельным, постепенно полностью переходя в подчинение к душе. Проблема здесь не столько логического характера, но в большей степени концептуального. С логической точки зрения понятие души подчиняет понятие времени, но это не исчерпывает проблемы. Эта констатация — верхушка айсберга. Логическая проблема — симптоматика концептуального преобразования, деформации онтологической системы².

² В этой связи будет уместно упомянуть, как в работе «Фигуры и складки» определяется одна из задач философской антропологии, которая рождается из анализа работы Делёза «Логика смысла»: «Антропология должна поставить вопрос о бытии языка для того, чтобы дать слово дословному» [5, с. 145]. Для нас представляет интерес названное дословное. Область Дословного, о котором говорит автор, это именно то, что, на наш взгляд, может быть обнаружено у Аристотеля в его концепции времени через призму симулякра Делёза. Задача данного сближения состоит не в том, чтобы выявить проблему языка в артикуляции Аристотеля о времени, а в том, чтобы, наоборот, выявить ставящую в тупик невыразимость, которая упрямо вырывается в анализе такого объекта как время, несмотря на попытки исключить парадоксы. Определив состав симулякра, мы применяем его как методологию к парадоксам времени в метафизике Аристотеля, обнаружившей их. Методологическая установка Делёза обещает

Время — симулякр?

«Понятие» времени переживает онтологическую эрозию, спровоцированную изъятием семантического объема «понятием» души. Отчуждение концептуального объема и значения времени в пользу души при этом все же сопровождается его частичной актуальностью, номинальным сохранением его онтологической роли — проведения различия движения. Эта онтологическая роль не способна сохранить свое привилегированное положение в онтологии, отчуждая её в пользу души, однако она продолжает порождать дифференциальные ряды, постоянно «напоминающая» о своей бывшей роли онтологического основания различия. Иными словами, процесс эрозии времени, процесс потери своего значения как основания онтологической системы место-движение происходит постепенно и незаметно для самого концепта времени и сопровождается его остаточным онтологическим значением, мерцанием, симулятивной онтологической картиной. Время остается источником различия, когда душа становится онтологическим сувереном, однако уже не обладает полномочиями основания онтологии.

В этой новой онтологии время занимает более низкое положение, чем оно было, однако не смиряется с ним, постоянно искажая онтологическую картину «выпрыгиванием» своего прежнего значения. В концептуальной картине новой онтологии, где основанием выступает душа, а не время, появляется второе дифференциальное дно, где время является основанием. Этот второй дифференциальный уровень подчиняется времени-основанию и оказывает воздействие на онтологию по основанию души, где время находится в слабой позиции. Несоответствие двух значений времени, онтологическая диспропорция и онтологическая двойственность времени приводит к удвоению его значения, конфликту этих значений. Это приводит к тому, что время становится системой открытой изменчивости — симулякром.

В-пятых, субъекто-личиночные попытки создания семантического пространства различия имманентных содержаний. Время-предшественник определяет систему различия не только для места и движения, но и для души, поскольку является формой, которая вносит различие вообще в эту онтологическую систему. Двойная дифференциация

избегать метафизических парадоксов, симулякр должен заполнить концептуальные лакуны неконцептуальным образованием. Будет ли успешным такая встреча метафизического мышления с постметафизическим — мы и рассмотрим в нашем исследовании.

системы показала, как происходит экстраполяция различия внутри аристотелевского концепта, которому соответствует время в его концептуальной роли. Эта концептуальная роль основывается на том определении времени, которое оно получает уже не как предшественник, а как часть самого концепта, в котором душа является номинальным источником концептуального различия, которому подчиняется и время-концепт. Здесь время выступает некоторым функционалом души, задача которого заключается в формировании некоторого семантического горизонта, внутри которого возможно различие и формирование некоторых комплексов понимания бытия, маркером которого выступает возможность определения меры движения и изменения вещей мира, а также состояний самой души. В указанном смысле «возможность определения меры» фактически имеет значение «подлежать различению».

В-шестых, центром упаковки данной системы является число, которое принимает значение, одновременно, и количественного выражения, и просто значение множественности, многообразия. В соответствии с этими значениями число аккумулирует смысл, который выражает семантическую область, определяемую из соотношения время-душа (круговорот жизни, условия возможности счета — качественное изменение), а также — соотношения время-местоперемещение (количественное движение наблюдаемых предметов, которое мы можем наблюдать и измерять). Оба эти значения имеют собственное основания для различия, и большое количество вариаций их взаимодействия (интерферирующие ряды этих различий, которые порождают новые смыслы, новые различия и новые ряды, соответственно). Однако эти значения объединены общим для них принципом различия вообще, вносимого временем, порождающего все виды их частных внутренних различий. Число является двусторонним центром упаковки, который в себе объединяет два концептуальных образа времени и приводит к понятийной ясности рассеянное в бесконечно множественных рядах смысл души, движения и его видов и т. д. Число в качестве центра упаковки, собирает под своим началом семантическое основание концептуального различия, в котором оно может быть определено в дефиниции, но также создает ситуацию бесконечного столкновения этих смыслов, их конфликта, расхождения-сближения, их круговорота, дефрагментации-дисперсии на «атомы» смысла и бесконечного повторения этих процессов — трансформации и конфигурации смысла,

— которые образуют интерферирующие ряды. В контексте темы центра упаковки смысла различие выступает не только как условие для частных различий, но и в еще одной своей форме — повторения. Именно в этой форме — форме повторения — различие наиболее близко к собственному существу той главной проблемы, — выделяемой Ж. Делёзом, — философской тематизации различия вообще, поиску понятия различия, которое минует отождествление с понятием аналогии, сходства и т. д. [11, с. 50].

Повторение является неконцептуальным различием, буквально — не является частью концепта, внутри которого нечто различается. Оно получает свое значение не внутри различной системы, не является её имманентным содержанием. Повторение выступает здесь в качестве модели принципа различения в его функциональном значении, это различие в становлении. Содержание различаемого теряет свое значение, на первый план выходит сама внутренняя «механика» различия вообще. Различие в повторении — это попытка за разнообразием содержания различаемого, ухватить внутренний характер этого принципа, моменты его эволюции и инволюции, которые неизменны при сменяющемся содержании. Точки роста-спада его активности, столкновение с противодействием семантического содержания, которое оказывает влияние на динамику этих явлений и формирования собственного понятия, выражают здесь различие как таковое.

Применительно к материалу, на котором производилась попытка выявления симулятивных черт времени внутри аристотелевской локально выделенной онтологии места-движения, можно сказать, что время обладает в данной системе симулятивными чертами, то есть чертами, которые одновременно роднят его, как с концептуальным уровнем, так и с неконцептуальным уровнем. Главный интерес для нас представлял здесь именно неконцептуальный уровень в понятии времени, который сближает его с проблемой другого «темного понятия» — различия вообще. Как для времени, так и для различия справедлива общность проблемы — «срастание» до неразличимости двух этих принципиально разных ролей. Об этом мы подробнее скажем в заключении.

Заключение

В данной статье мы рассматривали проблему симулятивного характера времени в концепции места, движения и времени у Аристотеля. Аристотелевская теория времени

была выбрана для такого анализа неслучайно. Выбор этот обоснован тем, что в рамках этой онтологии появляются ключевые апории, которые сформировали в философии проблемное поле идеи времени. К числу этих апорий относятся: отношение места (пространства) и времени, движения (изменения) и времени, а также парадоксальная созависимость времени и души. В этом вопросе нам представилось перспективным применить концепцию Ж. Делёза о различии и симулякре.

Концепция Ж. Делёза ставит перед собой задачу поиска собственного понятия различия. В этом вопросе симулякр играет роль динамической модели различия, пространством соединения и столкновения многообразных способов различения в максимально широком дисциплинарном диапазоне. Точкой пересечения между концепцией Ж. Делёза и Аристотеля становится расслоение различия на концептуальное и неконцептуальное. Подобная же двойственность наблюдается и у времени в теории Аристотеля. Мы продемонстрировали, что в теории Аристотеля время обладает симулятивными чертами. Мы намеренно не ставим знака равенства между симулякром и временем, поскольку это привело бы к отождествлению времени и различия. Для нас важно, что внутри классической онтологии, в которой время обретает свой неизменный в дальнейшей истории философии проблемный каркас, проявились симулятивные черты. Эта ситуация, когда время и различие поставлено в один ряд, не появилось впервые у Ж. Делёза. Этот тандем мы можем наблюдать в концептуальном виде внутри феноменологии Э. Гуссерля и уже у М. Хайдеггера эта связь закрепились в виде центральной интриги онтологической дифференции, пафос которой можно угадать в тезисе Ж. Делёза о смешении понятия различия с понятиями аналогии, сходства и т. д. Однако именно это стремление к самоценному понятию различия вообще предоставляет нам поле для анализа проблемы времени в связи с его концептуальной функцией — различием, с которым его смешивают не меньше, чем неконцептуальное различие с понятием сходства или аналогии.

Неконцептуальное различие и есть различие как таковое, поскольку здесь различие является принципом различия, редуцированным от всякого содержания. Неконцептуальное различие — это различие сверх различия, которое используется внутри концепта. Само оно никогда не тематизируется, однако при этом является областью, в которой любое частное различие вообще становится возможно. Это различие вообще и пытается

«выманить» Ж. Делёз из тени концепта, из этой области «сверх». Любое содержание и его связи в вопросе о выделении собственно-го понятия различия находится в нейтральной полосе: оно учитывается, как необходимое следствие действия любого различия, но в формировании понятия различия оно одинаково безразлично.

Повторение является неконцептуальным различием. Ж. Делёз долго пытается представить некоторое проблемное поле повторения и различия и того, как может пониматься их неконцептуальность. Он совершает попытки описать эту тему из отношений номинального-неконцептуального, трансцендентального-неконцептуального, формируя таким образом тематическое поле проблемы границы концептуального и неконцептуального, в которой должен выкристаллизоваться нерв собственного понятия различия вообще как высшая форма выражения указанной проблемы.

Как появляется смысл, если различие как таковое к нему безразлично? Почему смысл все-таки появляется, если он не вложен в самое понятие различия, которое является условием для его формирования? В силу каких обстоятельств мы говорим о том, что в чем-то есть смысл, если различие в своем формировании рядов не имеет его в качестве цели, и способен формировать интерфейсирующие ряды имманентных содержаний совершенно произвольным, стихийным, неупорядоченным образом? В идее гипостазированного различия Ж. Делёза присутствует мотив бергсоновской неудержимой жажды развития, который звучит в его идее творческой эволюции жизни¹.

¹ «Порыв, передаваясь, все более и более разделяется. По мере развития жизнь рассеивается в своих проявлениях, которые, благодаря общности происхождения, конечно, должны в определенных аспектах дополнять друг друга, что не мешает им, однако, быть противодействующими и несовместимыми». [4, с. 123].

«Нужно, напротив, с самого начала отвести случайному его долю, и долю весьма значительную. Нужно признать, что не все в природе взаимосвязано. Затем придется определить центры, вокруг которых кристаллизуется то, что не взаимосвязано. И сама эта кристаллизация очистит остальное: проявятся главные направления, по которым движется жизнь, развивая первичный импульс» [4, с. 124]. «Таким образом, в эволюции весьма значительна доля случайности. Случайны чаще всего формы, усвоенные, или, скорее, изобретенные. Случайно разделение первоначальной тенденции на те или иные тенденции, друг друга дополняющие и создающие расходящиеся эволюционные линии; оно зависит от встреченных в таком-то месте и в такой-то момент препятствий. Случайны остановки и отступления; случайны, по большей части, приспособления» [4, с. 249].

Идея гипостазированного различия, понятия различия, в определение которого не входит продуцирование какого-либо смысла, содержит в себе таким образом указание на то, что смысл — это случайность. Главная функция различия — это само различие, которое может производиться в любой области, независимо от того, ставим мы себе какие-либо цели или нет, когда производим различие. Различие безучастно к теоретическому обоснованию результатов различения. В различии нет заранее заданного смысла, поскольку оно, согласно Ж. Делёзу, не может пониматься из связи содержания различенного. «Быть подлежащим различию» и смысл как результат различения не связаны. Внутри возможности различия не лежит а priori никакого смысла, который мы находим, когда мы нашли возможность этого различия. Можно сказать, что смысл — это спонтанность, побочный продукт стремления различия различать.

Понятие различия представляет собой фрактальное строение, как мы уже упоминали выше. Это принцип различия, который может быть обнаружен, как показывает Ж. Делёз, в совершенно гетерогенных областях человеческой культуры. Повторение принципа различия в данном случае позволяет обобщить в единую систему практик и видов различия. Как таковая эта система основывается только на отвлеченных от объектов отношения различия и содержания различия, а потому она не имеет никакого реального основания в объектах или их отношениях, никогда не является реальным отношением, но является его образом, отображением, вариацией различия как такового. Эту симулятивную систему различий и объединенное множество связей, порожденных различиями, называют симулякром. Симулякр — это идеализированный принцип тотальности различия. Симулякр в то же время является системой «чистого» различия.

Учитывая все вышесказанное о различии вообще, вернемся к теме времени. Мы показали, что время обладает симулятивными чертами в теории Аристотеля. Эта участь настигает время не только у Аристотеля, а практически в каждой философской теории времени. Причиной этого эффекта можно предположить смешение двух значений времени: онтологического (концептуального) и неконцептуального. В качестве концептуальной стороны вопроса время выступает в какой-либо онтологии как элемент системы отношений, является ее частью и несет на себе семантико-онтологическую нагрузку. В проблемную область мы попадаем, когда время появляется в системе во второй раз,

но уже с другими функциями, в случае с аристотелевской системой — с функцией различия. Второй случай вхождения времени является симптоматичным, поскольку время здесь не только не получает определения, но и вступает в конфронтацию со своим концептуальным определением, вызывая возмущения в гладкой и логичной концептуальной системе. Сопротивление концептуальному определению; неконцептуальный функционал, меняющий саму структуру онтологической системы; двойное значение — проблемное поле неконцептуального понятия времени.

В своем неконцептуальном значении время сближается с понятием различия. В теории Аристотеля время обладает симулятивными чертами, поскольку является его имманентным источником внутри онтологии. Симулятивные черты времени демонстрируют связь с той же проблемной областью, что и проблема поиска собственного понятия различия. Время, как и различие, принадлежат одному кругу проблем, это объекты одного порядка. Можно сказать, будто бы вся проблема времени редуцируется к проблеме различия, однако время имеет собственные уникальные черты, независимые от различия. Основное отличие между временем и различием состоит в том, что неконцептуальное различие вбирает в свое понятие все формы различия, само различие по другую сторону того, что оно различает. Все формы различия, виды и направления индифферентны и равноправны в вопросе конституирования понятия различия. Различие структурирует онтологическую систему, оно проникает во все области, однако оно не меняет систему. В свою очередь время конфликтует со своим концептуальным трикстером, и трансформирует онтологию.

Время нечто иное, чем различие. Оно способно мимикрировать под ту или иную онтологию, пронся таким образом в себе различие. Однако само оно не становится ни самим элементом, под который оно мимикрирует, ни самим различием. Наиболее часто со времен Платона и Аристотеля время путают с пространством. Однако у Платона время не смешивается с так называемым пространством, а у Аристотеля вообще нет пространства. Такое смешение с трудом можно назвать корректным, как если бы утверждали, что хамелеон, меняя цвет, становится тем предметом, под который он замаскировался, а самого хамелеона вовсе нет.

В «Тимее» время сотворено из пропорций вечности и иного. Вечность относится к божественной природе, в то время как иное — неизвестная природа. Судя по быстротечности времени, от вечности ему досталось очень немного, а вот от иного ему досталась большая часть, поскольку со времен Платона о природе времени не стало известно больше, чем было. Время всегда иное и иное: не предмет, не вещь, не идея. Время всегда иное — трансцендентное миру вещей. Время — иное: не часть концепта.

К понятию времени принадлежит, очевидно, эта особенность — возможность подстраиваться под какую-то сформированную систему отношений. Время, как правило, вводят в философскую систему, когда что-то непонятно, когда обнаруживается концептуальная лакуна. Время появляется в онтологии в качестве активного элемента, как универсальное средство от парадоксов в этой онтологии. Стихия парадокса, внутри которой время-понятие обрастает содержанием, является характерным признаком неконцептуального времени. Время — это легитимный парадокс, который стабилизирует систему, но сам не поддается анализу. Попытка дать дефиницию, исходя из системы внутренних отношений, только увеличивает концептуальный разрыв в онтологии, который время вносит своим нахождением в этой системе. Концептуальное объяснение времени скатывается в метафорическую и/или аллегорическую (псевдомифологическую) образность, которая прорывается через этот концептуальный разлом.

Итак, мы, идущие в Закат Европы, завершаем нашу исследовательскую попытку и, подводя итог, говорим: время достаточно неоднозначный и «темный» объект философского анализа. Его особенность, как мы видели, заключается в том, что его неконцептуальное значение шире, чем любое концептуальное, из-за чего первое способно трансформировать онтологию. Однако время может принимать «послушную» концептуальную форму, время подстраивается под концепт, маскирует его недостатки. Названное явление можно охарактеризовать в качестве *синхронии*.

Valete et plaudite. Calepinus recensui¹.

Статья поступила в редакцию 18.03.2022

¹ «Прощайте и хлопайте. Я, Калепино, проверку окончил» [17, с. 74].

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1976. С. 63—369.

2. Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1976. С. 369—451.

3. Аристотель. Физика / пер. с древнегреч. Н. В. Брагинской // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 1981. С. 59—263.

4. Бергсон А. Творческая эволюция. М. ; Жуковский : Кучково поле, 2006. 384 с.

5. Гиренок Ф.И. Фигуры и складки. М. : Академический проект, 2014. 244 с.

6. Гиренок Ф.И. Жиль Делез. Человек — симулякр // Философия хозяйства. 2012. № 6 (84). С. 211—220.

7. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени // Э. Гуссерль. Собрания сочинений. Т. 1. М. : Гнозис. 1994. 162 с.

8. Декомб В. Современная французская философия. М. : Весь Мир, 2000. 344 с.

9. Делёз Ж. Логика смысла // Ж. Делёз. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. М. : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. С. 15—329.

10. Делёз Ж. Платон и симулякр // Делёз Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. М. : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. С. 329—347.

11. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб. : Петрополис, 1998. 384 с.

12. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М. : Академический проект, 2009. 261 с.

13. Мейясу К. Вычитание и сокращение: Делёз, Имманенция, и Материя и Память. URL: https://vk.com/doc124029244_215596882?hash=02b32e93c075ef75da (дата обращения: 17.03.2022).

14. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности / пер. с фр. Л. Медведевой. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2015. 193 с.

15. Монтебелло П. Бергсон и Делёз, контр-феноменология // Логос. 2009. № 3 (71). С. 98—106.

16. Платон. Тимей / пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева // Платон. Сочинения : в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 1994. С. 421—500.

17. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М. : Эксмо, 2011. 896 с.

18. Рикёр П. Время и рассказ: интрига и исторический рассказ. Т. 1. М. ; СПб. : Университетская книга, 1998. 313 с.

19. Сироткин Ю. Л. Пространственно-временной континуум в постмодернистской парадигме: Ж. Делез (1926—1995) // *Logos et Praxis*. 2021. Т. 20. № 3. С. 49—59.

20. Фомин А. Л. Завещание Марбургского демона: предисловие к публикации перевода «Загадки времени» Х.-Г. Гадамера на русский язык // Х.-Г. Гадамер. Загадка времени. М., 2016.

21. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб. : Наука, 2006.

22. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы. Т. 2. М. : Мысль, 1998. 606 с.

23. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. Т. 1. М. : Мысль, 1998. 663 с.

References

1. Aristotle. (1976) *Metafizika* [Metaphysics]. Aristotle. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vol.], Vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., pp. 63—369 [in Rus].

2. Aristotle. (1976) *O dushe* [About the soul]. Aristotle. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vol.], Vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., pp. 369—451 [in Rus].

3. Aristotle. (1981) *Fizika* [Physics], transl. from Ancient Greek by N.V. Braginskaya // Aristotle. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vol.]. Vol. 3. Moscow, Mysl' Publ., pp. 59—263 [in Rus].

4. Bergson A. (2006) *Tvorcheskaja jevoljucija* [Creative Evolution]. Moscow — Zhukovskij, *Kuchkovo pole*, 384 p. [in Rus].

5. Girenok F.I. (2014) *Figury i skladki* [Shapes and folds]. Moscow, *Akademicheskij proekt*, 244 p. [in Rus].

6. Girenok F.I. (2012) *Filosofija hozjajstva*, no. 6 (84), pp. 211—220 [in Rus].

7. Gusserl' Je. (1994) *Fenomenologija vnutrennego soznaniya vremeni* [On the Phenomenology of the Consciousness of Internal Time] // *Sobranij sochinenij*. Т. 1. Moscow, Gnozis, 162 p. [in Rus].

8. Dekomb V. (2000) *Sovremennaja francuzskaja filosofija* [Modern French Philosophy]. Moscow, *Ves' Mir*, 344 p. [in Rus].

9. Deljoz Zh. (1998) *Logika smysla* [The logic of meaning] // *Logika smysla*. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. Moscow, Raritet, Ekaterinburg, *Delovaja kniga*, pp. 15—329 [in Rus].

10. Deljoz Zh. (1998) *Platon i simuljakk* [Plato and the Simulacrum] // *Delez Zh. Logika smysla*. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. Moscow, Raritet, Ekaterinburg, *Delovaja kniga*, pp. 329—347 [in Rus].

11. Deljoz Zh. (1998) *Razlichie i povtorenie* [Difference and Repetition]. St. Petersburg, *Petropolis*, 384 p. [in Rus].

12. Deljoz Zh., Gvattari F. (2009) *Chto takoe filosofija?* [What is Philosophy?]. Moscow, *Akademicheskij proekt*, 261 p. [in Rus].

13. Mejjasu K. Vychitanie i sokrashhenie: Del'joz, Immanencija, i Materija i Pamjat' [Subtraction and Contraction: Deleuze, Immanence and Matter and Memory], available at: https://vk.com/doc124029244_215596882?hash=02b32e93c075ef75da (accessed 17.03.2022) [in Rus].

14. Mejjasu K. (2015) Posle konechnosti: Esse o neobxodimosti kontingentnosti [After the finiteness: An essay on the necessity of contingent]. Ekaterinburg, Moscow, Cabinet scientist, 193 p. [in Rus].

15. Montebello P. (2009) *Logos*. no. 3 (71), pp. 98—106 [in Rus].

16. Platon. (1994) *Timej [Timaeus] // Platon. Sochinenija: v 4 vol. Vol. 3. Moscow, Mysl', pp. 421—500 [in Rus].*

17. Rable F. (2011) *Gargantua i Pantagrujel' [The Life of Gargantua and of Pantagruel]. Moscow, Jeksmo, 896 p. [in Rus].*

18. Rikjor P. (1998) *Vremja i rasskaz: intriga i istoricheskij rasskaz [Time and Narrative: intrigue and historical narrative]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaja kniga, 313 p. [in Rus].*

19. Sirotkin Ju.L. (2021) *Logos et Praxis*, T. 20. no. 3, pp. 49—59 [in Rus].

20. Fomin A.L. (2016) *Zaveshhanie Marburgskogo demona: Predislovie k publikacii perevoda «Zagadki vremeni» H.-G. Gadamera na russkij jazyk // Zagadka vremeni. Moscow [in Rus].*

21. Hajdegger M. (2006) *Bytie i vremja [Being and Time]. St. Petersburg, Nauka, 452 p. [in Rus].*

22. Shpengler O. (1998) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. Vsemirno-istoricheskie perspektivy [The Decline of the West. Essays on the morphology of world history. World-historical perspectives]. Vol. 2. Moscow Mysl', 606 p. [in Rus].*

23. Shpengler O. (1998) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. Geshtal't i dejstvitel'nost' [The Decline of the West. Essays on the morphology of world history. Gestalt and reality]. Vol. 1. Moscow, Mysl', 663 p. [in Rus].*

For citing: Oleinik V. A. Aristotle's metaphysical concept of place and time in the light of Gilles Deleuze's simulacrum idea // *Socium i vlast'*. 2022. № 2 (92). P. 19—28. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-2-19-28. EDN: CRKWfZ

UDC 111+115

EDN: CRKWfZ

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-19-28

ARISTOTLE'S METAPHYSICAL CONCEPT OF PLACE AND TIME IN THE LIGHT OF GILLES DELEUZE'S SIMULACRUM IDEA

Varvara A. Oleinik,

Lomonosov Moscow State University
External Doctorate Student
of the Faculty of Philosophy,
Master of Philosophy.
Moscow, Russia.
E-mail: varvara994@yandex.ru

Abstract

Introduction. The author analyzes the problem of time in Aristotle's metaphysical ontology through the prism of G. Deleuze's simulacrum concept. The purpose of this paper is to search for new interpretive possibilities for building a modern philosophical time theory.

Methods. The methodological basis of the study is (G. Deleuze's simulacrum idea) the basic principles of simulacrum building, which are applied to Aristotle's theory of time.

Scientific novelty of the study. The study focuses on the relationship of time and difference, difference and meaning. The author substantiates the thesis about the simulative nature of time in Aristotle's ontological system. On the basis of the relationship, the author proposes and reveals the idea of synchrony, which could combine these two phenomena into a single system of relations, without reducing one to the other and without falling into a vicious circle.

Results. On the basis of the analysis, it was revealed that time in Aristotle's concept has the features of a simulacrum. The analysis makes it possible to define synchrony as a temporal concept. **Conclusions.** The proposed method makes it possible to carry out similar types of analysis in other metaphysical systems in order to determine the possibility of identifying a concept.

Keywords:

conceptual difference,
non-conceptual difference,
simulative,
synchrony

Для цитирования: Давыдов И. А.
Феномен цифровой деантропологизации
в концептах новых материалистов //
Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 29—39.
DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-29-39.
EDN: BGMBFP.

УДК 128

EDN: BGMBFP

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-29-39

ФЕНОМЕН ДИГИТАЛЬНОЙ ДЕАНТРОПОЛОГИЗАЦИИ В КОНЦЕПТАХ НОВЫХ МАТЕРИАЛИСТОВ

Давыдов Игорь Александрович,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
философский факультет,
кафедра философской антропологии,
аспирант, Москва, Россия.
E-mail: galindas@yandex.ru

Аннотация

Введение. Вызовы постгуманистического фазового перехода ведут к критической ответной реакции со стороны представителей антропологического направления в философии. Уход в сферу детерминизма цифрового дискурса преодолевает человека во всех его предыдущих дискурсах, так как то, что константно воспринималось как онтическое и онтологическое в бытии, теряет свой смысл и ценность в координатах цифровых соотношений. Важной представляется дефиниция термина «цифровой», который в данном исследовании применяется в смысле «цифровой», представленный в числах и следующий логике алгоритма, элиминирующего антропологическую реальность, понимаемую как субъективность человеческого существования».

Цель. Репрезентация концептов новых материалистов, Д. Харауэй предлагающих преодолеть человека не только в его духовном, но и в телесном измерениях в сопоставлении со сложностной парадигмой и концептом М. Хайдеггера.

Методы. В статье применён феноменологический анализ философских концептов новых материалистов, М. Хайдеггера и представителей сложностной теории.

Научная новизна исследования. Научная новизна исследования представлена открытием связи и, в то же время, радикальной разницы между концептом четверицы М. Хайдеггера и концептами сложностной теории, в т. ч. теориями новых материалистов. Прослеживается перевод онтологической модели концепта Хайдеггера в онтический конструкт новейшей материалистической мысли. Автор выявил различие между аутентичной и неаутентичной модусами виртуальности.

Результаты. Альтернативой по Д. Харауэй является форма межвидового смешения, при котором монструозное, бывшее ранее маркером границ человеческого, врывается на антропологическую топикку, перекраивая её по цифровым лекалам постчеловеческого мирения. Данная инверсия хайдеггерианского миропроекта четверицы позволяет элиминировать онтологический план бытия, решив вопрос об исключительности человека в сторону её нивелирования в дискурсе современной философии.

Выводы. Сравнение подходов М. Хайдеггера, акселерационистов и русской философии представляет возможность прояснить важные аспекты цифровой деантропологизации, что делает возможным дальнейшее обсуждение проблемы преодоления человека новыми онтологиями. Человека невозможно преодолеть, так как его сущность не находится в пространстве или в иной онтической топике. Антропологическая реальность принадлежит времени, поэтому она непреодолима.

Ключевые слова:

Хтулуцен,
объектно-ориентированные онтологии,
монструозное,
нуминозное,
сложностная теория

Введение

Трансгуманизм сегодня имеет ряд разнородных направлений, среди которых особо выделяется акселерационизм, весьма условно представленный двумя основными векторами: правым и левым. Ник Лэнд представляет правый фланг, который связан с движением неореакции, Донна Харауэй же возглавляет мейнстримное в США левое направление, борющееся за феминизм, киборгов, трансгуманистические сущности. Несмотря на разницу условных левого и правого дискурсов, акселерационизм используется ими в качестве средства избавления от человеческого как фактора эволюции, в ходе которой человек является всего лишь звеном в последовательности фазовых переходов, то есть качественных скачков в движении материи. В данной работе рассматривается концепт «нового материализма» Донны Харауэй, её проект Хтулуцена, в котором дигитальное и биологическое интегрируются, создавая монструозные сущности. Пользуясь терминологией Хайдеггера, то, что конституирует приверженцев Хтулуцена, является одним из онтических измерений Другого. Таким образом, перед нами одна из онтических конструкций, которая, хотя и не стремится полностью перевести сущее в виртуальные плоскости, предпочитает не менее радикальное решение человеческого вопроса: смещение человека с биологическими видами и кибер-системами с последующим освоением новых экологических ниш. В качестве основной из них рассматриваются просторы мирового океана.

1. Деантропологизация в дигитальном концепте Д. Харауэй

До эры Хтулуцена, по Харауэй, существовали эпохи Капиталоцена и Плантациоцена. Последний термин описывает время подневольного труда на плантациях с двумя характерными чертами, перетекшими в Капиталоцен: дисциплиной и отчуждением. Особая черта Плантациоцена, истощение почв и сверхэксплуатация растений, животных, человека и микробов, также наследуется Капиталоценом как эпохой, в которой одно из немногих отличий от Плантациоцена является характер труда: он становится наёмным.

Перечисляя биологические виды в Плантациоцене, можно отметить, что человек находится на одной плоскости между микробами и животными. Данный предикат отсылает нас к акторно-сетевой теории Бруно Латура, в которой человеческая история воспри-

нимается как совокупность деятельности нечеловеческих акторов: микробов, объектов производства, различными предметами быта и человека. В этой сети воплощается ризоматический концепт Жюлья Делёза, в котором отсутствует какая-либо иерархия, и человек представляет собой лишь объект, который рассматривается «без привилегий» наряду с техникой и животными. К каким последствиям приводит логика выравнивания человека с объектами мира, можно проследить, перейдя к рассмотрению Хтулуцена как альтернативы Капиталоцену.

Антропоцен, эра которого началась с возникновения земледелия (период Неолитической революции около 8 тыс. до н. э.), по мнению Харауэй, приходит к своему концу после длительного периода истощения почв и поверхности земли его формациями: Плантациоценом и Капиталоценом. «Пожалуй, поругание, заслужившее название Антропоцен, — это и есть утрата пространственных и временных возможностей найти убежище для людей и других живых существ» [21, р. 160]. Целые экологические ниши испытали неистовый напор цивилизации, в ходе которого биологические виды отправились на поиски «убежищ». «Думаю, наша задача — сделать Антропоцен как можно короче/тоньше и всячески культивировать всем вместе воображаемые грядущие эпохи, в которые возможно восстановление убежищ» [21, р. 160].

Харауэй вводит термин «убежище» для обозначения новых пространств «совместного-с» межвидового проживания, выбирая самую перспективную территорию нашей планеты — мировой океан. В подводных пространствах обитают чудовища Ктулху из творчества Лавкрафта, выступающие как аллегория на те биологические виды, с которыми человек никогда не налаживал связь. Дигитальное будет связующим звеном между постчеловеческим и животным. Оно соединит разнородных актантов в целые ассамбляжи трансгуманизма. Таким образом, осуществление данного проекта поручено киборгам: «Киборги вовсе не возмещают отгораживания людей от других живых существ — напротив, они — свидетельство тревожного и приятного тесного спаривания» [9, с. 9].

Хтулуцен является эрой разбегания, дисперсии, расщепления, но за ним следует не новый виток соединения и любви, а акселерация дигитальных процессов, приводящих к фазовому переходу трансгуманизма. Шизопотопии устремились акселерировать топосы, не тронутые ими. Разорвав окончательно единое сознание на массу дигитальных осколков, Хтулуцен представляет собой

закономерный итог развития модерна и постмодерна, в котором мир был разделён на субъектно-объектные отношения, с жёсткой рациональной детерминантой, исключавшей любые иные коннотации Разума, кроме как сугубо расчётливой, цифровой субстанции. Дуализм Декарта, его разделение мира на *res cogitans* и *res extensa*, как известно, заложил онтологический базис в классическую философскую парадигму. В XX в. субъект (*res cogitans*) был удалён из дискурса неклассической философии. Пока постструктуралисты спорили, что может быть на месте субъекта после его «смерти», *res extensa*, чьё существование не подвергалось сомнению господствующими постмодернистскими течениями, заполнила эту метафизическую лауну. Но даже, интуитивно понимая, что, кроме материальной протяжённости, существует, также, трансцендентальная бесконечность, «новые материалисты» всё равно не выходят на онтологический план бытия, оставаясь всецело в онтическом (по определению Хайдеггера), хотя и именуют свою парадигму «новой онтологией».

Итак, оставшись на онтическом уровне, Харауэй продолжает следовать логике модерна и постмодерна, то есть разделять единое поле сознания на части [12; 14; 15]. В этом поле Харауэй выделяет исключительно топос материального, отрицая трансцендентное. Так как осталась одна только материальная плоскость, то, следуя логике разделения, дробления и рассеивания, она также подвергается множественным переходам на пути к полной элиминации как единого [11]. Таким образом, Платон, разделив мир на мир идей и видимый мир, заложил основы фрагментированного взгляда на бытие, усиленного картезианским субъектом, утверждавшим свою метафизику. Отбросив метафизику дуализма, постмодерн не отбросил саму тенденцию к рассеиванию и разделению. Если нет разума, то это значит, что необходимо делить материю. По этой логике, конечно, место разума занимают шизополюсы Делёза и интенсивности Массуми (предельно онтические конструкторы), а место материи — раздробленная по разнообразным параметрам сфера предметного мира. Фактически, интенсивности, аффекты и материя — это одно и то же, так как все эти термины входят в философский язык новых материалистов на правах эмпирических данных.

В одном кибернетическом организме может обитать масса автономных интенсивностей, выражаясь языком Массуми. Ещё Эмпедокл, описывая разрозненные тела и органы, констатировал особое состояние ненависти,

приходящее на смену любви, как одном из циклов Сфайроса [3]. Но сама логика цифровой деантропологизации элиминирует понятия ненависти и любви, оставляя интенсивности, тела без органов и иные онтические конструкторы. Составляя пёстрый ассамбляж трансгуманистических существ, цифровое является не столько их связью, сколько условием самого фрагментированного существования киборгов.

Можно провести параллель между киборгом Харауэй и пролетариатом Маркса. Два эти феномена выполняют схожую историческую задачу: они являются условием перехода к новой эре, свободной от капитализма и Капиталоцена. «Могильщиками капитализма» являются и пролетариат, и киборг, но если цель коммунистов — создание ассоциаций индивидов, то цель Харауэй — это симфоническое мирение дивидов.

2. Нуминозное и монструозное в соотношении онтологического измерения М. Хайдеггера и цифрового концепта Д. Харауэй

Дивиды, не имея собственных демаркационных линий, оказываются на пути влияния монструозного. В этой связи интересна смена парадигмы конституирования Мартина Хайдеггера. Если в его фундаментальной онтологии нуминозное конституирует присутствие через сакральный зов, обращённый к совести, то в случае дивиды конституирование направлено со стороны монструозного. Монструозное до настоящего времени определяло границы человеческого. Человек, размыв эти границы, превратился в объект влияния монструозного, так как монструозное входит в онтический план бытия [16]. Иной же способ бытия, онтологический план бытия, человек предал забвению, избрав цифровую-онтический уровень в качестве единственного и универсального измерения [22]. Характерными представителями дивидов являются японские подростки, именующиеся хикикомори. Растворившись в цифровых потоках интернет-среды, они формируют новый модус человека без онтологического плана бытия [13].

Хайдеггер упоминает скрыто о нуминозном в «Бытии и времени» [7]. Хотя данная книга не носила религиозный характер, но, однако, функции сакрального, нуминозного плана бытия (онтологического измерения) берёт на себя экзистенциал ужаса, который выходит за пределы сущего, в отличие от обычного страха: «От-чего ужаса не есть внутримирное сущее... Ничто из того, что подручно или налично внутри мира, не

функционирует, как то, перед чем ужасается ужас» [7, с. 186]. Манифестация ужаса размывает человека, делает его открытым Другому: «...ужасом как модусом расположенности впервые только и разомкнут мир как мир» [7, с. 187].

Позднее Хайдеггер обращается к феномену нуминозного в прочтении Гёльдерлина. Хайдеггер пишет, что сакральное первично по отношению к божественному, сакральное в его трактовке есть разомкнутость экзистенции к хаосу, эта разомкнутость падает в хаос и входит в состояние ужаса. Так это описывает Хайдеггер: «Хаос — это и есть Сакральное. Ничто реальное не предшествует этому зиянию...» [22, S. 81].

По мысли Хайдеггера, ужас, представленный в виде нуминозного, трансцендентного плана бытия, открывает перед человеком перспективу божественного. В основе божественного лежит сакральное, основанное на ужасе от невозможности объять и объяснить весь хаос, открывающийся на пути размыкания к ужасу. Таким образом, Хайдеггер говорит о божественном как о пути принятия хаоса. Божественное восприятие способно сохранить экзистенцию как таковую. Хайдеггер создаёт ужас как конечную цель выдвинутой Dasein, открытость ужасу конституирует присутствие на ином онтологическом измерении бытия. То есть логика Хайдеггера ведёт к ужасу как к цели, но человеку дан также и божественный, сакральный момент этого движения.

Феномен же монструозного Харауэй противоположен нуминозному и ужасу Хайдеггера, вследствие этой дихотомии формируется совершенно отличная от Хайдеггера эпистемологическая модель, в которой ужас предстает онтически измерением «дремлющих» хтонических сил, в случае Хтулуцена, природных, малоизученных явлений подводного океанического мира. Харауэй, предлагая подружиться с представителями биологической системы мирового океана, постулирует тезис о том, что постлюдям будут необходимы новые экологические ниши, в которых сим-хтоническое совместное бытие в виде племени Хтулуцена заменит родовую обособленность биологических видов. Преодолена данная обособленность будет миниатюрными носителями дигитального. «Миниатюризация, как выяснилось, напрямую касается власти: маленькое — это не столько красивое, сколько предельно опасное. Политически их столь же трудно увидеть, как и материально» [9, с. 329]. В данном движении к ужасу хтонического постлюдям видят способствовать кибернетические миниатюрные средства, которые сами выступа-

ют в роли субъектов в этом движении, так как обладают свойством феминности: они могут воспроизводить сами себя (речь, конечно, идёт о технологиях искусственного интеллекта), а миниатюрность позволяет им детерриторизироваться с топик кодов капитализма, патриархата и даже эссенциалистского феминизма. Киборг — создание высоких технологий Капиталоцена, разрывающий связи со всей эпохой Антропоцена и с человеком как одним из важных участников этой эпохи, хотя и далеко не единственным, по мнению представителей акторно-сетевой теории (например, Бруно Латура), несомненно, оказавших влияние на Харауэй.

Альтернативой АСТ Латура является позиция Фёдора Ивановича Гиренка, выдвинутая им в фундаментальной работе «Введение в сингулярную философию»: «Животное, по словам Делеза, реагирует на небольшое число стимулов. На большую их часть оно не реагирует. Для него это просто фон. Животные живут в замкнутом мире... Человек живёт в разомкнутом мире. Разомкнуть мир — значит быть вне его» [4, с. 197].

Можно констатировать огромные лакуны в восприятии человека Харауэй, так как она не рассматривает феномен галлюциноза¹ и внутренних стимулов, посредством которых человек воздействует на себя самого. Это самовоздействие является субъективностью, волей и проявлением чувственно-сверхчувственного внутреннего опыта.

Уравнивая человека и животных, ломая иерархии, Харауэй надеется создать новый семиотический язык, где будут новые коды, стирающие границы между биологическим и дигитальным, что уже подводит к сомнению, так как нельзя уравнивать столь разные измерения сущего. Биологи до сих пор не разгадали тайну появления жизни на земле. Продвигая дигитальную онтологию в качестве высшего знания, способного уравнивать себя с природной тайной появления жизни, происходит утверждение господства без апелляции к науке, пусть даже и к постпозитивистской парадигме, кодами которой оперирует Харауэй, также будучи новым материалистом.

Деконструируя иерархии, Харауэй хочет элиминировать священное из новой онтологической кодификации. «Никакие объекты, пространства или тела не являются священными сами по себе...» [9, с. 342].

Исключая сакрум из топики Хтулуцена, Харауэй тем не менее не решает вопрос о

¹ Термин, введённый Ф. И. Гиренком и обозначающий альтернативу биоцинозу. Биоциноз формирует тела для эволюции, в то время как галлюциноз формирует тела для грёз.

его присутствию в бытии. Иными словами, она просто вычёркивает из рассмотрения экзистенциальный взгляд на вопросы бесконечности, времени и пространства, на трансцендентные категории. От того, что она элиминировала их из своей парадигмы нового материализма, данные категории не перестают существовать. Низведя всё сущее на дигитальную плоскость сим-хтонического существования, Харауэй видит только одну область бытия, ограничиваемую не рамками сущего как такового, а только дигитальной стороной онтического, так как в проекте Хтулуцена дигитальное выступает в виде базисной единицы. Без данной электронной платформы не будут существовать её сим-хтонические акторы. Прослеживается тотальная ограниченность возможностей существования и их зависимость от весьма непостоянного (феномен глитч-активностей) функционирования кибер — сетей. Невероятный пассаж в сторону кибер-реальности можно объяснить лишь бесконечной уверенностью Харауэй в триумфе новой трансггуманистической реальности. Но вера является экзистенциалом присутствия. Только человек выстраивает свою экзистенцию через веру. Преодолевая человека, Харауэй не преодолевает веру в форме уверенности. В этом состоит противоречие подхода Харауэй. Элиминируя «лишнее» человеческое измерение, нужно избавиться и от остальных собственно и исключительно человеческих характеристик: воображения, критического мышления, способности выстраивать план своего существования. Если вывести «за скобки» эти аутентичные аспекты экзистенции, то не будет и киборгов, и проектов Хтулуцена, и анализа и критики Антропоцена.

Совершенно иная сторона дела состоит в том, что человек, кроме данных топик сознания, владеет и другими областями бытия, более того, может выходить за рамки чувственного восприятия. XXI в. требует ежедневного упоминания этого тривиального утверждения. Дихотомия Хайдеггера и Харауэй заключается в том, что это не только две разных трактовки понятия ужаса (условно, идеалистическая и материалистическая), а два разных способа бытия: разомкнутый к конституированию иным, трансцендентным планом бытия и дигитально-онтический, соответственно. Другими словами, человек сузился, разумеется, в своём горизонте сознания.

Радикальный поворот произошёл и в левом дискурсе, который представляет Харауэй. Если Энгельс писал о негативном влиянии человека на природу и предупреждал об ответных с её стороны реакциях, пред-

лагая снизить давление на неё, то Харауэй, желая «сделать слой Антропоцена тоньше», выступает против человека как экзистенции, называя его гумусом и компостом. «Я верю в компост, а не в постчеловечность...» [21, р. 161].

Представляется, что корень проблемы перенаселения, ведущего к экологической катастрофе, стоит искать в формах сознания, трагическую разорванность которого со времён модерна я описал выше. Форма модернистского/постмодернистского сознания привела к установлению такого порядка вещей, который мы можем наблюдать сейчас. Движение истории могло идти по другому пути, в котором не было бы субъект-объектной бинарной оппозиции, что позволило бы прийти к кардинально другим итогам: гармоничное отношение между природой и человеком зависит от гармонии в сознании человека, а не от создания кибернетических моделей реальности. Внутреннее определяет внешнее. Хтулуцен — материальный итог формы фрагментированного сознания, то, к чему цивилизация шла через дуализм Декарта, нигилизм Ницше, шизополюсы Делёза и Гваттари, концепт которых рассматривается одним из ведущих в сложностной теории.

3. Ирредукционизм дигитальной онтологии и веществование вещи в четверице Мартина Хайдеггера. Модусы виртуальности

Чтобы более точно обозначить дигитальные установки Донны Харауэй, необходимо связать её проект Хтулуцена с ирредукционизмом Латура и сложностной теорией постнеклассической науки. В данном ракурсе описания сложности как квантового феномена найдётся фундирующее этот проект свойство, которое опирается на нередуцируемость множественных объектов. «...важное свойство сложности: нередуцируемость. Она эмерджентна и процессуальна» [1, с. 76].

Донна Харауэй, предлагая проект Хтулуцена, разбивает единое поле сознания на множество делезианских шизополюсов, которые формируют операциональные индивидуации на всей плоскости дигитальной реальности симбиотического дискурса. Наблюдая такую трансформацию сознания, можно предположить, что отрицание единства сознания возникает из-за действия потенциалов метастабильности Симондона, трансдуцирующих индивидуации друг с другом. Но также возможно предположение о том, что объяснение такой расщеплённости сознания можно найти в феномене цифрового

сумасшествия Делёза и Гваттари. Киборги Харауэй порождены эпохой Капиталоцена, в которой люди создали тот дигитальный антиантропологический фактор, который, в итоге своего развития, рекурсивно втянул их в состояние вечного пробуждения. Что я имею в виду под вечным пробуждением? Это состояние вечного возвращения Ницше в профанный мир объективности. В таком поверхностном измерении реальности происходит деградация второго плана сознания человека: люди перестают мечтать, предаваться грёзам. Ницше называл людей «луна-тиками дня»: «Мы, художники! Мы, утайщики естественности! Мы. Сомнамбулы и богома-ны!» [6, с. 79—81].

В противоположность Ницше Харауэй предлагает забыть про «утайщиков естественности», потому что таков «освободительный» императив нового левого дискурса, представителем которого она является. Очевидно, что «освободив» человека от любых традиционных идентичностей (расы, этничности, гендера и телесности, органики), объектно-ориентированные онтологи вплотную подошли к вопросу о раздвоенности человеческого существования на субъективную и объективную стороны. В этом случае они выбирают последнюю. Но как поступить с оставшимся сугубо человеческим, определяющим человека фактором: наличием онейрического художественного плана существования? Предлагається заменить этот план дигитально-биологическим конструктом кибернетической реальности. Если это произойдёт, то боги из четверицы Хайдеггера ужаснутся. «Божества — это намекающие посланцы божественности. Из неё, потаённо правящей, является Бог в своём существе» [8, с. 324]. Позиция Хайдеггера по вопросу множественности и редукционизма выглядит трансцендентальной альтернативой проекту Харауэй.

Во-первых, Хайдеггер во многом опередил феномен сложности, создав четверицу земли, неба, смертных и божеств. В работе «Вещь» Хайдеггер утверждает: «...мирение мира ни объяснить через иное, ни обосновать из иного нельзя... Необъяснимость мирения мира происходит оттого, что такие вещи, как причины и основания, мирению мира несоизмеримы» [8, с. 324]. Хайдеггер гениально описал такой феномен сложности, как *эмерджентность* — несводимость целого к сумме своих частей. «Мы именуем событие зеркальной игры едино-сложенности земли и неба, божеств и смертных миром» [8, с. 324]. Это озарение Хайдеггера предваряет постнеклассическую эпоху философии науки и созвучно синергетическим моделям Хакена

и Пригожина, разумеется, не в смысле содержания, но формы модели как таковой. Сама же описательная модель четверицы исторически фундируется в философии досократиков, показывая всю глубину взгляда на мир философов Древней Греции.

Во-вторых, Хайдеггер изысканно формулирует своё видение ирредукционизма, наделяя это понятие своеобразным онтологическим смыслом. Хайдеггер отрицает редукционизм, то есть объяснение и обоснование реалий четверицы друг из друга. «Единые четверо оказываются задушены в своём существе уже тогда, когда их представляют просто как четыре обособленных реалии, которые надо обосновать друг через друга и объяснить друг из друга» [8, с. 325]. Части четверицы не сводятся одна к другой потому, что тогда нарушится пред-установленная миром гармония. «Ни один из четырёх не окаменеет в своей обособленной отдельности. Каждый из четырёх, скорее, разобособлен внутри их взаимоврученности: до своей собственной сути» [8, с. 324]. У реалий четверицы есть «своя собственная суть», но, в то же время, они едины в своей *одно-сложности*. Полагаю, что в последнем термине можно также провести связь с парадигмой сложности в современной философии. Таким образом, Хайдеггер преодолевает дихотомию ирредукционизма — редукционизм, вводя сам термин *одно-сложность*.

Единство четверицы Хайдеггер видит в скрещении. «Скрещение осуществляется как дающая быть собой зеркальная игра четырёх, одно-сложно вверяющих себя друг другу» [8, с. 325].

В сложностной парадигме «единство сущего состоит не в его самотождественности, а в его саморазличности» [2, с. 84].

У Хайдеггера, напротив, единство является гармонией и наличием у реалий четверицы «собственной сути», которую они отзеркаливают «в простом вручении себя друг другу» [8, с. 324].

В-третьих, Хайдеггер объясняет мир из самого себя: «Мир истинствует в мирении» [8, с. 324]. Данной формулировке созвучна категория аутопоззиса (самореференции) в парадигме сложности.

Четверица Хайдеггера и сложностная парадигма — это фактически несовместимые философские позиции, так как «человеческая потребность в объяснениях вообще не имеет отношения к одно-сложности мира» [8, с. 324].

Известно, что Хайдеггер всегда занимал антиисциентистские позиции. В чём особенность взгляда Хайдеггера на такие кон-

тингентные термины, как сложность, эмерджентность, ирредукционизм? В том, что Хайдеггер вводит созерцание на место рациональности в решении вопросов сложностного мира. Он просто созерцает одно-сложность мира, не отделяя её от своего сознания. Напомню, что субъект-объектную дихотомию в вопросах постижения сложности продолжают использовать её исследователи, такие как В.И. Аршинов, Я. И. Свирский и В.С. Стёпин: «наука... не отказывается окончательно от классического субъекта...» [1, с. 73].

Ирредукционизм дигитальной онтологии — теория, развитие которой обусловлено концептуальным движением от Жильбера Симондона до Бруно Латура. На самом деле, корни этой теории зиждятся на всей традиции французской философии с эпохи Просвещения (Дидро), но именно Симондон выделяет в качестве одного из «значительнейших философов техники наряду с Хайдеггером» [14].

При сравнении этих фигур в истории философии важным представляется выделение двух основных дискурсов: хайдеггерянского понимание технического (техне) как совмещения искусства и ремесла, поэзиса и творчества и симондоновское — как преодоление любых трансцендентных нарративов в определении техники, снятие противопоставления в дихотомии человек/техника через отказ от существенной разницы между ними в кибернетическом измерении наблюдателя второго [10]. Сопоставление двух взглядов может дать нам отчётливую картину кардинальной разницы между этими мыслителями. С помощью этого сравнения станет очевидным, что подходы Симондона и Латура рассчитаны на претворение в жизнь концепта дигитального пострационализма.

Итак, Хайдеггер, разбирая понятие вещь (нем. *das Ding*) в одноименной работе, указывает, что «вещь даёт пребывать четверице как пребыванию — здесь и теперь — одно-сложности мира» [8, с. 325]. Вещь находится в центре четверицы Хайдеггера, на пересечении двух линий (небо/земля, божества/смертные), через неё четверица являет себя. Приводя в пример обыкновенную чашу, Хайдеггер говорит о «собирации», которое «отвечает существу чаши» [8, с. 323]. Безусловно, данная трактовка чаши как таковой входит в диссонанс с её пониманиями в качестве предмета Нового времени или в смысле *res* римлян. Чаша не есть предмет, но есть вещь, которая веществует.

Если чаша не предмет, то в ней открывается сакрум четверицы, которая пребывает через неё. Это значит, воспринимая чашу

как вещь в изложении Хайдеггера, в ней мы находим и божеств через ритуал жертвоприношения содержимого чаши, и смертных, использующих её для питья, и небо, которое даёт живительную влагу, и землю, в которой находятся источники и материал для чаши. «В подношении полной чаши одновременно пребывают земля и небо, божества и смертные. Эти четверо связаны в своём изначальном единстве взаимной принадлежностью. Предшествуя всему присутствующему, они сложены в простоту единственной четверицы» [8, с. 321].

Хайдеггерянская дескрипция четверицы обращает наше внимание на укоренённость в бытии, пусть и без причинно-следственных связей, и близость всех её частей в одной чаше. В этой чаше боги и смертные, небо и земля представлены своими энергичными вибрациями. Они сливаются в этой конкретной осязаемой точке, обращаясь к человеку, взявшему её в руки: «Посмотри внутренним взглядом на то, что ты всегда воспринимал лишь как поверхность смыслов Делёза».

В этом обращении к внутреннему зрению лежит корень различий между «вещным» восприятием и объективным, предметным.

Симондон и Латур разбивают хайдеггерянскую «одно-сложность» вещи, оставляя только одну её половину — сложность [17, 18]. Возможно, сам по себе термин «сложность» или, точнее, «сложностность» *не поддётся объяснению* лишь потому, что из него элиминирована часть его названия: «одно». Почему она элиминирована? Потому что при её рассмотрении необходимо внутреннее зрение, раздвоенность человеческой экзистенции, но теоретики сети от этих параметров отказались, так как всё расположено на поверхности, на плоскости объектной онтологии.

Ирредукционисты вносят на место единства модели четверицы Хайдеггера раскол на множественные потоки и коды. Выражаясь языком Делёза и Гваттари, они разделяют нити ризоматической сети на шизопотоки. Индивидуации пребывают в режиме вечного становления, у них нет сути, в отличие от реалий четверицы Хайдеггера. Индивидуации нередуцируемы к каким бы то ни было устойчивым эссенциалистским паттернам. Они тоже отказались от предметности, но заменили её операциональностью, формирующейся механизмами трансдукции — переноса признаков в сетевом пространстве. Операции Симондона возникают из избыточности потенциалов метастабильности. Они воспринимаются как формирующие индивидуации виртуальности. Метастабильное и доиндивидуальное заменило область

онтологического измерения бытия Хайдеггера [17, 18, 20].

В таком пространстве вечного становления нет места не только четверице Хайдеггера, но и любым попыткам выйти за пределы «поверхности смысла». Если данная концепция нивелирования человека с объектами сущего является двигателем к триумфу технического взгляда на мир, то сам этот взгляд приводит к пониманию ограниченности охвата реальности. Формируются слепые пятна наблюдения и, вместо возвращения к человеческому пониманию на основе доступа к воображению и трансценденции, выбор ирредукционистов падает на умножение количества наблюдателей до бесконечности, которая не познаётся рационально [19]. Здесь формируется патовая ситуация, которая вызвана отказом от человеческого в человеке и в беспредельном стремлении науки ограничить гносеологию сциентистскими фреймами, что подчёркивал Хайдеггер в работе «Вещь»: «Наука сталкивается всегда только с тем, что допущено в качестве доступного ей предмета её способом представления. Говорят, научное знание принудительно. Несомненно» [19, с. 319].

Очевидно, что для «вещного» восприятия мира нужны особые *органы сознания антропологической экспрессии (ОСАЭ)*. Такие органы можно найти в исторической эпохе доосевого человека: онейрические настройки человека, галлюциноз сознания, художественное творчество вещей в смысле поэзиса. Необходимо осознание того факта, что эти данности — мнимости, которые движут человеком есть гарантии его несовпадения с самим собой, а значит постоянного реального движения по пути к истине. Как только человек объективируется, элиминирует эти мнимости, связывающие его с онтологическим планом бытия, он перестанет существовать, что подтверждает характеристику человека как выдвинутости в Ничто, в будущность, по Хайдеггеру. Таким образом, объективации противостоит субъективность, а *виртуальность* разделяется на *аутентичную* и *неаутентичную*.

Аутентичная виртуальность связана через органы сознания онтологической импресси с онтологическим планом бытия, то есть то, что дано человеку, но чего нет в мире сущего, и есть его аутентичная виртуальность, это его антропологические мнимости. Через них открывается истинное существование: *Sein* в терминологии Хайдеггера. Бытие — это Ничто, это то, чего нет, но что дано, выражаясь языком Ф. И. Гиренка. Аутентичная виртуальность обладает интериоризацией. Обращённая внутрь человека,

она открывает его навстречу смыслу, потенциально находящимся в непроявленности Ничто.

Неаутентичная (дигитальная) виртуальность, напротив, меняет вектор с интериоризирующего на экстериоризирующий: такая внешняя направленность переносит не только акценты и смыслы на внешний, предметный план бытия, но и создаёт ловушку для сознания, заменяя собой аутентичную виртуальность.

В чём цель данной трансгрессии виртуального из одного аутентичного модуса в другой, неаутентичный и дигитальный? Возможно, эта цель находится в трансгуманистическом проекте преодоления человека. Одно из его направлений — акселерационизм — постулирует в качестве дигитально-технологической сингулярной точки движения человечества аннигиляцию его как биологического вида. Каким способом достигается предполагаемая аннигиляция? Её достижение планируется через ускорение (акселерацию) автодеструктивных процессов капитализма, использующих в качестве ускорителя эпистему дигитализма. Ник Лэнд, представитель правого крыла акселерационизма, в ответе на вопрос журнала «Логос» так сформулировал генезис самой идеи аннигиляции: «У Делёза и Гваттари есть совершенно прозрачная идея, что надо двигаться вслед за рынком. CCRU развивали данное направление, когда еще само слово «акселерационизм» не было в ходу, его только потом употребил критик. Позиция была левой, потому что она была определена Делёзом и Гваттари как антикапиталистическая политическая стратегия. Я не думаю, что CCRU пытались ее как-либо пересмотреть. На этапе CCRU акселерационизм был версией акселерационизма у Делёза и Гваттари — попыткой разогнать капитализм до своей смерти» [5, с. 45].

Заключение

Одним из столпов объектно-ориентированной онтологии, спекулятивного реализма и акселерационизма является их ориентация на Внешнее. Данный выбор перечисленных выше течений в новой онтологии коррелирует с приведённым тезисом об экстериоризирующей интенциональности неаутентичной виртуальности. Внешнее есть сила, которая определяет жизнь человека, элиминируя субъективность как экзистенциальную данность. Капитализм для акселерационистов всего лишь совпал с движением Внешнего: «...необходимо различать между принципиальной движущей силой акселерации и ка-

питализмом. Капитализм является не самой этой силой, но, скорее, чем-то случайно совпавшим с ней в ходе истории и с какого-то момента начинающим ее тормозить» [5, с. 46].

В условиях капиталистической системы органика и человек входят наряду с неживой природой в зону эксплуатации, но с ростом дигитальных технологий, таких как искусственный интеллект, автоматизация производства, появление нано — проектов (например, NBIC(S)-проект), органика уходит на второй план, отправляясь системой капитализма в небытие исторической утилизации. Человек же как часть органического мира преодолевается дважды — и как органика, и как онейрическое существо.

Альтернативное отношение к миру и, в частности, к органике находится в описании вещи Хайдеггером: «само веществование ладно, и всякая присутствующая вещь, легка, неприметно льнёт к своему существу. Ладна вещь: чаша и стол, мост и плуг» [8, с. 326]. Действительно, ряд вопросов сложности снимается, когда мы обращаемся к наследию «германского мастера». Следуя тропами мысли Хайдеггера, мы приходим к ценнейшему выводу: Хайдеггер апеллирует к аутентичному сознанию человека, не заточая его в тесные фреймы научной картины мира. Его мысли пересекаются с осмыслением сингулярной философией феномена галлюциноза, который наделяет человека, в том числе, и самой способностью видеть вещи такими, как видит их Хайдеггер.

Галлюциноз сознания служит помехой уже для стремлений к реализации фуконианской идеи о тотальности контроля посткапиталистической системой числовых отношений, предлагающей дигитальный проект Паноптикума XXI века. С наступлением дигитального этапа элиминации антропологизма неаутентичная виртуальная реальность преодолевает аутентичную инверсией интериоризирующего вектора на экстерииоризирующий. Где находится область данной инверсии? В сетевом пространстве ирредукционистской дигитальной онтологии.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022

1. Аршинов В. И., Свирский Я. И. Сложный мир и его наблюдатель. Ч. 1 // Философия науки и техники. 2015. С. 70—84.

2. Аршинов В. И., Свирский Я. И. Сложный мир и его наблюдатель. Ч. 2 // Философия науки и техники. Философия науки и техники 2016. С. 78—91.

3. Богомолов А. С. Античная философия. М. : Издательство Московского университета, 1985. 368 с.

4. Гиренок Ф. И. Введение в сингулярную философию : монография. М. : Проспект, 2021. 304 с.

5. Ланд Н., Интервью «Фрагментация — вот единственная стратегия» // Логос [философско-литературный журнал]. 2018. Т. 28, № 2. С. 31—54.

6. Ницше Ф. Весёлая наука. СПб. : Азбука, 2021. 352 с.

7. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М. : Ad marginem, 1997. 452 с.

8. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М. : Республика, 1993. 447 с.

9. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. / Гендерная теория и искусство. Антология: 1970—2000 / под ред. К. Дипвелл, Л. Бредихиной. М. : Росспэн, 2005. С. 322—377.

10. Barthelemy J.-H. Fifty key terms in the works of Gilbert Simondon. Translated by A. De Boever. URL: https://m0n0sk0p.org/images/f/f6/Barthelemy_JeanHugues_2012_Glossary_Fifty_Key_Terms_in_the_Works_of_Gilbert_Simon-don.pdf (accessed: 08.08.2017).

11. Bouchard R. BioSytemic Synthesis. Science and Technology Foresight Pilot Project, ST-FPP Research Report, № 4, Ottawa, June, 2003, 405 p.

12. Burns D. D. Feeling Good Together. New York : Broadway Books. 2008. 691 с.

13. Ishikawa R. Confusion of the Concepts of “Hikikomori” and “NEETs: Seen from the Perspective of People Who Regard Themselves as “Hikikomori” // The Journal of Educational Sociology. 2006. Vol. 79. P. 25—46.

14. Laruelle F. The Concept of a “First Technology”. URL: <https://speculativeheresy.wordpress.com/2008/08/03/laruelles-essay-on-simondon-the-concept-of-a-first-technology> (accessed: 03.10.2021).

15. More M., Vita-More N. The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future 1st Edition. Shichester, West Sussex, UK: John Wiley&Sons, Inc., 2013. 480 p. [in Eng].

16. Palmier J.-M. and de Towarnicki F., “Entretien avec Heidegger”, L'Express. Paris, 954 (October 20—26, 1969), p. 78—85.

17. Simondon G. L'. Individuation à la lumière des notions deforme et d'information. Grenoble, Millon, 2005. 575 p.

18. Simondon G. L'individu et sa genèse physico-biologique. Grenoble, 1995. 270 p.

19. Spenser-Brown G. *Laws of Form* / G. Spenser-Brown. — Allen and Unwin, London, 1969. 200 p.

20. Styhre A. The concept of transduction and its use in organisation studies. Available at: http://emergentpublications.com/ECO/submissions/manuscript_38.pdf?AspxAutoDetectCookieSupport=1 (accessed: 26.09.2021).

21. Haraway D. *Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene, Chthulucene: Making Kin* // *Environmental Humanities*. 2015. Vol. 6. P. 159—165.

22. Heidegger M. *Approche de Hölderlin*. Paris: Gallimard, 1974. 264 p.

References

1. Arshinov V.I., Svirskij Ja.I. (2015) Složnostnyj mir i ego nabljudatel'. Ch. 1 [The complex world and its observer. Part 1]. *Filosofija nauki i tehniki*, pp. 70—84 [in Rus].

2. Arshinov V.I., Svirskij Ja. I. (2016) Složnostnyj mir i ego nabljudatel'. Ch. 2 [The complex world and its observer. Part 2]. *Filosofija nauki i tehniki*, pp. 78—91 [in Rus].

3. Bogomolov A. S. (1985) *Antichnaja filosofija* [Ancient Philosophy]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 368 p. [in Rus].

4. Girenok F. I. (2021) *Vvedenie v singularnuju filosofiju: monografija* [Introduction to singular philosophy: monograph]. Moscow, Prospekt, 304 p. [in Rus].

5. Land N. (2018) Intervju "Fragmentacija — vot edinstvennaja strategija" [interview "Fragmentation is the only strategy"], *Logos, Filosofsko-literaturnyj zhurnal*, vol 28, no. 2, pp. 31—54 [in Rus].

6. Nicshe F. (2021) *Vesjolaja nauka* [The funny science]. St. Petersburg, Azbuka, 352 p. [in Rus].

7. Hajdegger M. (1997) *Bytie i vremja* [Being and time]. Moscow, Ad marginem, 452 p. [in Rus].

8. Hajdegger M. (1993) *Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow, Respublika, 447 p. [in Rus].

9. Haraujej D. (2005) *Manifest kiborgov: nauka, tehnologija i socialističeskij feminizm 1980-h* [Cyborg Manifesto: science, technology and socialist feminism of the 1980]. *Gendernaja teorija i iskusstvo*. Antologija: 1970—2000 / Pod red. K. Dipvell, L. Bredihinoj. Moscow, Rosspjen, pp. 322—377 [in Rus].

10. Barthelemy J.-H. (2017) Fifty key terms in the works of Gilbert Simondon. Translated by A. De Boever. URL: https://m0n0sk0p.org/images/f/f6/Barthelemy_JeanHugues_2012_Glossary_Fifty_Key_Terms_in_the_Works_of_Gilbert_Simondon.pdf (accessed 27.09.2021) [in Eng].

11. Bouchard R. (2003) *BioSytemic Synthesis*. Science and Technology Foresight Pilot Project, STFP Research Report, № 4, Ottawa, June, 405 p. [in Eng].

12. Burns D. D. (2008) *Feeling Good Together*. New York, Broadway Books, 691 p. [in Eng].

13. Ishikawa R. (2006) Confusion of the Concepts of "Hikikomori" and "NEETs: Seen from the Perspective of People Who Regard Themselves as "Hikikomori". *The Journal of Educational Sociology*, vol.79, pp. 25—46 [in Eng].

14. Laruelle F. (2008) The Concept of a "First Technology". URL: <https://speculativeheresy.wordpress.com/2008/08/03/laruelles-essay-on-simondon-the-concept-of-a-first-technology> (accessed 03.10.2021) [in Eng].

15. More M., Vita-More N. (2013) *The Transhumanist Reader: Classical and Contemporary Essays on the Science, Technology, and Philosophy of the Human Future 1st Edition*. Shichester, West Sussex, UK, John Wiley&Sons, Inc., 480 p. [in Eng].

16. Palmier J.-M., de Towarnicki F. (1969) "Entretien avec Heidegger," *L'Express*. Paris, pp. 78—85 [in French].

17. Simondon G. (2005) *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information*. Grenoble, Millon, 575 p. [in Fr].

18. Simondon G. (1995) *L'individu et sa genèse physico-biologique*. Grenoble, 270 p. [in Fr].

19. Spenser-Brown, G. (1969) *Laws of Form* / G. Spenser-Brown. — Allen and Unwin, London, 200 p. [in Eng].

20. Styhre A. (2017) The concept of transduction and its use in organisation studies. Available at: http://emergentpublications.com/ECO/submissions/manuscript_38.pdf?AspxAutoDetectCookieSupport=1 (accessed 26.09.2021) [in Eng].

21. Haraway D. (2015) *Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene, Chthulucene: Making Kin*. *Environmental Humanities*, vol. 6, pp. 159—165 [in Eng].

22. Heidegger M. (1974) *Approche de Hölderlin*. Paris, Gallimard, 264 p. [in Fr].

For citing: Davydov I.A. The phenomenon of digital deanthropologization in the concepts of new materialists // *Socium i vlast'*. 2022. № 2 (92). P. 29—39. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-2-29-39. EDN: BGMBFP.

UDC 128

EDN: BGMBFP

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-29-39

THE PHENOMENON OF DIGITAL DEANTHROPOLOGIZATION IN THE CONCEPTS OF NEW MATERIALISTS

Igor A. Davydov,

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of Philosophy,
Department of Philosophical Anthropology,
Postgraduate Student,
Moscow, Russian Federation.
E-mail: galindas@yandex.ru

Abstract

Introduction. The challenges of the posthumanistic phase transition lead to a critical response from representatives of the anthropological trend in philosophy. Going into the sphere of determinism of digital discourse overcomes a person in all his previous discourses, since what was constantly perceived as ontic and ontological in being loses its meaning and value in the coordinates of digital relations. It is important to define the term "digital", which in the study is represented in numbers and following the logic of an algorithm that eliminates anthropological reality, understood as the subjectivity of human existence.

The purpose of the paper is to represent the concepts of the new materialists, who propose to

overcome the man not only in his spiritual, but also in bodily dimensions in comparison with the complexity paradigm and the concept of M. Heidegger. Methods. The author uses methods of analyzing philosophical concepts of the new materialists, M. Heidegger and representatives of complexity theory.

Scientific novelty of the research lies in discovering the connection between M. Heidegger's concept of quaternary and the concepts of complexity theory, including the new materialists' theories. The transition of the ontological model of Heidegger's concept into the ontic construct of the latest materialistic thought is traced. The author reveals the difference between authentic and non-authentic modes of virtuality.

Results. According to D. Haraway, an alternative is a form of interspecific mixing, in which the monstrous, which was previously a marker of the boundaries of the human, breaks into the anthropological topic, reshaping it according to the digital patterns of the posthuman world. This inversion of the Heideggerian world project of quaternary makes it possible to eliminate the ontological plane of being, solving the problem of man's exclusivity in the direction of its elimination from the discourse of modern philosophy.

Conclusions. Comparison of the approaches of M. Heidegger, accelerationists and Russian philosophy provides an opportunity to clarify important aspects of digital deanthropologization.

Keywords:

Chtulucene,
object-oriented ontologies,
monstrous,
numinous,
digital-biological integration

Для цитирования: Мусаелян Л. А.,
Зырянов С. Г. Глобальные вызовы России
и некоторые проблемы системы
отечественного высшего образования //
Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 40—52.
DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-40-52.
EDN: DHSWTY

УДК 32

EDN: DHSWTY

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-40-52

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ РОССИИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Мусаелян Лева Асканазович,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, доцент.
Пермь, Россия.
E-mail: lmusaelyan@yandex.ru

Зырянов Сергей Григорьевич,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
главный редактор научного журнала
«Социум и власть»,
старший научный сотрудник
лаборатории моделей
пространственного развития,
доктор политических наук, профессор.
Челябинск, Россия.
E-mail: ziryanov-sg@ganepa.ru

Аннотация

Введение. Россия в настоящее время сталкивается с рядом глобальных вызовов и угроз, сравнимых разве что с теми, с которыми она сталкивалась перед Великой Отечественной войной. Система образования любой страны — это индикатор интеллектуальных возможностей, от которых зависит ее будущее. В статье анализируется состояние современного российского образования, возникшее после проведения ряда реформ, ее способности обеспечить адекватные ответы на современные вызовы и угрозы.

Цель. Проанализировать современные глобальные вызовы и угрозы России, рассмотреть особенности существующей в стране системы образования, показать ее возможности по обеспечению научного и технологического прорыва для эффективной блокировки экзистенциальных угроз.

Методы. материалистический (принцип объективности), диалектический (принцип развития и всеобщей связи), системный.

Научная новизна. Раскрыта сущность переломного этапа современной истории человечества, дан объективный анализ состояния российского образования, характера и последствий проведенной в ней реформ, ее возможностей блокирования существующих вызовов и угроз.

Результаты. Показано, что на современном этапе российской истории существенно возрастает роль молодежи в определении судьбы страны. Ключевым в способности молодежи выполнить эту историческую миссию является система образования. Она позволяет сохранить исторические традиции, национальную идентичность, она же является фактором научных и технологических прорывов общества. Выявлено, что реформы в системе образования не были ориентированы на сохранение исторических традиций и национального кода страны. Заимствованные образовательные технологии не могли не привести к существенному снижению качества российского образования. В результате проведенных реформ страной был утрачен значительный потенциал развития.

Выводы. Реформы в системе образования так, как они были проведены, оказались контрпродуктивны и не отвечали национальным интересам страны. В настоящее время в условиях появления для России экзистенциальных угроз назрела острая необходимость изменить идеологию и технологию управления системы образования; требуется выйти из Болонской системы и вернуться к доказавшим свою эффективность элементам классического европейского и национального образования. Если страна нуждается в научном и технологическом прорыве, финансирование ее образования и науки не может быть меньше тех стран, которых России намеревается догнать. Для этого требуется радикально изменить как объемы, так и механизмы финансирования образования и науки. Необходимо пересмотреть ст. 13 п. 2 Конституции России. Государственная идеология концентрировано выражает национальные интересы страны и в конечном счете определяет цели и задачи существующей системы образования и воспитания. Отсутствие государственной идеологии способствует к десоверенизации и десубъективизации российского общества.

Ключевые слова:

глобальные вызовы и угрозы России,
система образования,
национальные интересы страны,
«беззнаиевая модель образования»,
научный и технологический прорыв

Введение

Современную эпоху можно характеризовать как переломный этап в истории человечества. Это определяется тем, что в конце XX — начале XXI в. произошло совмещение нескольких глобальных кризисов. В первую очередь речь идет о кризисе глобального неолиберального капитализма, что признается исследователями придерживающихся разных идеологических и мировоззренческих взглядов [4; 8; 10; 19; 23]. Став глобальным, капитал исчерпал внешние источники роста. Поиск внутренних резервов вновь подстегнул гонку вооружений и способствовал искусственному поддержанию завышенного потребительского спроса. Политика «принуждения» к потреблению привела к росту долгов домохозяйств и государств, затем к финансово-экономическому кризису в США (2008 г.), который быстро распространился в других странах.

В свою очередь, потребительский образ жизни, победивший в современном глобальном капитализме, резко усилил антропоморфное давление на природу, нарушив экологическое равновесие природных систем. При сохранении существующего образа жизни человечество ускоренными темпами будет приближаться к экологической катастрофе, о чем еще в семидесятых годах прошлого века предупреждали ученые «Римского клуба». Программа перехода развитых западных стран к «зеленой энергетике» продиктована стремлением приостановить тенденцию к потеплению атмосферы земли и не допустить экологического коллапса. Как представляется автору, указанная «зеленая» повестка, инициированная Западом, определялась не только соображениями восстановления экологического равновесия в мире, но и вуалированным желанием выдать Россию из европейского рынка углеводородов с целью сужения ее финансовых возможностей обеспечения экономического и технологического развития. Эти намерения коллективного Запада в последнее время уже никто и не скрывает. Забыв о программах перехода к «зеленой энергетике», некоторые страны Евросоюза нашли альтернативу российскому газу и нефти в «экологически чистом» каменном угле.

Важным фактором, определяющим характер современной эпохи, является геополитический кризис, обусловленный тенденцией смены монополярного миропорядка многополярным и перемещением центра мир-истории и мир-экономики из Америки в юго-восточный регион Тихого океана. «...В мире, — отмечал З. Бжезин-

ский, — идет процесс децентрализации. Мощь, сила, влияние, неотвратимо смещаются с Запада на Восток» [3]. Изменение мировой экономической, военной, политической архитектуры, сформировавшейся в конце XX века, сопровождается нарастающей конфронтацией между Западом и Востоком, появлением очагов напряженности по периметру границ России. Эти опасные тенденции будут возрастать, поскольку, как свидетельствует история, ни одна мировая империя мирно и добровольно не сдавала свои позиции. Фактическое участие более сорока государств Запада на стороне Украины во время специальной военной операции России по демилитаризации и денацификации соседней стороны есть демонстрация поддержки внешней политики США по сохранению и усилению власти влияния мировой империи глобального неолиберального капитализма.

Конец XX — начала XXI века ознаменовался четко выраженными признаками цивилизационного кризиса коллективного Запада. Традиционные принципы человеческого бытия, нормы поведения, которые в течение двух тысяч лет обеспечивали существование европейской цивилизации, подвергаются ревизии и активно пересматриваются. Политическая, социальная, нравственная патология стала нормой общественной жизни и получила статус ценностей передовых демократических стран. Отвергаются традиционные признаки идентификации семьи, брака, родителей, социальных индивидов. Все те, кто не считает приемлемым эти новации общественной жизни, объявляются врагами демократии и прогресса, ассоциируемого, конечно, с коллективным Западом. Сохранение и продолжение отмеченных тенденций даже в среднесрочной перспективе ставит под вопрос не только развитие, но и существование современной европейской цивилизации. Есть основание считать, что Запад выходит за пределы собственного цивилизационного пространства. Европейская цивилизация находится на переломном этапе своей истории.

Неолиберальный капитализм, искусственно поддерживая высокий потребительский спрос, способствовал формированию человека экономического (Homo economicus), смысл существования которого сводится к приобретению и потреблению все новых товаров. Это определяется тем, что только в потреблении он чувствует себя человеком [27]. Такое понимание смысла жизни определяет его подход к другим людям как средству достижения своих целей или как

к конкурентам. Подобное узко утилитарное отношение к окружающей социальной среде резко ограничивает возможность человека к социализации, сдерживает развертывание и развитие его сущностных сил. Иначе говоря, потребительское отношение к жизни оборачивается упрощением, деградацией человека, его превращением в асоциальное существо [20, с. 32]. Отсюда дегуманизация всех сфер общественной жизни, примитивизация культуры, социальных норм и ценностей, рост насилия и преступности. Словом, антропологический кризис является еще одной стороной современного глобального кризиса человечества.

Из изложенного можно сделать два вывода. Во-первых, многоаспектный системный характер современного глобального кризиса свидетельствует о кризисе пути развития буржуазной (европейской) цивилизации. Во-вторых, все проблемы, все противоречия современной эпохи так или иначе «сходятся» в человеке. Поэтому антропологический кризис — это кризис образа жизни, «выбранной системы мышления, формы рациональности, отношения человека к миру — первопричина других, более частных при всех их фундаментальности — форм кризиса» [9, с. 75].

Экзистенциальные угрозы России и историческая миссия молодежи

Углубление геополитических противоречий в мире, с одной стороны, и цивилизационный кризис в Европе — с другой, резко обострили отношения между коллективным Западом и Россией. Если еще лет десять назад отношение Запада к России ограничивалось высокомерной пренебрежительно-критической характеристикой нашего государства как авторитарного, коррумпированного режима с маргинальной, периферийной сырьевой экономикой, проводящего ревизионистскую политику пересмотра геополитических реалий, возникших в конце XX века, то сегодня ситуация совершенно иная. Против нашей страны демонстративно развернута тотальная гибридная война, в ходе которой используются все возможные средства: политическое давление, экономические санкции, блокирование участия в международном разделении труда и международных мероприятиях в сфере науки, культуры, спорта. Очевидно, цель этой гибридной войны — сдержать развитие России, консервировать ее технологические отставание и загнать ее в технологическое гетто. В противостоянии

с Россией Запад применяет испытанный инструмент информационно-психологической войны, которая в настоящее время по своим масштабам, интенсивности и остроте приобрела небывалые формы. Ее конечная цель — ослабить государственность, расколоть российское общество, переформатировать общественное сознание, добиться десоверенизации и десубъективизации России и ее раздробления. Объектом информационно-психологического воздействия в гибридной войне прежде всего является молодежь, которая в немалой своей части не завершила процесс социализации и потому не обладает еще сформировавшимся мировоззрением, устойчивыми убеждениями, смысложизненными принципами и ценностями. В то же время молодежь — это один из наиболее важных ресурсов общества, от мобилизации которой зависит его жизнеспособность [14, с. 571—572]. С одной стороны, она перенимает опыт, традиции предшествующих поколений и сохраняет национальный культурный код народа, а с другой, она быстро адаптируется к изменяющимся обстоятельствам, легко усваивает достижения науки и техники и становится мотором инновационного развития. Молодежь может выполнить эту свою историческую миссию, если в стране существует эффективная система образования. История многих стран, в том числе и нашей, свидетельствует о том, что качественная система образования являлась условием и фактором мощного научно-технического и социального прогресса. В конце пятидесятых годов советская система образования стала одной из лучших в мире. И тот факт, что за короткий промежуток времени с 1956 по 1964 гг. семь советских ученых стали лауреатами Нобелевской премии, не является случайностью. Точно так же закономерными были успехи СССР в освоении космоса. Широко известна реакция американского президента на запуск в нашей стране первого искусственного спутника Земли. Джон Кеннеди распорядился реформировать систему образования в США. Эффективная система образования формируется в конкретных социальных условиях, она отвечает конкретным запросам общества, поэтому не может не иметь свои национальные особенности. В настоящее время, когда геополитическое и цивилизационное противоречие между Западом и Россией достигло критической точки, есть необходимость проанализировать проблемы нашей системы образования. В силу своей профессиональной деятельности в

центре внимания автора этих строк будут в основном проблемы высшего образования России.

Российская система образования и особенности проведенных реформ

Кризисные тенденции в стране, в том числе в обществе и в сфере образования, начались еще в советскую эпоху — в 80-е годы прошлого века. Реформы начала 90-х годов не только не приостановили эти негативные тенденции, но усилили их, что было обусловлено целями реформ. Экономические реформы, проводимые в начале 90-х, преследовали политическую цель — развалить базис социализма, для того чтобы придать проводимым преобразованиям необратимый характер. Разрушение экономического базиса способствовало фактической ликвидации социального государства. По Конституции СССР не определялся как социальное государство, но в действительности, по мнению автора этих строк, был таковым. Постсоветская Россия де-юре провозглашалась социальным государством, но де-факто не было таковым. Государство после реформ «ушло» не только из экономики, но практически и из социальной сферы, финансирование которой было сведено к минимуму. Симптоматично то, что реформаторы изменили название ведомства, которое занималось образованием. Из наименования министерства исчезло слово «народное», что не позволяло даже царское правительство, и это изменение не было исключительно семантическим. Обязательное одиннадцатилетнее образование было отменено. Анонимные инициаторы реформ в образовании продвигали идею вариативного обучения дисциплин, в том числе литературы и истории, и постепенного вытеснения бесплатного образования платным [29]. Из учебного процесса было элиминирована воспитательная функция, формирующая мировоззрение и определённые смысловые ценности, выражающие культурный национальный код России. В результате реформ среднего образования снизилось его качество, что привело к разрыву между средним и высшим образованием. Правда, в последующем благодаря реформам в высшем образовании этот разрыв существенно сократился. В 2012 году отечественные вузы выпали из сотни качественных университетов мира [12, с. 50]. Оценивая результаты реформ в образовании за последние тридцать лет, трудно удержаться от мысли, что в России было применено оружие мягкой

силы с целью реформировать сознание молодёжи и добиться ее десуверенизации. Как свидетельствуют социологические исследования, у российской молодёжи (в отличие от своих сверстников в Польше, ФРГ и других европейских стран) политические и общественные проблемы находятся на периферии их интересов. Более важным для значительной части нашей молодёжи является достижение личного успеха, материального благополучия [2, с. 24]. Индивидуализм, эгоизм в их ригористических формах стали нормой общественной жизни постсоветской России. Молодёжь — часть нашего общества, она не может иметь социальные качества, принципиально отличные от социальных свойств общества. Социологические исследования свидетельствуют о том, что связь нашей молодёжи со своей родиной значительно слабее, чем в соседних западных странах [2, с. 26]. Это вполне объяснимо, ведь наша молодёжь социализируется в обществе, где отсутствует государственная идеология, определяющая стратегическое целеполагание страны, образование не способствует формированию исторической памяти и российского национального культурного кода, а без всего это устойчивые патриотические чувства не возникают. Соответственно, возникают условия для манипулирования сознанием молодёжи и вовлечения их в различные акции протеста [2, с. 25].

Согласно ст. 13 п. 2 Конституции РФ, в нашей стране никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Однако, как представляется, возникшие проблемы системы российского образования обусловлены преимущественно идеологическими факторами. Руководствуясь нелиберальной идеологией, акторы российских реформ горели неумным желанием коммерциализировать все сферы общественной жизни и это им практически удалось. После принятия России в ВТО учреждения образования (и здравоохранения) стали рассматриваться как хозяйствующие субъекты, представлявшие образование (и медицинские) услуги заказчику — студенту (пациенту) [12, с. 50]. Коммерческий подход к социальной сфере означал применение базового принципа рынка — максимум прибыли при минимуме издержек. Применение этого правила управления в здравоохранении привело к «оптимизации» медицинских учреждений и численности персонала во всей России. В годы пандемии «оптимизированная» национальная система здравоохранения оказалась в состоянии коллапса, что

обернулось большими людскими и моральными потерями, значительными финансовыми затратами государства на поддержание медицинских учреждений и населения.

Рыночные методы управления, внедренные в систему образования, способствовали пересмотру целей, задач, критериев эффективности учебных заведений высшего образования. Здесь утвердился утилитарный подход к учебному процессу и результатам преподавательской деятельности. В образовании приобрели значимость дисциплины, дающие узкопрофессиональные знания, которые можно быстро продать на рынке. Это привело к резкому сокращению или полной элиминации из учебного процесса социально-гуманитарных дисциплин, ведь результаты преподавания этих человекоцентрированных наук, формирующих мировоззрение, убеждения, смысло-жизненные ценности и нравственность человека трудно монетизировать. Они не востребованы на внутреннем и тем более на внешнем рынке. По этой же причине из учебного процесса была выведена нравственно-воспитательная работа. Такую деятельность преподавателя трудно верифицировать при помощи тестов и тем более монетизировать. Как справедливо подметил Дж. Сорос, рынок и мораль несовместимы [24, с. 21].

Словом, применение рыночных методов управления сферой образования привело к расчеловечиванию учебного процесса. Система образования как важнейший институт социализации потеряла свое антропологическое основание. А это означает, что учреждения образования перестали соответствовать своему предназначению, а именно формированию (образованию) человека. Образование, ориентированное на рынок, дает знание, являющееся чем-то внешним для субъекта. Поэтому можно сказать, что учреждения высшего профессионального образования фактически стали институтами, порождающими определенную форму духовного отчуждения. Потребности рынка очень изменчивы, подвижны, поэтому профессиональное образование не может быть основательным, глубоким, фундаментальным. К тому же подобное образование не является дешевым. Между тем глубокое теоретическое образование является условием существования и развития фундаментальной науки, открытия в которой являются фактором, обеспечивающим технологический прорыв и имеющим в современных условиях экзистенциальное значение для России. В этой связи можно сказать, что переход к профессиональному образованию,

ориентированному на рынок, фактически консервирует технологическое отставание России от Запада.

В условиях капитализма экономический подход к образованию очевидно неизбежен, но он не может быть определяющим и тем более единственным. Если даже оценивать человека узко экономически, как рабочую силу, обученную определённому виду профессиональной деятельности, надо понимать, что ее развитие сопряжено с развитием множества других сущностных сил человека: мышления, воображения, воли, ответственности, свободы и т. д. Чем полнее развиты многообразные сущностные силы человека, тем выше его творческий потенциал как работника, тем более востребован он на рынке труда, тем выше потребительная стоимость рабочей силы как товара. Поэтому если даже руководствоваться экономическими соображениями предпочтительно как для потенциального работника, так и для бизнес-сообщества. Как показал Кл. Шваб, четвертая промышленная революция ориентирована не на узкого де-гуманизированного специалиста, а на творческого человека [26]. Узкоспециализированное профессиональное поверхностное образование фактически закрывает перспективу развития общества. Существующая система образования, как представляется, отвечает интересам акторов глобального неолиберального капитализма, поставивших себе цель превратить Россию исключительно в источник дешевого сырья и рабочей силы, способной выполнять лишь исполнительные функции. Если еще вчера при осуществлении реформ эта цель была камуфлирована, то в настоящее время, когда против России ведется тотальная гибридная война, скрыть это невозможно.

Анализируя современные вызовы и проблемы российского образования, нельзя обойти вопрос о финансировании этой сферы, от которой без преувеличения зависит будущее страны. Многолетняя политика властей финансирования российского образования не дает оснований усомниться в том, что геополитические противники России могут достичь своих целей, о которых говорилось выше. По разным международным данным, если по ВВП на душу населения Россия находится среди среднеразвитых стран мира, то по расходам на образование она среди бедных, слаборазвитых стран. Из 198 государств Россия занимает по этому показателю 125 место, находясь между Сальвадором и Тувалу. По другому рейтингу она на 120 месте, после нее опять-таки государство

Тувалу [22]. Читатель знает, где эта страна Тувалу находится? Согласно докладу ОЭСР, Россия по расходам на образование среди развитых страны в числе аутсайдеров [11].

Недостаточное финансирование вузов вынуждает их зарабатывать деньги посредством увеличения количества студентов, обучающихся на коммерческой основе. Как правило большинство таких студентов имеют слабую общеобразовательную подготовку. Именно поэтому они не прошли по баллам на бюджетные места. В настоящее время в государственных вузах России более половины студентов учатся на платной основе [8]. Если среди студентов более половины являются слабоподготовленными, то говорить об обеспечении нужного качества образования не приходится. Осознание финансовой зависимости вуза от коммерческих студентов вынуждает преподавателя (не без давления сверху) снижать требования к таким учащимся. С другой стороны, понимание коммерческими студентами указанной финансовой зависимости вуза от них демотивирует некоторых от активной учебной деятельности. Словом, коммерциализация образования вопреки ожиданиям («платная учеба более эффективна») существенно снизила качество высшего образования.

В настоящее время важным фактором технологического и социально-экономического развития государств является наука. Очевидно, что развитие науки в большей степени зависит от ее финансирования. В 2020 году на научную сферу в бюджете России выделялось 1,1 % ВВП. В странах ОЭСР в среднем на эти цели выделялось 2,47 % ВВП, в США 3,07 % ВВП, в Германии 3,18 % [16]. На фундаментальную науку, играющую ключевую роль в открытии новых технологий, в 2022 году в Российской Федерации запланировано выделить 0,17 % ВВП. В ведущих странах мира этот показатель 0,4—0,6 % ВВП [16]. По причине недостаточности финансирования уменьшается и численность научных работников. Если в 2016 году Россия по этому показателю занимала 4-е место, то в 2021 году уже 6-е [16]. Очевидно, что при таком внимании властей к образованию и науке трудно осуществить технологических прорыв и дать адекватный ответ на агрессивную политику Запада сдерживания России.

Заимствованные западные образовательные технологии

Дискурс о проблемах российского образования не может быть полным без анализа

последствий заимствования западных технологий в образовательной деятельности. Принятие РФ в ВТО было обусловлено ее присоединением к Болонскому процессу. Этот процесс был вызван тенденцией глобализации, в результате которой происходило формирование взаимосвязанного, взаимозависимого целостного мира. Болонские соглашения предполагают принятие странами подписантами единых (или близких) образовательных технологий, стандартов, критериев оценивания знаний студентов. Последние получали возможность менять траекторию профессионального образования, продолжать учебу в других вузах, в том числе и зарубежных. Гармонизация системы образования европейских стран ставила своей целью, кроме всего прочего, повысить престиж европейских вузов, создать гомогенную интеллектуальную культурную среду, повысить возможности молодежи трудоустройства. Болонские соглашения, к которым присоединилась Россия (в 2003) давали право российским студентам продолжить учебу в престижных европейских вузах, а молодежи, закончившей российские вузы, благодаря признанию дипломов о высшем образовании работать за рубежом. Повальное увлечение английским российских школьников и студентов, кажется, позволило некоторой части российской молодежи реализовать свои планы на учебу и работу за рубежом. Понятно, что речь идет о наиболее талантливой и творчески одаренной молодежи. Учитывая разницу в заработной плате в России и в развитых странах Запада, можно однозначно сделать вывод, что присоединение России к Болонскому процессу создавало условия для усиления «утечки мозгов» из нашей страны. Согласно докладу Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», из России ежегодно уезжают до 80 % перспективных специалистов. Причем уезжают в основном высококвалифицированные специалисты из передовых областей естественных и технических наук. По оценке главного ученого секретаря РАН Николая Долгушина с 2012 по 2021 год количество эмигрировавших из России ученых возросло в 5 раз [30]. Словом, глобализация образования давала очевидные преимущества богатым странам Западной Европы и США и ограничивала возможность периферийных и полупериферийных стран мира осуществить технологический и социально-экономический прорыв.

Присоединение России к Болонскому процессу вызвал вал публикаций в периодических изданиях. Они свидетельствовали

о том, что образовательное сообщество неоднозначно восприняло очередные реформы в системе высшего образования [18, с. 11—15]. И дело здесь не столько в уязвленном самолюбии образовательного сообщества, реагировавшего на то, что высокое российское начальство в соответствии с новыми демократическими принципами управления в очередной раз проигнорировало мнение тех, кому надлежало претворять в жизнь эти реформы, сколько в том, что выполнение установок Болонских документов требовало радикальной перестройки системы образования и отказа от сложившихся исторических и национальных традиций в этой сфере. Но, как свидетельствует история нашей страны, не все в этой системе было безнадежно устаревшим, неприемлемым, требующим однозначного устранения. В ряде Болонских документов, принятых позже, указывалось на право стран подписантов сохранять положительные традиции национального образования. Однако в национальных традициях российских реформаторов есть особенность: в процессе реформ они пытаются избавиться от всяких национальных традиций. Присоединение России к Болонскому процессу не оправдало возложенных на этот шаг надежд. Произошла утрата достоинств системы классического российского и советского образования, а введенные новации привели к резкому снижению качества образования. Стандарты бакалавриата не предполагают получение студентами основательных фундаментальных знаний. Минимизация теоретических дисциплин определяется не только стандартами бакалавриата, но и, как отмечалось, рыночным подходом к управлению образованием. Выпускник бакалавриата — это фактически недоучившийся студент специалитета с ограниченными возможностями трудоустройства. Где может работать философ-бакалавр — очевидно, учителем обществоведения в школе. Конечно, у него есть возможность трудоустроиться в различных бизнес-структурах менеджером. Но надо ли было ему для этого изучать труды Платона, Аристотеля, Гегеля, Сартра и т. д.? То же касается бакалавра-юриста. Он не может работать судьей, прокурором и т. д. Чтобы быть полноценным юристом, как отмечают правоведа-практики, ему обязательно надо закончить юридическую магистратуру.

Болонская система позволяет студенту менять траекторию образования. Скажем, бакалавр-физик может поступить в юридическую или философскую магистратуру. Но отсутствие у таких студентов базового обра-

зования не позволяет преподавателям реализовать с ними полноценную магистерскую программу. Преподаватель вынужден проходить с ними «азы» профессионального бакалавриата. А если в группе студенты с базовым философским образованием, что чаще всего и бывает, он должен проводить занятия с этими студентами отдельно. Понятно, что такая дополнительная нагрузка не оплачивается, и она оказывается лишь уделом энтузиастов, которых сегодня становится все меньше.

Выпускники бакалавриата в последние годы с большой неохотой идут в магистратуру. Даже у юристов, на которых и сегодня сохраняется высокий спрос у абитуриентов, возникают трудности с набором в магистратуру. Согласно аналитике, по стране в среднем поступают в магистратуру 27—30 % выпускников, закончивших бакалавриат, остальные предпочитают устраиваться на работу, а не жить на иждивении родителей. Большинство магистрантов днем работают, а учатся в вечернее время. Руководство факультетов, кафедр вынуждены принимать такой режим обучения, чтобы сохранить магистрантов и магистратуру. Понятно, что во время работы у магистров нет возможности готовиться к занятиям. Поэтому учеба в магистратуре превратилась в форму вечернего обучения со всеми ее изъянами. Из изложенного можно сделать достаточно определенный вывод: внедрение технологии трехступенчатого образования по стандартам Болонского системы не могло привести к повышению качества высшего образования и даже сохранения его на прежнем уровне.

Реформы изменили также статус, значение и цели аспирантуры. Она стала третьей ступенью образовательной системы России. В завершении учебы аспирант пишет научно-квалификационную работу (фактически теоретический доклад о проделанной работе), защищает его и затем получает документ о том, что проучился в аспирантуре. Написание и защита диссертации не является обязательным. В результате в настоящее время лишь 9—10 % аспирантов после окончания аспирантуры защищают кандидатские диссертации [1; 11]. Согласно социологическим опросам, 25 % аспирантов поступают в аспирантуру, чтобы избежать призыва в армию [15]. Заметим, что еще в 2014 году количество защитившихся аспирантов составляло 30—33 % от их общей численности [21]. По сравнению с предыдущими годами этот показатель тоже уменьшился, но все же был в три раза больше,

чем сегодня. Низкая мотивация выпускников вузов России заниматься научной деятельностью определяется недостаточным финансированием вузов и науки, а также низким статусом преподавателя и ученого в нашем обществе. Отсюда и устойчивая тенденция сокращения численности научных работников в России, о чем говорилось ранее. Опасным в этом процессе является разрушение научных традиций, без которых не может быть научных школ и большой науки, которыми гордилась наша страна. Сложившиеся в последние три десятилетия тренды не дают оснований для вывода о том, что при их сохранении в дальнейшем Россия будет в состоянии преодолеть свое технологическое отставание от Запада.

Болонская система, внедренная в российское образование, изменила технологию образовательного процесса, ее цели и задачи. Технологической новацией, заимствованной с западных моделей образования, была бально-рейтинговая система. «Изюминкой» этой системы является то, что она фактически элиминирует из учебного образовательного процесса курсовой экзамен. Итоговая оценка студенту за основной курс выводится, как правило, без экзамена по баллам за сданные контрольные точки. Между тем изучение предметов, определенных учебной программой, — это прежде всего освоение научных дисциплин, а наука есть системные знания. Проверка таких знаний происходит на экзаменах, на собеседованиях преподавателя со студентом. Экзамен, помимо всего прочего, это не только «бюрократическая форма подтверждения уровня знаний» (Маркс) студента по завершению изучения дисциплины, но и в определенной мере продолжение познавательного процесса, поскольку во время собеседования преподаватель корректирует, дополняет ответы студента, рекомендует ему для чтения литературу, дает советы для последующего саморазвития. Проверка знаний по фрагментам курса не позволяет субъектам учебной деятельности полноценно завершить образовательный процесс. И, самое главное, исключает формирование у студента целостного системного знания. А это означает, что у выпускника вуза не формируется целостная научная картина общества, мира, а в конечном счете, современное научное мировоззрение. Сознание человека, обладающего фрагментированными знаниями, оказывается манипулятивным, что является условием десубъективизации и десуверенизации наиболее активной части общества. Нетрудно догадаться, что

это влияние постмодернистской философии, представители которой культивируют резко негативное отношение к возможностям человеческого разума, к целостному теоретическому знанию и мировоззрению. Но почему эта модель формирования человеческой личности внедрена в российскую систему образования, ведь документы Болонского процесса позволяют сохранять национальные традиции в образовании — вопрос риторический.

Как уже отмечалось выше, присоединение к Болонской системе внесло изменения в цели и задачи российского образования. Теперь выпускник российского вуза должен обладать конкретным набором компетенций, которые определяются существующим федеральным образовательным стандартом (ФГОС ВО). Эти стандарты часто меняются, что сопровождается изменением требуемых компетенций и соответственно изучаемых студентами дисциплин. Какова причина и логика смены стандартов и пересмотра образовательных программ для преподавательского сообщества, которое и должно руководствоваться этими стандартами, остаётся глубокой тайной. Важнейшей особенностью этих изменяющихся стандартов остается компетентный подход. ФГОС ВО целью образования и обучения заявляет не знания, умения, навыки, ценностные установки, а уже затем компетенции, как этого требует федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [26], а непосредственно компетенции. О знаниях и умениях в стандарте ничего не говорится. С правовой точки зрения федеральный закон имеет большую юридическую силу, нежели подзаконный акт, каковым, собственно, и является ФГОС ВО. Однако преподаватели вынуждены руководствоваться этим нормативным документом, созданным чиновниками из Минобрнауки [25]. Возникают резонные вопросы в связи с требованиями ФГОС ВО: как могут сформироваться компетенции, в том числе профессиональные, без соответствующих знаний и опыта; можно ли проверить наличие у студентов искомым компетенций, особенно профессиональных без практики, которая, по большому счету, будет после завершения учебы? На эти вопросы авторы образовательного стандарта ответа не дают.

Запрос на формирование компетенций был вызван новыми требованиями к субъекту труда, обусловленными быстро изменяющимися производственными технологиями, возросшей подвижностью конъюнктуры рынка, усилившейся

трудо­вой моби­ль­но­стью и дру­ги­ми при­чи­на­ми. Сло­вом, по­я­ви­лись фак­то­ры, дик­ту­ю­щие не­об­ходимость фор­ми­ро­ва­ния у вы­пус­к­ни­ка ву­за опре­деленных на­вы­ков, обес­пе­чи­ва­ю­щих бес­проблемное су­ще­ство­ва­ние в бы­стро из­ме­ня­ю­щейся со­ци­аль­ной ре­аль­но­сти. По­это­му не­льзя от­ри­цать не­об­ходимость фор­ми­ро­ва­ния у вы­пус­к­ни­ка ву­за опре­деленных ком­пе­тен­ций. Но в су­ще­ст­вующем ФГОС ВО ком­пе­тен­ции никак не увя­за­ны со зна­ни­ями, без ко­то­рых они не могут воз­ник­нуть. От­рыв ком­пе­тен­ций от зна­ний, как от­ме­чает Е. В. Брыз­га­ли­на, «по­ро­ждает опас­ность скла­ды­ва­ния «без­зна­ние­вой формы ком­пе­тен­ций», когда не­до­статок пред­мет­ных зна­ний ком­пен­си­ру­ется успеш­ны­ми лич­ны­ми де­мон­стра­ци­ями...» [6, с. 95]. Ска­жем, при изу­че­нии фи­ло­со­фии дей­ст­вующий стан­дарт за­да­ет фор­ми­ро­ва­ние ком­пе­тен­ции кри­ти­че­ского мы­шле­ния. По­сколь­ку стан­дарт не опре­де­ляет со­дер­жа­ние дис­ци­п­ли­ны, как это было ра­нее, то пре­по­да­тель, учи­ты­вая не­большое ко­ли­че­ство ча­сов, вы­де­ля­емых на изу­че­ние фи­ло­со­фии, может огра­ни­читься ана­ли­зом двух ди­алогов Платона. Но может ука­зан­ную ком­пе­тен­цию «привязать» к фи­ло­со­ф­ской сказке Л. Кэррола «Алиса в стране чудес». С таким же успехом он имеет воз­мож­ность про­ана­ли­зиро­вать ирони­чную сказку Л. Фи­ла­това «Про Федота-стре­ль­ца, уда­лого мо­ло­дца». От­рыв ком­пе­тен­ций как цели обра­зо­ва­ния от ре­аль­ных зна­ний породил па­ра­доксаль­ную модель «без­зна­ние­вого обра­зо­ва­ния». По­доб­ное «обра­зо­ва­ние, — про­дол­жает автор, — про­во­ци­рует на фор­ми­ро­ва­ние по­ко­ле­ний лю­дей для ко­то­рых успеш­ность за­ви­сит от на­вы­ков са­мо­пре­зен­та­ции, са­мо­опре­де­ле­ния, а не от глу­би­ны зна­ний» [6, с. 25]. Ме­жду тем одной из су­щ­ност­ных ха­рак­те­ри­стик рос­сий­ской системы на­ци­о­на­льного выс­шего, осо­бен­но уни­вер­си­тет­ского, обра­зо­ва­ния яв­ля­ется на­ли­чие в ней на про­тя­же­нии сто­ле­тий фун­да­мен­тальной зна­ние­вой ком­по­нен­ты как усло­вия круп­ных на­уч­ных от­кры­тий и про­ры­вов­ных тех­но­ло­гий. Как спра­вед­ливо от­ме­чает Е. К. Хен­нер, «принесение систематической зна­ние­вой под­го­тов­ки в жертву обра­зо­ва­тель­ным ин­но­ва­ци­ям (за ко­то­ры­ми на деле эконо­мия средств, за­про­сы не­ко­то­рых не­дал­е­ковидных ра­бо­то­да­те­лей, стрем­ле­ние от­ор­вать со­вре­мен­ное рос­сий­ское обра­зо­ва­ние от его пред­шес­т­вующего эта­па) угро­жает бу­ду­щему как уни­вер­си­тетов, так и их вы­пус­к­ни­ков, ко­то­рые приз­ваны соз­да­вать “общество зна­ний” и “эконо­ми­ку зна­ний” (“общество ком­пе­тен­ций”) к сча­стью, никто пока не дек­ла­ри­рует» [25, с. 14].

Ре­зуль­та­ты

Ком­мер­ци­а­ли­за­ция рос­сий­ского обра­зо­ва­ния и ре­а­ли­за­ция в нем ком­пе­тен­тно­го под­хо­да были зна­чи­мы­ми фак­то­ра­ми, ко­то­рые спо­соб­ст­во­ва­ли ре­з­ко­му па­де­нию его ка­че­ства. Та­кой ре­зуль­тат был фак­ти­че­ски пре­опре­де­лен, по­сколь­ку ком­пе­тен­тно­сти под­хо­д со­дер­жал слабо ву­а­ли­ро­ван­ную «кон­ф­ра­та­ци­он­ность по от­но­ше­нию к пред­шес­т­вующему под­хо­ду, ус­лов­но на­зы­ва­е­мо­му “зна­ние­вым”» [25, с. 17]. Учи­ты­вая, что фак­ти­че­ски все ре­фор­мы, про­во­ди­мые в по­ст­со­вет­скую эпо­ху по ле­ка­лам За­па­да в эконо­ми­че­ской, со­ци­аль­ной, по­ли­ти­че­ской, ду­хов­ной сфе­рах, также но­си­ли кон­ф­ра­та­ци­он­ный ха­рак­тер по от­но­ше­нию к пред­шес­т­вующему пе­ри­о­ду, труд­но от­де­лать­ся от мы­сли, что пе­ре­вод Рос­сии на «без­зна­ние­вую модель обра­зо­ва­ния» не был иде­о­ло­гическим и по­ли­ти­че­ским не­моти­ви­ро­ван­ным про­ек­том. Вот от­кро­ве­ния на этот счет Вер­хов­ного пред­ста­ви­те­ля ЕС по ин­о­стран­ным де­лам Жо­зе­па Бор­реля: «Мы, на­ро­ды За­па­да — ЕС и США, — мы были и оста­ем­ся вла­сте­ли­на­ми ми­ра. По­ка мы мо­жем ус­та­нав­ли­вать стан­дарты, ре­шать ка­ки­ми бу­дут стан­дарты... Если мы не смо­жем дик­товать стан­дарты, мы мо­жем по­те­рять власть в этом сто­ле­тии» [5].

Вы­во­ды

Со­сто­я­ние обра­зо­ва­ния и на­уки опре­де­ляет бу­ду­щее стра­ны. На­до ли Рос­сии со­хранять власть За­па­да над на­шим бу­ду­щим, если этот За­пад от­кры­то ве­дет ги­бри­дную вой­ну про­тив на­шей стра­ны? Не озна­чает ли это, что мы за­ве­домо обре­каем Рос­сию на уни­что­же­ние? По­ли­тика ком­мер­ци­а­ли­за­ции обра­зо­ва­ния, про­во­ди­мая по ре­ко­мен­да­ци­ям за­пад­ных нео­ли­бер­аль­ных ку­ра­то­ров, а затем и при­со­е­ди­не­ние к Бо­лон­скому про­цес­су не оправ­да­ли на­де­жд даже мно­гих оп­ти­ми­стов из круга ли­бер­альной ин­тел­ли­ген­ции. Эти ре­фор­мы спо­соб­ст­во­ва­ли де­гра­да­ции рос­сий­ского обра­зо­ва­ния, ус­и­ли­ли кри­зис­ные тен­ден­ции в эконо­ми­ке и об­ще­стве, привели к сни­же­нию ка­че­ства жи­зни и че­ло­веческого по­тен­ци­ала, ус­и­ли­ли утечку моз­гов из стра­ны, укреп­и­ли тех­но­ло­гическую и иде­о­ло­гическую за­ви­симость от от­кры­тых вра­гов Рос­сии. Осоз­на­вая кон­тр­про­дук­тив­ность уча­стия на­шей стра­ны в оче­ред­ном за­пад­ном про­ек­те, мно­гие извест­ные об­ще­ст­вен­ные и по­ли­ти­че­ские дея­те­ли стра­ны вы­сту­пи­ли в по­след­нее время с при­зы­вом вы­йти из Бо­лон­ской системы и вер­нуть­ся к класси­че­скому ва­ри­ан­ту на­шего на­ци­о­на­льного обра­зо­ва­ния.

ния — специалитету и аспирантуре [12, с. 12]. Как представляется, это станет возможным, если принципиально изменится идеология образования. Но могут ли люди, которые до сих пор управляли образованием и были открытыми сторонниками имплементации западных стандартов, перейти к новой парадигме образования, отвечающей стратегическим интересам России? Могут ли министры в правительстве, которые на протяжении последних двадцати лет финансировали образование и науку на уровне беднейших стран, изменить эту финансовую политику? В условиях глобальных вызовов и экзистенциальных угроз наша страна сегодня остро нуждается в иных стандартах управления и, видимо, иных управляющих. И еще об одном. В стране, где отсутствует государственная идеология, маловероятно существование эффективной системы образования, отвечающей национальным интересам. Государственная идеология выражает национальные интересы страны, смысложизненные интересы народа, стратегическое целеполагание государства. Эти и другие индикаторы национальной идентичности страны в современном сложном, противоречивом геополитическом пространстве в конечном счете определяют цели и задачи учебно-воспитательной деятельности субъектов образовательного процесса. Отсутствие государственной идеологии в стране создает условия для десувверенизации и десубъективизации общества и прежде всего наиболее активной ее части — молодежи. Надо ли России и дальше испытывать свою судьбу? Заявление министра образования и науки В. Фалькова, сделанное 24 мая 2022 года, о том, что Россия откажется от Болонской системы и будет разрабатывать собственную «уникальную» модель образования, вселяет определённую надежду на изменения.

Статья поступила в редакцию 02.06.2022

1. Аспирантура — 2021: пять изменений, которых ждут преподаватели вузов / РБК-тренд. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/612494579a7947a830fc688e> (дата обращения: 19.04.2022).

2. Беляева Л. А. Российская молодёжь в эпоху перемен: структурные изменения и новые вызовы политической социализации // Вопросы образования. 2020. № 10. С. 17—27.

3. Бжезинский З. Америка потеряла чувство меры в реальной политике // Комсомольская правда. 2012. 13 февр.

4. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М. : АСТ, 2015. 288 с.

5. Боррель Жозеп Выступление на глобальном прогрессивном форуме 17—19 ноября 2021 г. URL: <https://rg.ru/2022/01/21/boris-gryzlov-ob-ekologicheskome-suve-renitete-rossii.html> (дата обращения: 19.04.2022).

6. Брызгалина Е. В. Проблемы интеграции естественно-научного и философского знания в современном образовании: социальные аспекты // Философия и общество. 2017. № 2. С. 95

7. Высшее образование любит счет. Рыночный расклад на РБК. URL: <https://plus.rbc.ru/news/6084d1e87a8aa9f09136fa24> (дата обращения: 02.06.2022).

8. Главная книга о кризисе : сборник (ред.-сост. А. В. Бузгалин. М. : Яуза ЭКСМО, 2009. 256 с.

9. Глобализация : учебник / под общей ред. В. А. Михайлова и В. С. Буянова. М. : Изд-во РАГС. 2008, 544 с.

10. Гэмбл Э. Кризис без конца: крах западного процветания. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018. 304 с.

11. Доклад ОЭСР об образовании: показатели России. URL: <https://skillbox.ru/media/education/izuchaem-statistiku-oesr/> (дата обращения: 03.04.2022).

12. Задорожный Ю. В., Логинова А. С., Маринова Н. В. Российская система образования и Болонский процесс: две стороны медали // Высшее образование сегодня. 2016. № 4. С. 50.

13. Куликов В. Научим по-своему // Российская газета. 2022. 17 марта. С. 1, 5.

14. Манхейм К. Проблемы молодежи в современном обществе // К. Манхейм. Избранное: диагноз нашего времени / пер. с нем и англ. М. : Говорящая книга, 2010. С. 571—572.

15. Медведев Ю. Защитить аспиранта // Российская газета — федеральный выпуск № 113 (8464) 25.05.2021. URL: <https://rg.ru/2021/05/25/pochemu-tolko-1-iz-10-molodyh-uchenyh-dohodit-do-dissertacii.html> (дата обращения: 19.04.2022).

16. Медведев Ю. Прорывы требуют денег // Российская газета 2021 г. 15 дек.

17. Миронов С. Путь России в справедливое будущее // Российская газета. 2022. 22 апр. С. 12.

18. Мусаеян Л. А. Высшее образование в России и Болонский процесс // Вестник Пермского ун-та. 2009. Вып 6(32). Университетское образование. Университет в системе непрерывного образования. С. 11—15.

19. Мусаелян Л. А. Исторический процесс и глобализация : монография. Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2016. 128 с.

20. Олейников Ю. В. Частичный человек // *Философия и общество*. 2012. № 3. С. 32.

21. Почему аспиранты не защищаются? (PhD в России) // *Российская газета*. 2014. № 6466 (194).

22. Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование — гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index> (дата обращения: 03.04.2022).

23. Сорос Дж. *Мировой капитализм*. М. : ИНФРА-М, 1999, 262 с.

24. Сорос Дж. *О глобализации*. М. : Эксмо, 2004, 224 с.

25. Хеннер Е. К. Профессиональные знания и профессиональные компетенции в высшем образовании // *Образование и наука*. 2018. Т. 20, № 2. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-2-9-31.

26. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // *Собрание законодательства РФ*. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

27. Фромм Э. *Иметь или быть?* // Э. Фромм *Величие и ограниченности теории Фрейда*. М. : АСТ, 2000, 448 с.

28. Шваб Клаус. *Четвертая промышленная революция*: пер. с англ. М. : Эксмо, 2019. 288 с.

29. Шевкин А. *Хроника реформ образования: путь в некуда под внешним управлением*. URL: <http://www.shevkin.ru/stat-i-podrobnее/hronika-reformy-obrazovaniya-put-v-nikuda-pod-vneshnim-upravleniem/> (дата обращения: 06.03.2022).

30. Экономисты рассказали о масштабной «утечке умов» из России. URL: <https://news.ru/russia/ekonomisty-rasskazali-o-masshtabnoj-utechke-umov-iz-rossii/> (дата обращения: 03.04.2022).

References

1. Aspirantura — 2021: pjat' izmenenij, kotoryj zhdut prepodavateli vuzov [Postgraduate studies — 2021: five changes that university teachers are waiting for] *RBK-trend*, available at: <https://trends.rbc.ru/trends/education/612494579a7947a830fc688e> (accessed 19.04.2022) [in Rus].

2. Beljaeva L.A. (2020) Rossijskaja molodjozh' v jepohu peremen: strukturnye izmenenija i novye vyzovy politicheskoy socializacii [Russian youth in the era of change: Structural changes and new challenges of political social-

ization] *Voprosy obrazovanija*, no.10, pp. 17—27 [in Rus].

3. Bzhezinskij Z. (2012) Amerika poterjala chuvstvo mery v real'noj politike [America has lost its sense of proportion in real politics] *Komsomol'skaja pravda*. February 13 [in Rus].

4. Bzhezinskij Z. (2015) Strategicheskij vzgljad: Amerika i global'nyj krizis [Strategic view: America and the global crisis]. Moscow, AST, 288 p. [in Rus].

5. Borrel' Zhozep Vystuplenie na global'nom progressivnom forumе 17—19 nojabrja 2021 g. [Borrel Josep speech at the Global Progressive Forum November 17—19, 2021], available at: <https://rg.ru/2022/01/21/boris-gryzlov-ob-ekologicheskom-suverenitete-rossii.html> (accessed 19.04.2022) [in Rus].

6. Bryzgalina E.V. Problemy integracii estestvenno-nauchnogo i filosofskogo znaniya v sovremennom obrazovanii: social'nye aspekty [Problems of integration of natural science and philosophical knowledge in modern education: social aspects] *Filosofija i obshhestvo*, no. 2 [in Rus].

7. Vyshee obrazovanie lubit schet [Higher education loves counting]. *Rynochnyi rasklad na RBK*, available at: <https://plus.rbc.ru/news/6084d1e87a8aa9f09136fa24> (accessed 2.06.2022) [in Rus].

8. Glavnaja kniga o krizise (2009) [The main book about the crisis: a collection], pod red. Buzgalina A.V. Moscow, Jauza JeKSMO, 256 p [in Rus].

9. Globalizacija (2008) [Globalization], pod obshhej red. V.A. Mihajlova i V.S. Bujanova. Moscow, RAGS, 544 p. [in Rus].

10. Gjembl Je. (2018) Krizis bez konca: Kraх zapadnogo процветания [The collapse of Western prosperity]. Moscow, izd. Dom Vysshaja shkola jekonomiki, 304 p. [in Rus].

11. Doklad OJeSR ob obrazovanii: pokazateli Rossii [OECD Report on education: Indicators of Russia], available at: <https://skillbox.ru/media/education/izuchaem-statistiku-oesr/> (accessed 03.04.2022) [in Rus].

12. Zadorozhnyj Ju.V., Loginova A.S., Marinova N.V. (2016) Rossijskaja sistema obrazovanija i Bolonskij process: dve storony medali [The Russian education system and the Bologna process: two sides of the coin] *Vysshee obrazovanie segodnja*, no. 4, pp. 49—52 [in Rus].

13. Kulikov V. (2022) Nauchim po-svoemu [Learning by example] *Rossijskaja gazeta*, March 17, 2022, pp. 1, 5 [in Rus].

14. Manhejm K. (2010) Problemy molodezhi v sovremennom obshhestve [Problems of youth in modern society] *Izbrannoe: Diagnoz nashego vremeni*, per. s nem i angl. Moscow, Govorjashhaja kniga, 744 p. [in Rus].

15. Medvedev Ju. (2021) Zashhitit' aspiranta [To defend a dissertation] *Rossijskaja gazeta* — federal'nyj vypusk, no. 113 (8464), available at: <https://rg.ru/2021/05/25/pochemu-tolko-1-iz-10-molodyh-uchenyh-dohodit-do-dissertacii.html> (accessed 19.04.2022) [in Rus].
16. Medvedev Ju. (2021) Proryvy trebujut deneg [Breakthroughs require money]. *Rossijskaja gazeta*, December 15th [in Rus].
17. Mironov S. (2022) Put' Rossii v spravedlivoe budushhee [Russia's path to a fair future] *Rossijskaja gazeta*, April 22nd [in Rus].
18. Musaeljan L.A. (2009) Vysshee obrazovanie v Rossii i Bolonskij process [Higher education in Russia and the Bologna Process] *Vestnik Permskogo un-ta. Universitetskoe obrazovanie. Universitet v sisteme nepreryvnogo obrazovanija*, iss. 6 (32), pp. 11—16 [in Rus].
19. Musaeljan L.A. (2016) Istoricheskij process i globalizacija [Historical process and globalization]. Perm, Perm State University, 128 p. [in Rus].
20. Olejnikov Ju.V. Chastichnyj chelovek [Partial person] *Filosofija i obshhestvo*, no. 3, pp. 21—38 [in Rus].
21. Pochemu aspiranty ne zashhishhajutsja? (PhD v Rossii) (2014) [Why aren't graduate students defending themselves? (PhD in Russia)] *Rossijskaja gazeta*, no. 6466 (194), August 28 [in Rus].
22. Rejting stran mira po urovnju rashodov na obrazovanie [Ranking of countries in the world by the level of spending on education] *Gumanitarnyj portal*, available at: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index> (accessed 03.04.2022) [in Rus].
23. Soros Dzh. (1999) Mirovoj kapitalizm [World capitalism]. Moscow, INFRA-M, 262 p. [in Rus].
24. Soros Dzh. (2004) O globalizacii [About globalization]. Moscow, Jeksmo, 224 p. [in Rus].
25. Henner E.K. (2018) Professional'nye znanija i professional'nye kompetencii v vysshem obrazovanii [Professional knowledge and professional competencies in higher education] *Obrazovanie i nauka*, vol. 20, no. 2, pp. 9-31, DOI: 10.17853/1994-5639-2018-2-9-31 [in Rus].
26. Federal'nyj zakon "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii" ot 29.12.2012 № 273-FZ (poslednjaja redakcija) [Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated 29.12.2012 N 273-FZ (latest edition)] [in Rus].
27. Fromm Je. (2000) Imet' ili byt'? [To have or to be?] Velichie i ogranichenosti teorii Frejda. Moscow, AST, 448 p. [in Rus].
28. Shvab Klaus. (2019) Chetvertaja promyshlennaja revoljucija [The fourth industrial revolution], perevod c angl. Moscow, Eksmo, 288 p. [in Rus].
29. Shevkin A. Hronika reform obrazovanija: put' v nekuda pod vneshnim upravleniem [Chronicle of education reforms: the way to nowhere under external management], available at: <http://www.shevkin.ru/stat-i-podrobnее/hronika-reformy-obrazovaniya-put-v-nikuda-pod-vneshnim-upravleniem/> (accessed 06.03.2022). [in Rus].
30. Jekonomisty rasskazali o masshtabnoj «utechke umov» iz Rossii (2021) [Economists told about a large-scale «brain drain» from Russia], available at: <https://news.ru/russia/ekonomisty-rasskazali-o-masshtabnoj-utechke-umov-iz-rossii/> (accessed 03.04.2022) [in Rus].

For citing: Musaelyan L.A., Zyryanov S.G.
Global challenges of Russia and some problems
of the domestic higher education system //
Socium i vlast'. 2022. № 2 (92). P. 40—52.
DOI: 10.22394/1996-0522-2022-2-40-52.
EDN: DHSWTY

UDC 32

EDN: DHSWTY

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-40-52

GLOBAL CHALLENGES OF RUSSIA AND SOME PROBLEMS OF THE DOMESTIC HIGHER EDUCATION SYSTEM

Leva A. Musaelyan,

Perm State University,
Professor of the Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Associate Professor.
Perm, Russian Federation.
E-mail: lmusaelyan@yandex.ru

Sergey G. Zyryanov,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Editor-in-chief of the Scientific Journal/
"Socium i vlast'",
Senior Researcher of the Laboratory
of Spatial Development Models,
Doctor of Political Science, Professor.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: ziryryanov-sg@ranepa.ru

Abstract

Introduction. Russia is currently facing a number of global challenges and threats comparable only to those it faced before the Great Patriotic War. The education system of any country is an indicator of the intellectual capabilities on which its future depends. The article analyzes the state of modern Russian education that has emerged after a number of reforms, its ability to provide adequate responses to modern challenges and threats.

The purpose of the article is to analyze the current global challenges and threats to Russia, to consider the features of the existing education system in the country, to show its capabilities to ensure a scientific and technological breakthrough, to effectively block existential threats.

Methods. Materialistic (the principle of objectivity), dialectical (the principle of development and universal connection), systemic.

Scientific novelty. The authors specify the essence of the turning point in the modern history of mankind, carry out an objective analysis of the state of Russian education, the nature and consequences of the reforms, its possibilities of blocking existing challenges and threats is given.

Results. The authors show that at the present stage of Russian history, the role of youth in determining the fate of the country is significantly increasing. The key to the ability of young people to fulfill this historic mission is the education system. It allows us to preserve historical traditions, national identity, and it is a factor of scientific and technological breakthroughs of society. It is revealed that the reforms in the education system were not focused on preserving historical traditions and the national code of the country. Borrowed educational technologies have led to a significant decrease in the quality of Russian education. As a result of the reforms carried out, the country has lost significant development potential.

Conclusions. The reforms in the education system, as they were carried out, turned out to be counterproductive and did not meet the national interests of the country. Currently, in the conditions of existential threats for Russia, there is an urgent need to change the ideology and technology of managing the education system; it is necessary to leave the Bologna system and return to the elements of classical European and national education that have proven their effectiveness. If a country needs a scientific and technological breakthrough, the financing of its education and science cannot be less than those countries that Russia intends to catch up with. To do this, it is necessary to radically change both the volumes and the mechanisms of financing education and science. It is necessary to revise article 13, paragraph 2 of Russia's Constitution. The state ideology concentrates on expressing the national interests of the country and ultimately determines the goals and objectives of the existing system of education and upbringing. The absence of a state ideology contributes to the desovereignization and desubjectivization of Russian society.

Keywords:

global challenges and threats to Russia,
education system,
national interests of the country,
"unrecognized model of education",
scientific and technological breakthrough

Для цитирования: Зайко Я. В., Зорин В. А., Луканина Е.В. Школа как агент политической социализации в современной России: проблемы и перспективы развития // Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 53—63. DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-53-63. EDN: FLURFC

УДК 32.019.5:659.4

EDN: FLURFC

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-53-63

ШКОЛА КАК АГЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ¹

Зайко Яна Валерьевна,

ведущий специалист-эксперт
Управления общественных
связей Правительства Челябинской области
Челябинск, Россия
E-mail: yanazayko@yandex.ru

Зорин Василий Анатольевич,

Челябинский государственный университет,
заведующий кафедры политических наук
и международных отношений,
кандидат политических наук,
Челябинск, Россия.
E-mail: vaszorin@gmail.com

Луканина Екатерина Валерьевна,

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
магистрант кафедры социологии
и психологии политики, Москва, Россия.
E-mail: lukanina_99@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируются некоторые особенности процесса политической социализации учеников российских школ на современном этапе.

Цель. Исследование представляет собой попытку выявить основные тенденции, характеризующие роль школы как агента (активно действующего субъекта) политической социализации.

Методы. Эмпирическую основу исследования составили результаты опроса 554 учеников и 151 учителя истории и обществознания школ

города Челябинска, проведенного с применением качественных (проективные тесты, глубинные интервью) и количественных (анкетирование) методов.

Научная новизна исследования. Особенностью авторского подхода к изучаемой проблеме является понимание школы как агента политической социализации, способного осуществлять целенаправленные меры по включению детей в политическую сферу жизни общества в рамках образовательного процесса на нескольких уровнях.

Результаты. Полученные данные свидетельствуют о том, что социализирующее воздействие на школьном уровне является относительно неэффективным. Проведенный анализ выявил проблемы, с которыми приходится сталкиваться учителям при проведении учебных мероприятий, связанных с распространением знаний о политике: 1) незаинтересованность учеников; 2) относительно низкий уровень специальной компетентности учителей; 3) отсутствие необходимого свободного времени у учителей для обсуждения с учениками политических тем и др. При этом ученики показали достаточно высокий уровень поведенческой активности и когнитивной сложности при оценке властных институтов. Бессознательный компонент политических представлений школьников характеризуется отсутствием сформированных ценностей и неоднородностью образов власти.

Выводы. Школа не играет роль ведущего агента социализации в процессе формирования политических ценностей и представлений школьников о политике в современных условиях. Главной причиной этого явления послужил выход социальных сетей и СМИ на первый план. Ученики склонны получать информацию о политике из внешних источников, поэтому все реже прибегают к обсуждению актуальных политических проблем с учителями. Такой процесс подводит к необходимости разработки новых концептуальных подходов к формированию государственной политики в сфере общего образования.

Ключевые слова:

политическая социализация,
агенты политической социализации,
школьники,
учителя истории и обществознания,
политическая активность,
школа,
политическая психология

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ, проект № 21-011-33028 «Учат в школе»: как изменились ценности и представления о политике учеников российских школ и их учителей в процессе трансформации политического режима».

Введение

Политическая социализация становится все более важной проблемой в существующих политических реалиях. Происходящие изменения в экономической, политической, социальной сферах жизни отражаются на системе ценностей граждан. Еще Г. Алмонд и Д. Колеман отметили, что индивиды не наследуют образцы и стандарты политического поведения, взгляды, ценности и знания через гены в процессе взросления [7, с. 26]. Вместо этого люди вступают в политическую жизнь через процесс социализации с момента осознания своей роли в обществе. В определенный момент дети становятся полноправными субъектами политической жизни, и тогда вопросы гражданского воспитания, формирования знаний, убеждений и ценностей встают перед ними со всей остротой.

Сформировавшаяся в России модель политической социализации имеет свои особенности. С начала 1990-х годов после отказа государства от коммунистической идеологии данный процесс стал носить стихийный характер. Если в СССР все агенты социализации (семья, детский сад, дошкольные учреждения, школы, молодежные организации и другие) последовательно передавали политические ценности и нормы в рамках коммунистической идеологии от поколения к поколению, то сейчас при продолжающемся процессе институциональной трансформации единая социализирующая структура фактически отсутствует [3, с. 26].

Агенты социализации стали стихийно влиять на детей школьного возраста. Никакой иерархии агентов социализации более не существует. С одной стороны, ученики средней и старшей школы могут быть более или менее склонны к участию в политике в зависимости от конфигурации индивидуальных факторов на уровне семьи [12]. Родители знакомят ребенка с миром политики, передавая свои предпочтения, убеждения и мнения. Несмотря на то что данный фактор становится достаточно изменчивым по достижении взрослого возраста как следствие вариативности жизненного опыта индивидов, он, безусловно, продолжает оказывать влияние на приобщение индивида к различным формам политического участия. С другой стороны, такие агенты социализации, как средства массовой информации, социальные сети и, в частности, специфичный для них визуальный способ трансляции контента, начинают играть все большую роль [17]. Однако школа остается единственным

институтом, который в современных условиях способен проводить целенаправленные меры в отношении политической социализации подрастающего поколения.

Теоретико-методологические основания исследования

В большинстве исследований политическая социализация определяется как «процесс включения индивида в политическую систему» [6, с. 117]. При этом стоит отметить двусторонний характер данного конструкта. С одной стороны, система воспроизводит свои институты, способствуя передаче политических ценностей новым поколениям, а с другой стороны, личность усваивает политические нормы, ориентации и идеи, приобретает навыки и опыт, необходимые для принятия участия в политической жизни [1, с. 215].

Проблема роли школы как агента политической социализации рассматривается учеными уже на протяжении более 60 лет [16]. Большинство исследователей приходят к выводу, что школа является важным агентом (действующим субъектом): во время обучения школьники получают знания и формируют навыки мышления, необходимые в будущем при столкновении с более сложными политическими явлениями [20]. Большинство ученых сходятся во мнении, что школа играет наиболее важную роль в процессе политической социализации учеников, которая, согласно классическим подходам, реализуется с начального периода обучения [21].

Однако при сравнении влияния школы с другими агентами политической социализации было обнаружено, что она, вероятно, менее эффективна, чем предполагалось изначально [14]. Ранние работы показывают, что школа вытесняет телевидение в качестве наиболее важного источника политической информации по мере перехода учащихся из начальной школы в среднюю [15]. Однако здесь стоит отметить отсутствие терминологической ясности: в данных исследованиях понятие «школа» может означать как учителей [8], так и школу в целом как институт [10], а также отдельные уроки в рамках образовательной программы [18]. Последующие работы противоречили данным выводам: знания, полученные в школе, не являлись для учеников важным источником политической информации [11]. При этом последние работы западных ученых уже этого десятилетия подтверждают этот вывод: в Канаде [13] и Финляндии [19] семья и друзья игра-

ют гораздо более важную роль в развитии политических интересов, чем школа. В США отмечается ключевая роль средств массовой информации и социальных сетей [17].

Политические установки, которые формируются в школьном возрасте, являются основополагающими. Д. Истон указывал на то, что период обучения в школе охватывает два этапа политической социализации: персонализацию и идеализацию политики в младшей и средней школе соответственно. Приблизительно в 7 лет дети переживают «когнитивную революцию», которая продлжается примерно до подросткового периода, когда у учеников происходит формирование политического когнитивного репертуара и способности к рациональному осознанию событий, происходящих на политической арене [14].

С учетом стремительных изменений в мире некоторые исследователи фиксируют запрос на более активное вовлечение детей в политику и общественную жизнь. В связи с этим отмечается проблема когнитивной сложности детей начальной школы, которая ранее не наблюдалась. Так, маленькие дети политически вовлечены и обладают социальным и политическим сознанием, знаниями и установками [9]. Но в целом политическая социализация длится всю сознательную жизнь человека. В связи с этим ориентации и политическое поведение индивида трансформируются под влиянием других факторов (личного опыта, изменений в политической системе страны, событий, происходящих в мире и др.) [2, с. 95].

По мнению В. Малькевича, каждая политическая система в силу особенностей своего исторического развития имеет собственные специфические ценности, которые влияют на сознание индивида [2, с. 96]. В связи с этим стоит отметить особенности изучения роли школы в процессе политической социализации в отечественной науке. В 80-е годы XX века данная проблематика получила широкое распространение. Прежде всего, это было связано с кардинальными изменениями политической системы внутри страны, что привело к появлению многовекторных методологических моделей политической социализации [6]. Некоторые отечественные исследователи в рамках лонгитюдных проектов продолжают изучать данную проблематику в рамках гражданско-патриотического воспитания молодежи [5]. Тем не менее единой теоретической модели процесса политической социализации в целом, и в школе в частности, так и не существует до сих пор.

В настоящей статье предпринимается попытка определить и зафиксировать представление о том, как происходит процесс политической социализации учеников в школе в настоящее время. Для этого важно определить политические ориентации и формы активности школьников, которые рассматриваются здесь в качестве целей процесса социализации. Полученные эмпирические данные позволяют протестировать гипотезу, согласно которой современная российская школа как институт политической социализации не занимает приоритетное место в сознании молодежи, уступая во влиянии средствам массовой коммуникации. Данное явление подвергает сомнению классическую теорию политической социализации, где школа является главным агентом, а СМИ — второстепенным.

Методы и материалы

Для изучения политической социализации в современной школе как процесса формирования политических представлений школьников было произведено эмпирическое исследование на основе методологических принципов политико-психологического анализа, созданных на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова [6]. Так, методология предполагает применение качественных («рисунок власти», глубинные интервью) и количественных методов (анкетный опрос). Бессознательные аспекты образов власти изучались с помощью проективной методики «Психологический рисунок власти».

Эмпирической базой исследования стали данные, полученные с сентября 2021 года по январь 2022 года в результате опроса 312 учеников 5-х классов и 242 учеников 11-х классов школ города Челябинска. При этом данная выборка не репрезентативна в общем для всей страны, но дает возможность увидеть значимые тенденции, происходящие в школе, так как полученный массив данных анализировался преимущественно с помощью качественных методов, позволяющих делать выводы о внутренней валидности включенных в программу исследования переменных.

Кроме того, в связи с тем, что школьные учителя также являются ключевыми агентами политической социализации на школьном уровне, дополнительно были проведены глубинные интервью со 151 учителем истории и обществознания города Челябинска, результаты которых были

получены также с сентября 2021 года по январь 2022 года.

Результаты исследования. Содержание политических представлений российских школьников

• Когнитивный компонент

Когнитивный компонент личности выражается в содержании личностной системы убеждений и характерном для индивида способе принятия решений. Данный аспект изучался с помощью блока вопросов, позволяющих оценить интерес к политике у школьников и их общие знания о политической системе России.

Уровень знаний и представлений о политике и политическом процессе в стране зависит от личной заинтересованности учеников в поиске такой информации.

Таблица 1

Интересуешься ли ты политикой? (в %)

	5-й класс	11-й класс
Да	9	21
Скорее да	15	26
Скорее нет	32	28
Нет	40	22
Затруднились ответить	4	3

Так, можно утверждать, что с возрастом у школьников интерес к такого рода вопросам возрастает. Большинство учащихся 5-х классов не проявляют интереса к политике, в отличие от учеников 11-х классов, среди которых около половины опрошенных выражают свою заинтересованность ею (см. табл. 1). СМИ являются самым значимым агентом политической социализации для школьников разных возрастов.

Таблица 2

Откуда ты получаешь информацию о политике? (в %)

	5-й класс	11-й класс
Социальные сети	36	71
Новостные сайты	36	66
Из телевизора	50	45
Рассказывают родители	31	32
Рассказывают друзья	19	30
Рассказывают в школе	15	27
Радио	12	17

Приоритетным способом получения информации о политике для школьников 11-х классов являются социальные сети, а

для пятиклассников — телевидение. Далее по степени важности для школьников располагаются родители и друзья. Школа занимает одно из последних мест (см. табл. 2).

Для более полного понимания роли школы в процессе социализации были заданы дополнительные вопросы. Наиболее распространенными форматами обсуждения политики для учеников 5-х и 11-х классов соответственно являются общение на перемене с друзьями (15 и 33 %), уроки (13 и 41 %), классные часы (8% и 1%). Половина опрошенных учеников 5-х классов и 18% учащихся 11-х классов утверждают, что не говорят о политике в школе. При этом в средней школе постоянно увеличивается объем учебной нагрузки по предметам, посвященным политической сфере общества.

Полученную информацию школьники 5-х и 11-х классов обсуждают чаще всего с друзьями (38 и 49 %) и родителями (38 и 41 %) соответственно, а также в интернете (11 и 18 %). Школа не является для наших респондентов местом, где они предпочитают обмениваться мнениями по политическим вопросам: в 11-х классах доля опрошенных, которые имеют опыт обсуждения политики, составляет 18 %, а среди учеников 5-х классов — 9 %.

Также стоит отметить отсутствие в сознании большинства школьников лидеров мнений или авторитетов по поводу политики. Для большинства учеников «*ничье мнение не важно*» при определении позиции по тем или иным вопросам (48 % опрошенных 11-х классов и 27 % — 5-х классов). Только примерно четверти опрошенных 5-х (27 %) и 11-х классов (23 %) важно мнение родителей, ближайшего окружения (4 и 9 % учеников 5-х и 11-х классов соответственно), знакомых лично людей (2 и 10 % учеников 5-х и 11-х классов соответственно). При этом среди незнакомых лично людей школьники 5-х классов (7 %) выделяли В. В. Путина, а ученики 11-х классов — политологов и журналистов в качестве носителей авторитетного мнения.

• Аффективный компонент

Аффективный компонент отражает эмоциональное восприятие происходящих вокруг процессов и связан с бессознательной основой деятельности субъекта. Следующий блок вопросов позволил узнать степень доверия школьников к социальному окружению.

Большинство учеников считают, что доверять большинству людей в нашем обществе в той или иной степени нельзя

(см. табл. 3). При ответе на вопрос «Кто для тебя свои?» ученики 5-х классов и 11-х классов отметили родителей (68 и 62 % соответственно) и свое ближайшее окружение (51 и 50 % соответственно). Также стоит отметить, что 13 % учеников 5-х классов при ответе на вопрос «Кто для тебя другие или чужие?» определили данное понятие по социально-политическому признаку, назвав «чужими» следующие объекты: «Америка», «Япония», «Украина», «правительство», «жители других стран» и др. Для 11-х классов (19 %) чужими по социально-политическому признаку являлись «те, кто считает, что сейчас в России все хорошо», «чужие страны», «европейцы», «политические деятели», «олигархи» и др.

Таблица 3

Как ты считаешь, можно ли доверять большинству людей в нашем обществе? (в %)

	5-й класс	11-й класс
Можно	6	7
Скорее можно	22	24
Скорее нельзя	33	39
Нельзя	28	30
Затруднились ответить	11	0

• Поведенческий компонент

Поведенческий компонент реализуется в конкретных действиях личности, связанных со свойственными ей форматами социальной активности и сформированными навыками политической деятельности, и рассматривается с помощью вопросов, позволяющих понять степень готовности школьников участвовать в выборах и их точку зрения по поводу возможности влияния на политический процесс.

Таблица 4

После того, как тебе исполнится 18 лет, будешь ли ты голосовать на выборах? (в %)

	5-й класс	11-й класс
Да	36	61
Нет	21	12
Еще не решил(а)	38	25
Затруднились ответить	5	2

Подростки демонстрируют достаточно высокий показатель желания голосовать на выборах, среди учеников 5-х классов данный показатель ниже. При этом четверть опрошенных 11-классников и 38 % учеников 5-х классов еще не решились для себя, будут

ли они принимать участие в выборах (см. табл. 4).

При ответе на вопрос «Как ты считаешь, может ли обычный человек оказывать влияние на политику государства?», большинство учеников 11-х классов (72 %) верят в то, что такая возможность в реальности существует, при этом среди 5-классников их доля значительно сокращается (до 42 %). Достаточно высокий процент опрошенных школьников считают, что обычный человек не может оказывать влияние на политику: около четверти опрошенных в 11-х классах (24 %) и 18 % учеников 5-х классов.

При этом 38 % учеников 5-х классов верят в то, что влияние на политику может оказываться конвенциональными способами, среди которых они называли, в частности, «митинги» и «голосование». В свою очередь, 68 % учащихся 11-х классов продемонстрировали более широкое представление о конвенциональных средствах влияния на политику, включив в их ряд следующее: «выборы», «митинги», «пикеты», «референдумы», «письма депутатам», «прямая линия президента», «петиции», «стать звеном бюрократической системы», «обращение к органам власти», «стать политиком» и др. Стоит отметить также и то, что для учеников всех возрастов социальные сети как способ влияния на политику увеличивают свою значимость. При ответе на вопрос «Как ты считаешь, какими способами обычный человек может оказывать влияние на политику государства?», школьники отвечали: «посты в социальных сетях», «вести политический блог», «социальные сети», «излагать свое мнение о политике в разных источниках», «набирать силу мнений в социальных сетях». Неконвенциональные способы политического участия как приемлемые для себя выбрал 1 % учащихся 5-х и 6 % 11-х классов (отметив, в частности, «деньги», «революцию» и др.)

Кроме того, анализ полученных данных показал, что часть школьников вне зависимости от возраста заявляют о протестной позиции по отношению к власти: 8 % опрошенных 11-х классов и 4 % респондентов 5-х классов отметили, что принимали участие в публичных акциях протеста в 2021 году.

Можно отметить и достаточно низкий уровень участия школьников в общественной жизни. Большинство школьников имеют хобби, не связанные с той или иной формой социально значимой активности. Для пятиклассников наиболее популярными занятиями являются: спорт (36 %), творче-

ство (34 %) и досуговые занятия (24 %). Для школьников 11-х классов наиболее приоритетными являются учеба (20 %), спорт (25 %), творчество (26 %).

Рациональные представления о власти

На основе полученных данных можно сделать вывод о несформированности личной идентичности в рамках страны: небольшая доля опрошенных учеников 5-х классов (27 %) и 11-х классов (33 %) говорят о своей принадлежности к стране в целом. Школьники отметили, что Родиной для них является Россия.

Таблица 5

Какая территория для тебя является Родиной? (в %)

	5-й класс	11-й класс
Дом	19	7
Город	23	34
Регион	7	11
Россия	27	33
Земля	6	11
Затруднились ответить	18	4

Однако наиболее распространенными ответами являлись локальные категории принадлежности (дом, город, регион — см. табл. 5). При ответе на вопрос «В какой период в истории России ты хотел бы (предпочел бы) жить?», большинство учащихся вне зависимости от возраста (53 % учеников 5-х классов и 60 % 11-х классов) выбрали вариант ответа «в настоящем». Треть школьников 5-х классов и 24 % школьников 11-х классов предпочли бы жить в будущем, что, вероятно всего, объясняется желанием детей побыстрее вырасти и стать взрослыми. В прошлом изъявили желание жить только 10 % школьников 5-х и 14 % 11-х классов. При этом большинство учащихся хотели бы жить в другой стране. При ответе на вопрос «В какой стране, если бы у тебя было право выбора, ты хотел бы жить?», 54 % учеников 5-х классов и 69 % учеников 11-х классов назвали зарубежные страны: «США», «Япония», «Швейцария», «Португалия», «Италия», «Германия», «Сербия», «Швеция», «Чехия» и др. Только 36 % школьников 5-х классов, 24 % учеников старших классов уверенно заявили, что предпочли бы жить в России.

В ответах на вопрос «Кого из исторических или современных личностей ты бы мог назвать героем нашего времени?»

65 % учеников 11-х классов и 63 % учеников 5-х классов выделяют соотечественников. При этом для 5-х классов такими людьми являются политики, ученые и военные («И. В. Курчатов», «Гагарин», «Путин», «ветераны», «Сталин», «Ленин», «Ломоносов», «Петр 1» и др). Среди учеников 11-х классов больше были распространены следующие ответы: «Путин», «Чехов», «Распутин», «Менделеев», «Мишустин», «Королев», «Ельцин», «Сахаров», «Борис Немцов», «Алексей Навальный», «Екатерина Шульман» и др. Всего 3 % учеников 5-х классов и 16 % 11-классников считают героем нашего времени иностранных личностей: «Илон Маск», «Стив Джобс», «Билл Гейтс», «Марк Цукерберг», «Стивен Кинг», «Джефф Безос» и др.

Школьники вне зависимости от возраста демонстрируют достаточно четкое представление о врагах России. Лишь 9 и 16 % учащихся 5-х и 11-х классов соответственно считают, что врагов у России нет. При этом 72 % учеников 5-х классов и 78 % учеников 11-х классов считают, что враги у страны есть. При ответе на вопрос «Кто угрожает России?» 61 % учеников 5-х классов выделяют внешнего врага («Байден», «террористы», «фашисты», «США», «Украина» и др). Интересно, что 45 % учеников 11-х классов под внешним врагом подразумевали следующее: «США», «Япония, Китай ненадежные», «Турция первыми нас сдаст», «Украина», «в плане технического и научного превосходства — США, Германия, Япония», «террористы», «НАТО» и др. Под внутренним врагом 8% школьников 5-х классов имели в виду «саму Россию», а 32 % школьников 11-х классов отмечали объекты из следующего ряда: «коррупцированная власть», «действующее правительство», «сами люди», «жители страны», «мы сами», «российские чиновники» и др.

Визуальные образы власти в сознании школьников

Образы власти, выявленные с помощью методики проективного рисунка, характеризуются высокой эмоциональной окрашенностью: для большинства респондентов власть является непривлекательной (80 %), школьники ощущают ее отстраненность от общества. «Привлекательность» образов власти в рисунках, как правило, связана с отсутствием конфликтности в сюжетах и чаще всего предполагает схематическое изображение институциональной конфигурации политической системы современной России (20 %).

Параметры образов по шкале «активность/пассивность» также имеют отрицательные коннотации (64 %), выраженные в упоминаниях коррупции, пропаганды, некомпетентности, скрытности. Пассивность власти (36 %) чаще всего понимается как нежелание или неспособность политиков видеть экономическо-социальные проблемы и решать их.

По шкале «сила/слабость» только около четверти рисунков содержат образ «слабой» власти (24 %). В основном «сильная власть» изображается иерархично с помощью символов оружия, материальных ценностей и др.

Также были выявлены содержательные элементы, каждый из которых несет в себе свой определенный смысл. Все три ветви власти изображены у почти четверти респондентов (исполнительная и судебная по 20 % соответственно). При этом законодательная власть встречается немного чаще (24 %).

В изображении оппозиции (48 % от общего числа рисунков) прослеживается два главных сюжета: 16 % видят ее лишь как видимость многопартийности в стране, которая на самом деле иллюзорна. Остальные 32 % иллюстрируют невозможность оппозиции войти на политическую арену нашей страны в связи с недостатком средств на предвыборные кампании, отсутствием ярких личностей и активным противодействием со стороны властей.

В 36 % изображений присутствует такой объект, как СМИ. Большинство школьников изображают средства массовой информации в лице федеральных телеканалов, которые манипулируют общественным мнением. Кроме того, многие респонденты оценивают данную ситуацию как следствие недостаточной свободы слова в стране.

Упоминание главы государства содержится в рисунках четверти опрошенных (24 %), президент в них изображается как структурный элемент, возглавляющий иерархическую структуру государственной власти. Если рассматривать персоналии, то они появляются в более сложных сюжетах, в то время как большинство образов характеризуются когнитивной простотой. Чаще всего выделяется фигура В. В. Путина, который присутствует в 36 % случаев и образ партии «Единая Россия» (20 %).

Символические объекты, репрезентирующие категорию «народ» (отмеченные на 68 % рисунков), представлены, как правило, в контексте его противопоставления власти с помощью изображения какой-либо прег-

рады или дистанции между ними. Данный конфликт преимущественно разворачивается в социально-экономической сфере. При этом народ чаще всего изображен в активной роли, требующим изменений в обществе, в отличие от пассивной власти, которая не готова действовать и ориентируется на сохранение статус-кво.

Учителя истории и обществознания в процессе политической социализации

Для более полного рассмотрения процесса политической социализации в школе был проведен опрос учителей истории и обществознания. Изучение политической системы, по мнению большинства из них (97,1 %), необходимо в школе. Только 2,9 % респондентов отметили, что в этом нет необходимости. При этом мнения на счет того, достаточно ли внимания уделяется данной теме в учебном процессе разделились: 59,3 % ответили, что достаточно и 40,7 % — что недостаточно. Учителя отметили разнообразие форм образовательного процесса, задействованных в процесс политической социализации в школе: *«классные часы»*, *«воспитательные мероприятия на уровне школы»*, *«занятия на уроках»*, *«факультативные занятия»*, *«в форме олимпиад»*, *«исторические диктанты»*, *«волонтерское движение тоже в этом помогает»* и др.

Одной из наиболее актуальных проблем, с которой сталкиваются учителя, является безразличие и недоверие молодежи к политике: *«сложно привлечь внимание учеников, сейчас эпоха цифровых гаджетов и свободного доступа в интернет»*, *«нет точной информации, о чем мы можем говорить с детьми, а о чем нет»*, *«реакция родителей, их осуждение и жалобы в вышестоящие органы»*, *«ученики сами все знают из интернета»*, *«возрастные рамки»* и др.

Школьные учителя выступают трансляторами политических представлений для учеников, опираясь при этом, главным образом, на собственные опыт и знания. Термин «власть», как правило, интерпретируется на когнитивном уровне в соответствии с содержанием соответствующих учебных программ. При этом эмоциональная оценка власти как социального феномена прослеживается у 19,3 % учителей (среди них 25,9 % испытывают положительные эмоции, 51,9 % — отрицательные, 18,5 % — нейтральные). Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что у

учителей нет четких и единых представлений о современной российской политической власти. Эта тенденция, вероятнее всего, связана с некоторыми значимыми событиями в стране, которые произошли за последние годы (пенсионная реформа, присоединение Крыма к России и внешнеполитический курс действующего президента).

Говоря о характере власти, 43,6 % учителей считают, что сейчас в стране власть имеет авторитарный характер, 32,9 % считают современную российскую власть демократической, 15,7 % учителей отметили, что в стране сейчас существует гибридный политический режим (*«авторитаризм с нотой демократии»*, *«демократия и авторитаризм вместе»*).

Современные учителя все меньше считают школу важным агентом политической социализации. На вопрос «Обсуждаете ли вы в школе с учениками политическую информацию?» 77,9 % учителей ответили утвердительно, а 22,1 % — нет. Кроме того, большинство учителей отметили, что они обсуждают политическую жизнь в стране с учениками исключительно в рамках специально предусмотренных для этого форматов: на тематических классных часах и уроках обществознания. При этом более популярны в контексте таких политических обсуждений внутрироссийские события (референдум о поправках в Конституцию, выборы депутатов Государственной Думы), реже внимание привлекают внешнеполитические новости (например, события в Казахстане в январе 2022 года).

Учителя выделяют важность профильных уроков обществознания в процессе политической социализации школьников, однако, согласно распространенному мнению, свой вклад в формирование политических представлений также должны вносить уроки истории, права, литературы и географии.

Отвечая на вопрос «Какие политические представления учащихся 5—6-х / 10—11-х классов должны быть сформированы?», большинство учителей отметили, что 5-классники должны знать символику российского государства, а также иметь общие представления о правах и обязанностях граждан. Для одиннадцатиклассников, в свою очередь, появляется необходимость основательного знания положений Конституции Российской Федерации.

Заключение

Российская школа как агент политической социализации в современных условиях

имеет относительно незначительное влияние на учеников. Для школьников в данный период времени СМИ и социальные сети являются более авторитетным источником информации о политике, нежели школа и школьные учителя.

Но при этом школе необходимо быть главным и авторитетным источником политической информации из-за того, что в школе учителя могут контролировать информацию, которую получают ученики о политике в рамках образовательного процесса. Но, фактически, все доступные методы (проведение гражданско-патриотического воспитания в системе школьной программы, внеурочная деятельность, классные часы, гуманитарные дисциплины, посвященные политике и др.) оказались относительно неэффективными.

Как показывает проведенное исследование, главная проблема состоит в отсутствии единой модели политической социализации на всех уровнях общественной жизни. В сложившихся условиях дети школьного возраста оказались объектом влияния различных политических акторов. Первое место, как главные источники получаемой политической информации, занимают масс-медиа (социальные сети, новостные сайты, телевидение), затем следует влияние со стороны родителей. При этом и сами учителя как значимые агенты политической социализации на уровне школы не имеют единого и устойчивого мнения по принципиальным содержательным вопросам, связанным с тем, какими средствами допустимо пользоваться для формирования в сознании учеников представлений о политике и о том, какие ценностные системы можно рассматривать как желаемый результат школьной политической социализации. Педагоги описывают множество проблем, с которыми им приходится сталкиваться: нежелание родителей допускать обсуждение политики на уроках с их детьми, незаинтересованность самих школьников, отсутствие специальных знаний о политике у учителей, недостаток свободного времени и относительно нечеткий характер учебной программы, не позволяющий определить желательные ориентиры в процессе формирования политических представлений учеников.

Кроме того, и сами школьники в настоящий момент имеют трудности с формированием собственных политических представлений и ценностей. Во-первых, на рациональном уровне прослеживается достаточно высокий интерес к политике и явное желание голосовать на выборах в

будущем. Также школьники продемонстрировали достаточно высокую когнитивную сложность в сфере знаний о формах политического участия. Во-вторых, изучение бессознательного компонента представлений учеников о политике показало несформированность идентификационной модели «свой-чужой». В-третьих, проведенный анализ подтвердил известный теоретический тезис о том, что период между обучением в 5-х и 11-х классах отражает значимый этап в процессе формирования политических представлений и ценностей: в 5-м классе дети олицетворяют политику с личностью политического лидера (персонифицируют ее), а в 11-м классе уже могут продуцировать институциональные характеристики власти.

Стоит отметить, что введение локальных мер в системе образования, направленных на повышение уровня осведомленности школьников о политической системе страны, может быть успешным лишь отчасти. Представления нынешнего поколения школьников о политике ярко демонстрируют тенденцию потери чувства ответственности за будущее страны, что позволяет сделать вывод о желательности корректировки всей системы политической социализации молодежи.

Что касается перспектив продолжения исследования данной проблематики, то в будущем с помощью предложенной методики возможно изучение политических ценностей и представлений молодых людей более старшего возраста, за пределами школы. Таким образом, работа вносит вклад в исследования в области политической психологии в целом, и в частности в изучении проблемы политической социализации, учитывая то, что данный процесс в России продолжает пребывать в состоянии трансформации.

Рисунки к исследованию образов власти в сознании школьников смотрите по данной ссылке или отсканируйте QR-код с экрана своего смартфона: <https://disk.yandex.ru/d/F6Pnk1Sih3JNlw>

Статья поступила в редакцию 12.05.2022

1. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению с специальности «психология». М.: Аспект Пресс, 2009. 362 с.
2. Малькевич А. А. Зарубежные концепции политической социализации // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). № 2. 2011. С. 94—97.
3. Мухаев Р. Т. Политология : в 2 ч. Ч. 2 : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2020. 326 с.
4. Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. Екатеринбург : Деловая книга, 2001. 496 с.
5. Селезнева А. В. Политические представления российских старшеклассников в контексте гражданского воспитания и формирования политической культуры // Ценности и смыслы. 2012. № 3. С. 112—121.
6. Шестопал Е. Б. Особенности использования психологических методов для изучения политического восприятия // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 81—90.
7. Almond G. A., Coleman J. S. The Politics of the Developing Areas. Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1960. 591 p.
8. Bailey K. Continuity and Change in Children's Attitudes toward the President: Political Crisis to Political Celebration // Southern Political Science Association Meeting, Atlanta, 1976. 39 p.
9. Berti A. E., Andriolo A. Third Graders' Understanding of Core Political Concepts (Law, Nation-state, Government) before and after Teaching // Genetic, Social and General Psychology Monographs. 2001. № 127. P. 346—377.
10. Button J. W. Youth and Foreign Affairs: The School as a Socializing Agent // Theory into Practice. 1971. № 10 (5). P. 346—352.
11. Cole E. H., Moseley P. A. Perceptions of Watergate among Adolescents: Impacts upon Political Education Curriculum // Annual Meeting of the American Educational Research Association, Chicago, 1974. 60 p.
12. Dinas E. The Long Shadow of Parental Political Socialization on the Development of Political Orientations // Forum (Germany). 2014. № 12. P. 397—416.
13. Dostie-Goulet E. Social Networks and the Development of Political Interest // Journal of Youth Studies. 2009. № 12 (4). P. 405—421.
14. Easton D., Dennis J. Children in the Political System. New York: McGraw-Hill, 1969. 446 p.

15. Ehman L. H. The American School in the Political Socialization Process // Review of Educational Research. № 50 (1). 1980. P. 99—119.

16. Hyman H. Political Socialization: A Study in the Psychology of Political Behavior. Glencoe: The Free Press, 1959. 176 p.

17. Jakubowski J. Political Socialization in Meme Times: Adolescents and the Sources of Knowledge Concerning Politics // Review of Education, Pedagogy, and Cultural Studies. 2021. № 43. P. 254—274.

18. Lambert W. E., Klineberg O. Children's Views of Foreign Peoples. New York: Appleton-Century-Crofts, 1967. 319 p.

19. Persson M. Reconsidering the Role of Education in Political Socialization: Results from a Panel Study // Scandinavian Political Studies. № 35(3). 2012. P. 198—221.

20. Sullivan J. L., Marcus G. E., Minns D. R. The Development of Political Ideology // Youth and Society. 1975. № 7(2). P. 148—170.

21. Torney J. V., Hess R. D. The Development of Political Attitudes in Children. Chicago: Aldine Publishing Cooperation, 1967. 288 p.

References

1. Andreeva G.M. (2009) Social'naja psihologija: uchebnik dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij, obuchajushhija po napravleniju s special'nosti «Psihologija» [Social psychology: a textbook for students of higher educational institutions studying in the direction of the specialty "Psychology"]. Moskva: Aspekt Press, 362 p. [in Rus].

2. Mal'kevich A.A. (2011) *Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. no. 2. pp. 94—97 [in Rus].

3. Muhaev R.T. (2020) Politologija v 2 ch. Chast' 2: uchebnik dlja vuzov [Political science at Part 2: a textbook for universities]. Moskva: Izdatel'stvo Jurajt, 326 p. [in Rus].

4. Ol'shanskij D.V. (2001) *Osnovy politicheskoy psihologii* [Fundamentals of political psychology]. Ekaterinburg: Delovaja kniga, 496 p. [in Rus].

5. Selezneva A.V. (2012) *Cennosti i smysly*. no. 3. pp. 112—121 [in Rus].

6. Shestopal E.B. (2018) *Social'naja psihologija i obshhestvo*. no 3. pp. 81—90 [in Rus].

7. Almond G.A.; Coleman J.S. (1960) *The Politics of the Developing Areas*. Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 591 p. [in Eng].

8. Bailey K. (1976) *Continuity and Change in Children's Attitudes toward the President: Political Crisis to Political Celebration* // Southern

Political Science Association Meeting, Atlanta, 39 p. [in Eng].

9. Berti A.E., Andriolo, A. (2001) *Third Graders' Understanding of Core Political Concepts (Law, Nation-state, Government) before and after Teaching* // Genetic, Social and General Psychology Monographs. №127. pp. 346—377. [in Eng].

10. Button J.W. (1971) *Youth and Foreign Affairs: The School as a Socializing Agent* // Theory into Practice. №10(5). pp. 346-352. [in Eng].

11. Cole E.H., Moseley P.A. (1974) *Perceptions of Watergate among Adolescents: Impacts upon Political Education Curriculum* // Annual Meeting of the American Educational Research Association, Chicago, 60 p. [in Eng].

12. Dinas E. (2014) *The Long Shadow of Parental Political Socialization on the Development of Political Orientations* // Forum (Germany). №12. pp. 397—416. [in Eng].

13. Dostie-Goulet E. (2009) *Social Networks and the Development of Political Interest* // Journal of Youth Studies. №12(4). pp. 405-421. [in Eng].

14. Easton D., Dennis J. (1969) *Children in the Political System*. New York: McGraw-Hill, 446 p. [in Eng].

15. Ehman L.H. (1980) The American School in the Political Socialization Process // Review of Educational Research. №50(1). pp. 99—119. [in Eng].

16. Hyman H. (1959) *Political Socialization: A Study in the Psychology of Political Behavior*. Glencoe: The Free Press, 176 p. [in Eng].

17. Jakubowski J. (2021) *Political Socialization in Meme Times: Adolescents and the Sources of Knowledge Concerning Politics* // Review of Education, Pedagogy, and Cultural Studies. №43. pp. 254—274. [in Eng].

18. Lambert W. E., Klineberg O. (1967) *Children's Views of Foreign Peoples*. New York: Appleton-Century-Crofts, 319 p. [in Eng].

19. Persson M. (2012) *Reconsidering the Role of Education in Political Socialization: Results from a Panel Study* // Scandinavian Political Studies. № 35(3). pp. 198—221. [in Eng].

20. Sullivan J.L., Marcus G.E., Minns D.R. (1975) *The Development of Political Ideology* // Youth and Society. №7(2). pp. 148—170. [in Eng].

21. Torney J.V., Hess R.D. (1967) *The Development of Political Attitudes in Children*. Chicago: Aldine Publishing Cooperation, 288 p. [in Eng].

For citing: Zaiko Ya.V., Zorin V.A., Lukanina E.V.
 School as an agent of political socialization
 in Russia: problems and prospects
 of development //
 Socium i vlast'. 2022. № 2 (92). P. 53—63.
 DOI: 10.22394/1996-0522-2022-2-53-63.
 EDN: FLURFC

UDC 32.019.5:659.4

EDN: FLURFC

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-53-63

SCHOOL AS AN AGENT OF POLITICAL SOCIALIZATION IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Iana V. Zaiko,

Leading Specialist-Expert of the Public Relations
 Department of the Government
 of the Chelyabinsk Region
 Chelyabinsk, Russia.
 E-mail: yanazayko@yandex.ru

Vasily A. Zorin,

Chelyabinsk State University,
 Head of the Department of Political Science and
 International Relations,
 Cand.Sc. (Political Science),
 Chelyabinsk, Russia.
 E-mail: vaszorin@gmail.com

Yekaterina V. Lukanina,

Lomonosov Moscow State University,
 Department of Political Science, Master's Degree
 Student,
 Moscow, Russia.
 E-mail: lukanina_99@mail.ru

Abstract

Introduction. The authors analyze some features
 of Russian students' political socializing at the
 present stage.

The purpose of the study is to identify the main
 trends that characterize the role of the school as an
 agent (active subject) of political socialization.

Methods. The empirical basis of the study is the
 results of the survey in which 554 students

and 151 teachers of history and social studies in
 Chelyabinsk schools took part, the authors used
 qualitative (projective tests, in-depth interviews)
 and quantitative (survey) methods.

Scientific novelty. The specific feature of the
 authors' approach to the problem under study
 is to perceive the school as an agent of political
 socialization, which is able to carry out the targeted
 steps of including children into the political sphere
 of the society within the educational process at
 several levels.

Results. The data show that the socializing impact
 at the school level is relatively ineffective. The
 analysis revealed the problems that teachers have
 to face when conducting training activities related
 to delivering knowledge about politics: 1) students'
 lack of interest; 2) comparatively low level of teachers'
 special competence; 3) lack of necessary free
 time, etc. At the same time, students showed a
 fairly high level of behavioral activity and cognitive
 complexity in assessing power institutions. The
 unconscious component of students' political ideas
 is characterized by the absence of formed values
 and the heterogeneity of power images.

Conclusions. The school as an agent of political
 socialization is losing its role as the leading agent
 of socializing when forming political values and
 students' ideas about politics in modern conditions.
 The main reason for this is the dominant role of
 social networks and the. Students tend to get in-
 formation about politics from external sources, so
 they are less likely to resort to discussing current
 political issues with teachers. This process leads to
 the need to develop new conceptual approaches to
 forming state policy in the field of general educa-
 tion.

Keywords:

political socialization,
 agents of political socialization,
 school students,
 history and social studies teachers,
 political activity,
 school,
 political psychology

Для цитирования: Артемова О. В., Логачева Н. М., Савченко А. Н. Качество жизни населения в период пандемии: анализ текущей ситуации (на примере Челябинской области) // Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 64—74. DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-64-74. EDN: AWAVXI.

УДК 332.12

EDN: AWAVXI

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-64-74

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: АНАЛИЗ ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Артемова Ольга Васильевна,
Челябинский филиал Института экономики
УрО РАН, директор филиала,
ведущий научный сотрудник,
доктор экономических наук, профессор.
Челябинск, Россия.
E-mail: artemova.ov@uiec.ru

Логачева Наталия Модестовна
Челябинский филиал Института экономики
УрО РАН, ведущий научный сотрудник,
доктор экономических наук, доцент.
Челябинск, Россия.
E-mail: logacheva.nm@uiec.ru

Савченко Анастасия Николаевна,
Челябинский филиал Института экономики
УрО РАН, старший научный сотрудник,
кандидат экономических наук, доцент.
Челябинск, Россия.
E-mail: savchenko.an@uiec.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируется текущая социально-экономическая ситуация в регионе (Челябинской области), которая характеризуется негативными изменениями, обусловленными пандемией COVID-19. При этом коронавирусный кризис не только высветил имеющиеся проблемы и слабые стороны социально-экономической обстановки, но и обострил базовые накопленные проблемы в регионе. Пиковая нагрузка на экономическую, демографическую, социальную сферы (особенно здравоохранение) в Челябинской области и других регионах РФ пришла на 2020 г. Предпринятые меры государственной поддержки населения, бизнеса позволили стабилизировать ситуацию, избежать значительных постковидных потерь. Однако распространение пандемии продолжается, а внешние вызовы для страны и регионов усиливаются. В этой связи важно понимать суть происходящих социально-экономических процессов в стране и регионах, анализировать и систематизировать разрозненные и разнонаправленные факторы, определяющие новую реальность.

В этой связи авторами сформированы проблемные группы, в рамках которых рассматривались сферы жизнедеятельности, где значительно усилились вызовы и угрозы в связи с пандемией. К ним были отнесены: группа, обозначенная как «Экономика»; группа «Демография», группа «Уровень жизни». Усиление угроз и опасности в этих сферах из-за распространения COVID-19 в наибольшей степени отразилось на благосостоянии людей, ухудшении качества жизни, снижении ее продолжительности. Для исследования отмеченных проблем авторами была поставлена **цель:** на основе анализа текущей социально-экономической ситуации в субъектах РФ выявить угрозы понижения качества жизни населения в период пандемии и предложить меры по преодолению негативных постковидных последствий для жителей региона

Методы. Информационной базой послужили статистические данные Росстата, информация из отчета губернатора Челябинской области за 2020 г. Были использованы следующие методы: контент-анализ научных источников, группировка факторов риска в период пандемии, анализ статистических показателей и данных, полученных по результатам мониторинга региона.

Научная новизна исследования состоит в разработке оригинального алгоритма экспресс-анализа текущей социально-экономической ситуации в регионе в период пандемии для оперативного реагирования и купирования органами власти угроз, связанных с распространением пандемии. Он (алгоритм) включает выделение наиболее уязвимых сфер с позиций условий жизнедеятельности и благополучия людей; группировку факторов риска в этих сферах и определение их влияния на уровень и качество жизни; анализ показателей (плановых и фактических) за 2019—2020 гг. применительно к группам «Экономика»; «Демография», «Социальная сфера» для определения воздействия неблагоприятных факторов пандемийного воздействия на качество жизни населения региона.

Результаты и выводы. Проведен контент-анализ отечественной и зарубежной научной литературы по теме исследования. Уточнен понятийный инструментарий исследования. Предложена группировка основных проблем в социально-экономическом пространстве региона, обострившихся в период пандемии. В соответствии с этой группировкой проведен анализ текущей ситуации по экономическому состоянию региональной экономики, демографической ситуации и уровню благосостояния населения региона. Предложены меры по преодолению негативных постковидных последствий в Челябинской области. Анализ показал, что текущая социально-экономическая ситуация в регионе продолжает оставаться сложной. Базовые проблемы, не решенные на предшествующей стадии развития, усиливаются в связи с внешними вызовами, в том числе пандемийным воздействием. В кризисных условиях необходима концентрация усилий властей, бизнеса, населения на снижении рисков и поддержании надлежащего уровня и качества жизни населения региона.

Ключевые слова:

качество жизни населения,
уровень жизни населения,
регион,
пандемия,
региональная экономика,
демографическая ситуация,
внешние вызовы

Введение

В последнее время возрастает турбулентность социально-экономических процессов под воздействием пандемии. Действительно, пандемия коронавируса, находящаяся в активной фазе с начала 2020 г., до сих пор распространяется по миру. Усиление кризисных явлений, характерных для стран и регионов, во многом определяется пандемией. Все это сопряжено со значительной хаотичностью и слабой предсказуемостью событий в будущем.

Для понимания сути и направлений социально-экономических изменений в странах и регионах под воздействием дестабилизирующих факторов необходим системный анализ, структурирование возникающих проблем. Такие исследования ведутся отечественными учеными и специалистами.

Так, российскими учеными проводится комплексный анализ влияния пандемии COVID-19 на различные стороны жизни общества: социально-политические отношения, экономические процессы, социально-демографическую ситуацию в мире и России [3; 6; 7; 10, 12].

Н. В. Зубаревич исследует проблемы пандемии применительно к регионам РФ. При этом она отмечает, что важно разобраться, какие регионы России пострадали больше, а какие меньше. И как регионы выходят из кризисного спада? Для ответа на эти вопросы учеными проводятся исследования по влиянию коронавирусного кризиса на экономику (с учетом ее отраслевой структуры), состояния рынков труда регионов, занятости (в том числе в сфере малого и среднего предпринимательства), уровня жизни населения регионов [4].

Следует согласиться с исследователями НИУ ВШЭ, что «негативные изменения существующей социально-экономической ситуации, обусловленные пандемией COVID-19, невозможно быстро преодолеть, последствия будут видны на продолжительном временном отрезке, а испытанию подвергнутся все институты. В этой ситуации особенно важно опереться не только на моментные (быстрые) решения, направленные на обеспечение текущей социально-экономической стабильности, но и выйти за рамки удовлетворения неотложных потребностей и построить в субъектах РФ реализацию долгосрочной политики энергичного и устойчивого восстановления экономики с учетом новых вызовов» [1, с. 93].

Зарубежные ученые и специалисты также активно анализируют ситуацию в связи с воздействием пандемии на основные сферы

жизнедеятельности людей. При этом они отмечают, что с первых дней кризиса, связанного с распространением COVID-19, научное сообщество постоянно стремится пролить свет на различные вопросы, такие как механизмы распространения вируса, его экологические и социально-экономические последствия, а также необходимые планы и стратегии восстановления экономики и адаптации населения к новой реальности [19].

Европейские ученые справедливо говорят о том, что кризисная ситуация не только беспрецедентно высветила имеющиеся проблемы и слабые стороны социально-экономической обстановки в странах и регионах, но и показала новые возможности преодоления трудностей, обогатила новыми практиками управления в период пандемии [15].

В работах западных ученых по проблемам пандемии рассматриваются вопросы, касающиеся территориальных аспектов преодоления пандемии [13; 16; 19—21]. Отмечается, что проблемы, связанные с пандемией, различаются в зависимости от конкретной страны, региональных и местных особенностей. При этом значительную роль в предотвращении пандемии играют центральные правительства стран. Интерес представляют работы, в которых проверялась корреляция финансирования общественного здравоохранения (нагрузка на которое многократно возрастает в период пандемии) с контролем распространения пандемии. Анализировалось, как государственные расходы и социально-экономические факторы влияют на эпидемию. В моделях, разработанных авторами, учитывались региональные социально-экономические факторы [13].

Кроме того, зарубежными учеными активно обсуждаются вопросы о распространении пандемии и ее влиянии на экономические и социальные последствия в крупных городах, где сконцентрирована высокая деловая активность, имеет место значительная плотность населения и большое скопление людей, что усложняет реализацию мер по противодействию пандемии [16; 18; 19].

Ряд вопросов в контексте распространения пандемии уделяется управлению кризисом, поиску новых подходов противодействия ковиду. Так, отмечается интересная особенность азиатского подхода, который отражает проактивность и усердие, в то время как западные ответы являются реактивными и чаще всего слегка задерживаются. Поскольку управление кризисом COVID-19 — это, по сути, проблема многоуровневого управления. При этом обсуждение национальных стратегий дополняется обзором роли городов [14].

Неопределенность и хаотизация социально-экономических процессов, усилившихся в период пандемии, ставит перед исследователями задачу проникновения в суть происходящих изменений, систематизации проблемных зон, структурирования угроз развитию социума и экономики.

Влияние пандемии на развитие стран, регионов, отдельных территориальных образований следует определять в широком контексте. Очевидно, что пандемия стала событием глобального масштаба, повлиявшим на все страны мира, а ее распространение сопровождалось серьезными негативными последствиями. В то же время пандемия не является единственной причиной социально-экономических изменений и потрясений в странах и регионах. Трансформация экономики и социума — перманентный процесс, подчиняющийся фундаментальным законам диалектики и эволюционному развитию. Основная траектория развития стран и регионов, выявление которой, как правило, можно определить на долгосрочном отрезке времени, сопровождается многочисленными колебаниями, флуктуациями, кризисами, хаотическими изменениями.

Пандемия не является случайным явлением, в широком смысле ее следует рассматривать как кризис взаимодействия природы и человека. Это, с одной стороны, приводит к существенным сдвигам в экосистемах разных уровней; с другой, — усугубляет ранее наблюдаемые неблагоприятные процессы: замедление темпов роста экономики, депопуляцию населения, увеличение смертности и снижение рождаемости, слабо контролируемую миграцию и др. В то же время применительно к территории, конкретному периоду времени или этапу (волны пандемии) она проявляется и диагностируется в различных индикаторах социально-экономических изменений. В этом контексте авторы преследовали цель: определить влияние кризисных факторов (пандемии) в конкретном регионе РФ, обратив при этом внимание на группы проблем, угроз и вызовов в экономической, демографической и социальной сферах.

Использование в исследованиях структурирования угроз и глобальных вызовов широко известно как среди исследований зарубежных, так и отечественных ученых и специалистов [2; 5].

Полагаем, что подход, в рамках которого применяются группировки и кластеризация угроз и вызовов в кризисных условиях, целесообразен в связи с необходимостью выделения тех или иных сфер, которые подвергаются наибольшей опасности в конкретный период времени.

В данном исследовании акцентируется внимание на влиянии глобальных проблем в социуме и экономике на изменение качества жизни населения в период пандемии.

Авторами сформированы проблемные группы, в рамках которых рассматриваются сферы жизнедеятельности, где значительно усилились вызовы и угрозы в связи с пандемией. К ним были отнесены:

Группа 1. Экономика.

Группа 2. Демография.

Группа 3. Уровень жизни.

Усиление угроз и опасности в этих сферах из-за распространения COVID-19 в наибольшей степени отразилось на благосостоянии людей, ухудшении качества жизни, снижении ее продолжительности.

Данные и методы исследования

В исследовании были использованы статистические данные Росстата, информация из отчета губернатора Челябинской области за 2020 г. [1; 8].

Авторами рассмотрены, систематизированы и сгруппированы основные проблемы, обострившиеся в период пандемии в регионах РФ. Были выделены три группы проблем, которые (проблемы) значительно усиливаются в период пандемии. К первой группе относятся угрозы, возникающие в экономической сфере регионов; ко второй — угрозы в демографической сфере; к третьей — проблемы, связанные со снижением уровня жизни населения (табл. 1).

Обозначенные проблемные зоны характерны для страны в целом, для регионов РФ. Так, ситуация в региональной экономике характеризуется снижением темпов роста ВРП, ростом безработицы, изменением структуры региональной экономики. Имеет место потеря рабочих мест в отраслях, наиболее пострадавших от пандемии. Происходит значительное снижение активности в сфере МСП: уменьшение численности работающих в этой сфере, спад оборота СМСП.

Демографическая ситуация характеризуется изменением численности и структуры населения (по возрасту и полу); снижением доли трудоспособного населения. В связи с распространением пандемии и неопределенностью эпидобстановки наблюдается более значительное снижение рождаемости. Имеет место увеличение смертности, в том числе по причине пандемии и сопутствующих хронических заболеваний. Происходит сокращение плановой медпомощи населению в пике распространения коронавируса, что увеличивает заболеваемость и смертность населения.

Таблица 1

Влияние пандемии на социально-экономическую ситуацию и качество жизни населения в регионе

Влияние пандемии	Основные социально-экономические проблемы, обострившиеся в период пандемии	Влияние пандемии на КЖН
Экономика	Замедление темпов ВРП. Снижение индекса промышленного производства, прежде всего, в обрабатывающих отраслях. Структурные деформации региональной экономики, неблагоприятное изменение отраслевых пропорций. Усиление нестабильности (рост безработицы, инфляции). Ослабление сектора МСП	Снижение экономического потенциала региона и эффективности его использования, что отражается на уровне и качестве жизни населения
Демография	Снижение численности населения; снижение рождаемости; рост смертности; неравномерная динамика миграционных потоков	Снижение человеческого потенциала региона; неблагоприятное изменение структуры населения; увеличение нагрузки на трудоспособное население. Снижение продолжительности жизни
Уровень жизни	Снижение номинальной заработной платы; снижение реальных доходов. Неблагоприятная динамика и структура потребительских расходов населения	Расширение бедности, усиление социального расслоения. Неблагоприятное изменение структуры потребления

Происходит ограничение миграционных потоков в связи с трудностями перемещения граждан, что приводит к дефициту кадров в сферах традиционного трудоустройства работников-мигрантов.

Регионы России по-разному реагируют на воздействие пандемии, при этом изменение уровня жизни, снижение ее качества происходит практически во всех субъектах РФ. Ухудшение благосостояния населения происходит в направлении снижения номинальной заработной платы в связи с сокращением рабочих мест, переводом трудящихся на неполный рабочий день в период пандемии; снижением реальных доходов в связи с более высокой, чем запланировано, инфляцией. Имеет место неблагоприятная динамика потребительских расходов населения: снижение доли потребительских расходов в объеме доходов населения, рост цен; изменение структуры потребительских расходов, в том числе за счет увеличения доли расходов на лекарственные препараты. Наблюдается изменение структуры потребления в направлении менее качественного и дешевого ассортимента товаров, неравная доступность к качественным товарам, прежде всего, продовольственным. Все это сказывается на здоровье людей и продолжительности их жизни.

Большая нагрузка упала на сферу здравоохранения. Следует согласиться с авторами М. Ф. Мизинцевой, Т. В. Гербиной, М. А. Чугриной, что «любая страна без базовой первичной медико-санитарной помощи, служб общественного здравоохранения и соответствующей инфраструктуры, а также без эф-

фективных механизмов контроля над инфекциями несет наибольшее катастрофические потери. Эпидемии разрушают всю систему здравоохранения, снижая доступ к медицинским услугам при прочих заболеваниях, что приводит к еще большей смертности и дальнейшей экономической депрессии» [9, с. 64].

Риски особенно велики в тех регионах, где имеет место низкий инфраструктурный и кадровый потенциал в сфере здравоохранения. Значительные риски по оказанию медпомощи связаны с дефицитом кадров первичного звена и медперсонала в стационарах; сокращением плановой медпомощи в период пандемии, снижением доступности и качества медпомощи, что неизбежно приводит к росту хронической и инфекционной заболеваемости населения.

Результаты

Текущая ситуация в период пандемии в регионах РФ имеет как схожие черты, так свою специфику. Основные сферы жизнедеятельности людей, которые подверглись пандемийному воздействию, схожи, но характер протекания и темпы изменения социально-экономических индикаторов различены.

Авторами проведен анализ ситуации в период пандемии по трем предложенным проблемным группам в индустриальном регионе РФ — Челябинской области. Для анализа в основном использовались показатели, которые по результатам мониторинга губернатора Челябинской области оказались не выполнены в пандемийный период, их фактическое значение оказалось меньше запланированного,

а темпы роста снизились [8]. Объясняется это как сложившимися ранее многолетними накопленными проблемами, так и неблагоприятными факторами, связанными с распространением пандемии в регионе.

Основные проблемы в экономике отражены в показателях, приведенных в табл. 2.

Активное распространение пандемии в регионах РФ началось в 2020 г., поэтому в исследовании рассматривался период 2019—2020 гг., чтобы сравнить ситуацию 2020 г. с годом, предшествующим пандемии.

Из данных таблицы видно, что план по ВРП на душу населения не выполнен в 2019 г. (92,7% выполнения плана), в 2020 г. невыполнение плана возросло (86,3 % выполнения плана). Темп роста показателя ВРП на душу населения в 2020 г. был запланирован на уровне 105,6 %, а фактически составил всего 98 %. Вместо значительного повышения темпов роста (+5,6 %) наблюдалось его снижение (–2 %). Ухудшение показателя ВРП на душу свидетельствует, прежде всего, о снижении потребительских расходов (наибольшая доля в структуре ВРП), замедлении инвестиционных процессов.

Фактический уровень безработицы в регионе в 2019 и 2020 гг. превысил запланирован-

ный, при этом темп роста безработицы в 2020 г. относительно 2019 г. был беспрецедентным и составил 18 %. В то же время исследователи отмечают, что действительно отличало 2020 г. от других годов — это ситуация в стране с безработицей: за 2008—2020 гг. число зарегистрированных безработных в стране достигло своего максимума в сентябре 2020 г. (3,7 млн человек). Уровень зарегистрированной безработицы в стране возрастал, что было связано в том числе с мерами, стимулировавшими регистрацию в службах занятости (повышение минимального и максимального размеров по безработице, доплаты на детей безработных, упрощение получения такого пособия для ИП) [6].

Индекс промышленного производства не достиг плановых значений ни в 2019 г. (95,7 % выполнения плана), ни в 2020 г. (91,8 % выполнения плана). Темп роста индекса промышленного производства в 2020 г. был запланирован на уровне 105,0 %, а фактически составил всего 97 %. Вместо значительного повышения темпов роста (+5,0 %) наблюдалось его снижение (–3 %).

Объем производства сельского хозяйства всех сельхозпроизводителей не достиг плановых значений ни в 2019 г. (91,5 % вы-

Таблица 2

Основные показатели, характеризующие экономическую ситуацию в Челябинской области в 2019—2020 гг.

Показатель	Единица измерения	2019 г.		2020 г.		Выполнение в 2020 г., %	Темп роста 2020/2019
		План	Факт	План	Факт		
Объем ВРП на душу населения (в ценах 2015 года)	тыс. рублей	375,6	348,1	396,5	342	86,3	98 %
Уровень безработицы по методологии МОТ	процентов	6,6	5,6	6,51	6,6*	98,6	118 %
Индекс промышленного производства	процентов	107,1	102,5	108	99,1	91,8	97 %
Объем производства сельского хозяйства всех сельхоз-производителей (в ценах 2015 года)	млрд рублей	121,2	110,9	121,4	99	81,5	89 %
Количество СМСП (включая индивидуальных предпринимателей)	на 1 тыс. человек населения	42,96	40,41	43,67	38,76	88,8	96 %
Оборот СМСП (включая микропредприятия) и выручка индивидуальных предпринимателей (в ценах 2015 года)	млрд рублей	1741,5	1302,1	1820,60	1295,1*	71,1	99 %

Источник: Отчет губернатора Челябинской области о результатах деятельности Правительства Челябинской области в 2020 г. // Правительство Челябинской области, Министерство экономического развития Челябинской области. 2021. URL: <https://mineconom.gov74.ru/pokazateli> (дата обращения: 20.02.2022).

* оценка

полнения плана), ни в 2020 г. (81,5 % выполнения плана). Темп роста индекса сельскохозяйственного производства в 2020 г. был запланирован на уровне 109,5 %, а фактически составил всего 89 %. Вместо значительного повышения темпов роста (+9,5 %) наблюдалось его снижение (-11 %).

В кризисные периоды малый и средний бизнес является зоной повышенного риска, поскольку имеет гораздо меньше возможностей и резервов (по сравнению с крупными предприятиями) к адаптации к ковидным ограничениям.

План по количеству СМСП (включая индивидуальных предпринимателей) не выполнен ни в 2019 г. (94 % выполнения плана), ни в 2020 г. (88,8 % выполнения плана). Темп роста этого показателя в 2020 г. был запланирован на уровне 102,5 %, а фактически составил всего 96 %. Вместо повышения темпов роста (+2,5 %) наблюдалось его снижение (-4 %).

План по обороту СМСП (включая микропредприятия) и выручке индивидуальных предпринимателей не выполнен в 2019 г. (74,8 % выполнения плана) и в 2020 г. (71,1 % выполнения плана). Значительно растет % невыполнения плана. Темп роста этого показателя в 2020 г. был запланирован на уровне 140 %, а фактически составил всего 99 %. Вместо повышения темпов роста (+40%) наблюдалось его снижение (-1 %). Сфера МСП сильно пострадала от пандемии практически во всех регионах, включая Челябинскую область.

Согласно данным НИУ ВШЭ, полученным в ходе опроса представителей малого

и среднего бизнеса из разных субъектов РФ, последствия COVID-19 оказали влияние более, чем на 80 % респондентов. Свыше трети опрошенных заявляют о падении выручки в марте 2020 года более, чем на 80 % относительно аналогичного периода 2019 года. Более половины организаций малого и среднего бизнеса приостановили свою деятельность [1, с. 91].

В результате анализа проблемной группы «Экономика» в порядке значимости факторов, влияющих на КЖН, выделены: рост безработицы, проблемы в сфере МСП, снижение активности в сельском хозяйстве, замедление темпов промышленного производства, снижение показателя ВРП на душу населения. При этом отмечено значительное ухудшение показателей в пандемийный год относительно 2019 г., что подтверждает усиление негативного влияния распространения коронавируса на экономику региона.

Основные проблемы в группе «Демография» отражены в показателях, приведенных в табл. 3.

Из данных таблицы видно, что не достигнут план по увеличению среднегодовой численности населения в 2019 г. (99,5 % выполнения плана), в 2020 г. (99,2 % выполнения плана). Значительного изменения среднегодовой численности населения не произошло. Заметное изменение этого показателя проявляется на более длительном отрезке времени и имеет отложенный эффект в связи с кризисными ситуациями.

Запланированный уровень по коэффициенту рождаемости не выполнен и в 2019 г. (79,2 % выполнения плана), и в 2020 г. (76,8 %

Таблица 3

Основные показатели, характеризующие демографическую ситуацию в Челябинской области в 2019–2020 гг.

Показатель	Единица измерения	2019 г.		2020 г.		Выполнение в 2020 г., %	Темп роста 2020/2019
		План	Факт	План	Факт		
Среднегодовая численность населения	тыс. человек	3485,2	3471,1	3483,7	3454,6	99,2	100 %
Коэффициент рождаемости	на 1 000 человек населения	12,5	9,9	12,5	9,6*	76,8	97 %
Коэффициент смертности	на 1 000 человек населения	12,9	13,1	12,8	15,9*	80,5	121 %
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	число лет	74,8	72,08	75,4	70,3*	95,6	98 %

Источник: Отчет губернатора Челябинской области о результатах деятельности Правительства Челябинской области в 2020 г. // Правительство Челябинской области, Министерство экономического развития Челябинской области. 2021. URL: <https://minesopom.gov74.ru/pokazateli> (дата обращения: 20.02.2022).

* оценка

выполнения плана). Темп роста этого показателя в 2020 г. был запланирован на уровне 126,2 %, а фактически составил всего 97 %. Вместо значительного повышения темпов роста (+26,2 %) наблюдалось его снижение (-3%).

Ученые отмечают, что «пандемия, безусловно, окажет свое негативное влияние и на снижение рождаемости и трансформацию репродуктивного поведения. Однако реально судить о масштабах ухудшения в отношении показателей рождаемости можно будет лишь в конце 2020 г. — начале 2021 г., так как из-за специфики процесса рождения «пандемийные дети» должны будут появиться позже [11, с. 259].

Плановое значение коэффициента смертности было превышено и в 2019 г., и в 2020 г. Темп роста коэффициента смертности в 2020 г. составил 123 %. Фактически смертность в 2020 г. достигла значения коэффициента 15,9 на 1000 человек. Это значительно хуже ожидаемых результатов, которые планировались на уровне 12,8 на 1000 человек населения. В результате ожидаемая продолжительность жизни при рождении не достигла ожидаемого уровня и за этот период снизилась практически на 2 года: с 72,8 до 70,3 лет. Специалисты предупреждали об этом и предполагали, что число избыточных смертей по итогам 2020 г. приведет к значимому снижению ожидаемой продолжительности жизни в этом году [12].

В порядке значимости проблем, влияю-

щих на КЖН, авторами отмечены: снижение ожидаемой продолжительности жизни при рождении, рост коэффициента смертности, падение коэффициента рождаемости, снижение среднегодовой численности населения.

Основные проблемы в группе «Уровень жизни» отражены в показателях, приведенных в табл. 4.

Среднедушевые денежные доходы населения в месяц (в текущих ценах) не достигли плановых значений в 2019 г. (95,8 %) и в 2020 г. (96,8 %). Темп роста этого показателя планировался на уровне 104,7%, а фактически составил 101 %, Прирост должен быть 4,7 %, а фактически составил 1 %.

Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников организаций в 2019 г. превысила плановые значения, выполнение составило 103 %. Однако в 2020 г. плановые показатели не были достигнуты (99,8 %). Темп роста в 2020 г. был запланирован на уровне 102,7 %, а практически был выполнен на 102 %.

Реальные располагаемые доходы населения в 2019 г. не достигли планового уровня (98 % выполнения плана). В 2020 г. невыполнение плана составило уже 4,7 % (выполнение 95,3 %). При этом планировался темп роста этого показателя в 2020 г. 102,5 %, а фактическое значение относительно 2019 г. составило 98 %.

Отметим, что на реальные располагаемые доходы населения существенно влияет показатель инфляции, к сожалению, он

Таблица 4

Основные показатели, характеризующие уровень жизни населения в Челябинской области в 2019—2020 гг.

Показатель	Единица измерения	2019 г.		2020 г.		Выполнение в 2020 г., %	Темп роста 2020/2019
		План	Факт	План	Факт		
Среднедушевые денежные доходы в месяц (в текущих ценах)	тыс. руб.	25,489	25,424	26,619	25,777	96,8	101 %
Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников организаций	тыс. руб.	36,595	37,748	38,777	38,692	99,8	102 %
Реальные располагаемые доходы населения (к уровню 2015 года)	%	86,4	84,7	86,8	82,7	95,3	98 %
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	процентов	13,7	12,8	12,8	13,5*	94, ^{8**}	105 %

Источник: Отчет губернатора Челябинской области о результатах деятельности Правительства Челябинской области в 2020 г. // Правительство Челябинской области, Министерство экономического развития Челябинской области. 2021. URL: <https://mineconom.gov74.ru/pokazateli> (дата обращения: 20.02.2022).

* оценка

** обратный показатель

растет. Инфляция в России в 2018 г. — 4,3%, в 2019 г. — 3,0 %, в 2020 г. — 4,9 %, в 2021 г. — 8,4 % (данные Росстата).

В регионах уровень бедности, отраженный в показателе «доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума», значительно различается по субъектам РФ. Этот показатель характеризует уровень жизни населения. Уровень бедности в 2019 г. снизился относительно планового уровня (13,7 %) и составил 12,8 %, что является позитивным моментом. В 2020 г. произошел рост доли бедных до 13,5 % (при запланированном уровне 12,8 %), что привело к росту этого показателя, который составил 105 %.

Анализ проблем данной группы показал, что наибольшее негативное воздействие на КЖН в связи с пандемией оказывает снижение реальных доходов населения.

Итак, в результате проведенного анализа по трем проблемным группам «Экономика», «Демография», «Уровень жизни» выявлены наиболее болезненные точки, влияющие на качество жизни населения региона в период пандемии, и предложены меры по преодолению негативных постковидных последствий (табл. 5).

Заключение

Авторами проведена систематизация и группировка основных проблем в социально-экономическом пространстве региона,

обострившихся в период пандемии. На основе этого сделан анализ ситуации в период пандемии по трем проблемным группам («Экономика»; «Демография», «Уровень жизни») в индустриальном регионе РФ — Челябинской области.

Анализ показал, что социально-экономическая ситуация в регионе продолжает оставаться сложной. Базовые проблемы, нерешенные на предшествующей стадии развития, усиливаются в связи с пандемийным кризисом. Политическая обстановка, изоляция России в связи с применяемыми санкциями, связаны с рисками торможения дальнейшего развития страны. В этих условиях концентрация усилий федеральных и региональных властей, органов местного самоуправления, бизнеса, населения на недопущении снижения уровня и качества жизни населения, продолжительности жизни — первостепенная задача. Безусловное выполнение поставленных целей в демографической, экономической, социальной сферах региона должно быть ответом на беспрецедентные внешние вызовы.

Благодарности

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН Института экономики Уро РАН на 2022 г.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022

Таблица 5

Меры по преодолению негативных постковидных последствий в Челябинской области

Сферы, наиболее пострадавшие от пандемии	Меры по стабилизации социально-экономической ситуации и повышению КЖН в период пандемии
«Экономика» — Рынок труда (безработица) — МСП	— поддержка занятости населения; — прямая финансовая поддержка бизнеса, в т. ч. МСП; — налоговые льготы; — льготы по аренде региональной и муниципальной собственности; — кредитная поддержка; — снижение контрольно-надзорной нагрузки
«Демография» — Снижение рождаемости — Увеличение смертности — Снижение продолжительности жизни	Обеспечение приоритетного развития социальной сферы региона, прежде всего, здравоохранения (модернизация медоборудования, обеспечение кадрами, цифровые технологии). Укрепление первичного звена и стационарной медпомощи
«Уровень жизни» — Реальные располагаемые доходы населения	Господдержка населения: материальная помощь отдельным категориям малообеспеченных граждан. Контроль за уровнем инфляции. Регулирование, недопущение роста цен на товары первой необходимости

1. Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. № 2. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/366632986.pdf> (дата обращения: 20.02.2022).

2. Байнхауэр Х., Шмакке Э. Мир в 2000 году. Свод международных прогнозов: пер. с нем. М. : Прогресс, 1973. 240 с.

3. Гришина И. В., Полюнев А. О. Региональные особенности реакции на глобальный кризис // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 10. С. 62—76.

4. Зубаревич Н. В. Регионы России в период пандемии: социально-экономическая динамика и доходы бюджетов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 3 (51). С. 208—218.

5. Колин К. К. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке // Стратегические приоритеты. 2014. № 1. С. 6—30.

6. Макроэкономические эффекты пандемии COVID-19 и перспективы восстановления экономики : докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13—30 апр. 2021 г. / Н. В. Акиндинова (рук. авт. кол.), Э. Ф. Баранов, В. А. Бессонов и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 96 с.

7. Мильчаков М. В. Реализация приоритетов регионального развития в условиях пандемии // Финансовый журнал. 2021. Т. 13, № 2. С. 93—113.

8. Отчет губернатора Челябинской области о результатах деятельности Правительства Челябинской области в 2020 г. // Правительство Челябинской области, Министерство экономического развития Челябинской области. 2021. URL: <https://minecom.gov74.ru/pokazateli> (дата обращения: 20.02.2022).

9. Пандемия COVID-19. Биология и экономика. Специальный выпуск : информ.-аналит. сб. / под ред. д. э. наук М. Ф. Мизинцевой // ВИНТИ РАН. М. : Перо, 2020. 110 с.

10. Пандемия COVID-19: вызовы, последствия, противодействие / А. В. Торкунов, С. В. Рязанцев, В. К. Левашов ; под ред. А. В. Торкунова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова ; вступ. слово А. В. Торкунов. М. : Аспект Пресс, 2021. 248 с.

11. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / Г. В. Осипов и др. ; под ред. Г. В. Осипова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской ; отв. ред. В. К. Левашов. М. : ИТД «ПЕР-

СПЕКТИВА», 2020. 532 с.

12. «Черный лебедь» в белой маске : аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / под ред. С. М. Плаксина, А. Б. Жулина, С. А. Фаризовой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 336 с.

13. Acharya A., Wolfson C., Matta S., (...), Lamba S., Bishai D. The Role of Public Health Expenditures in COVID-19 control: Evidence from Local Governments in England, 2021, «SSM — Population Health», no. 15:100861.

14. Anttiroiko, A.-V. Successful government responses to the pandemic: Contextualizing national and urban responses to the Covid-19 outbreak in East and West. *International Journal of E-Planning Research*, 2021, 10(2), pp. 1—17.

15. Ciesielski M.M. Public Participation in Planning Processes Under the Confinement Regime: Perspectives of Municipality Urban Planning Offices in Poland. 2020. *DISP* 56(4), pp. 34—41.

16. Engaging with global urban governance in the midst of a crisis Acuto, M. 2020 *Dialogues in Human Geography* 10(2), pp. 221—224.

17. Fekete K., Dombi G., Oláh M. Crisis management by local governments in the Lake Balaton Resort Area during the first wave of the Covid-19 pandemic, 2021, «*Területi Statisztika*», no. 61(3), pp. 337—355.

18. Public health in times of crisis: An overlooked variable in city management theories? Machado, C., Melina Nassif Mantovani Ribeiro, D., Backx Noronha Viana, A. 2021 *Sustainable Cities and Society* 66, 102671.

19. The COVID-19 pandemic: Impacts on cities and major lessons for urban planning, design, and management Sharifi, A., Khavarian-Garmsir, A.R. 2020 *Science of the Total Environment* 749, 142391.

20. The role of local and regional authorities in prevention and control of NCDs: The case of Poland Tabaszewski, R. 2020 *BMC International Health and Human Rights* 20 (1), 17.

21. Yilmaz S., Boex J. Unleashing the potential of local governments in pandemic response. 2021. *Development in Practice* 31(6), pp. 805—815.

References

1. Analiticheskij byulleten NIU VSHE ob ekonomicheskikh i social'nyh posledstviyah koronavirusa v Rossii i v mire [Analytical Bulletin of the National Research University Higher School of Economics on the economic and social consequences of the coronavirus in Russia and in the world]. (2020). № 2. available at: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/366632986.pdf> (accessed 20.02.2022) [in Rus].

2. Bajnhauer H., Shmakke E. (1973) *Mir v 2000 godu. Svod mezhdunarodnyh prognozov* [World in 2000. Code of international forecasts]. Moscow, Progress, 240 p. [in Rus].
3. Grishina I.V., Polynev A.O. (2020) *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*, no. 10, pp. 62—76 [in Rus].
4. Zubarevich N.V. (2021) *Zhurnal Novoj ekonomicheskoy associacii*, no. 3 (51), pp. 208—218 [in Rus].
5. Kolin K.K. (2014) *Strategicheskie prioritety*, no. 1, pp. 6-30 [in Rus].
6. Makroekonomicheskie efekty pandemii COVID-19 i perspektivy vosstanovleniya ekonomiki [Macroeconomic effects of the COVID-19 pandemic and prospects for economic recovery] N. V. Akindinova, E. F. Baranov, V. A. Bessonov and etc.; *Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki»*. Moscow, Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2021. 96 p. [in Rus].
7. Mil'chakov M.V. (2021) *Finansovyy zhurnal*, vol. 13, no. 2, pp. 93—113 [in Rus].
8. Otchet gubernatora Chelyabinskoy oblasti o rezul'tatah deyatel'nosti Pravitel'stva Chelyabinskoy oblasti v 2020 g. [Report of the Governor of the Chelyabinsk Region on the results of the activities of the Government of the Chelyabinsk Region in 2020] Pravitel'stvo Chelyabinskoy oblasti, Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Chelyabinskoy oblasti. 2021. available at: <https://mineconom.gov74.ru/pokazateli> (accessed 20.02.2022) [in Rus].
9. Pandemiya COVID-19. Biologiya i ekonomika. Special'nyj vypusk: informacionno-analiticheskij sbornik [COVID-19 pandemic. Biology and Economics. Special Issue: Information and Analytical Collection] Mizincevoj M.F. (2020) VINITI RAN. Moscow, Izdatel'stvo Pero, 110 p. [in Rus].
10. Pandemiya COVID-19: Vyzovy, posledstviya, protivodejstvie [Pandemic COVID-19: Challenges, consequences, counteraction] A. V. Torkunov, S. V. Ryazancev, V. K. Levashov (2021) Moscow, Izdatel'stvo «Aspekt Press», 248 p. [in Rus].
11. Rossijskoe obshchestvo i gosudarstvo v usloviyah pandemii: social'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskoe razvitie Rossijskoj Federacii v 2020 godu [Russian society and the state in a pandemic: socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020] Osipov G.V.; pod red. G.V. Osipova, S.V. Ryazanceva, V.K. Levashova, T.K. Rostovskoj (2020). Moscow, ITD «PERSPEKTIVA», 532 p. [in Rus].
12. «Chernyj lebed'» v beloј maske. Analiticheskij doklad NIU VSHE k godovshchine pandemii COVID-19 [“Black Swan” in a white mask. HSE Analytical Report on the Anniversary of the COVID-19 Pandemic]. pod red. S. M. Plaksina, A. B. Zhulina, S. A. Farizovoj (2021); *Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki»*. Moscow, Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 336 p. [in Rus].
13. Acharya A., Wolfson C., Matta S. Lamba S., Bishai D. The Role of Public Health Expenditures in COVID-19 control: Evidence from Local Governments in England, «SSM — Population Health», no. 15:100861 [in Eng].
14. Anttiroiko A.-V. (2021). Successful government responses to the pandemic: Contextualizing national and urban responses to the Covid-19 outbreak in East and West. *International Journal of E-Planning Research*, 10 (2), 1-17 [in Eng].
15. Ciesielski M.M. Public Participation in Planning Processes Under the Confinement Regime: Perspectives of Municipality Urban Planning Offices in Poland. 2020. *DISP* 56 (4), pp. 34—41 [in Eng].
16. Engaging with global urban governance in the midst of a crisis Acuto, M. 2020 *Dialogues in Human Geography* 10(2), pp. 221-224 [in Eng].
17. Fekete K., Dombi G., Oláh M. Crisis management by local governments in the Lake Balaton Resort Area during the first wave of the Covid-19 pandemic, 2021, «Teruleti Statisztika», no. 61(3), pp. 337-355 [in Eng].
18. Public health in times of crisis: An overlooked variable in city management theories? Machado, C., Melina Nassif Mantovani Ribeiro, D., Backx Noronha Viana, A. 2021 *Sustainable Cities and Society* 66, 102671 [in Eng].
19. The COVID-19 pandemic: Impacts on cities and major lessons for urban planning, design, and management // *Science of the Total Environment* 749, 142391 [in Eng].
20. The role of local and regional authorities in prevention and control of NCDs: The case of Poland Tabaszewski, R. 2020 *BMC International Health and Human Rights* 20 (1), 17 [in Eng].
21. Yilmaz S., Boex J. Unleashing the potential of local governments in pandemic response. 2021. *Development in Practice* 31 (6), pp. 805—815 [in Eng].

For citing: Artemova O.V., Logacheva N.M., Savchenko A.N. The population's life quality during the pandemic: analysis of the current situation (as exemplified by the Chelyabinsk region) // *Socium i vlast'*. 2022. № 2 (92). P. 64—74. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-2-64-74. EDN: AWAVXI

UDC 332.12

EDN: AWAVXI

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-64-74

THE POPULATION'S LIFE QUALITY DURING THE PANDEMIC: ANALYSIS OF THE CURRENT SITUATION (AS EXEMPLIFIED BY THE CHELYABINSK REGION)

Olga V. Artemova,

Chelyabinsk branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Branch Director, Leading Researcher, Doctor of Economics, Professor. Chelyabinsk, Russia. E-mail: artemova.ov@uiec.ru

Natalia M. Logacheva,

Chelyabinsk branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher, Doctor of Economics, Associate Professor. Chelyabinsk, Russia. E-mail: logacheva.nm@uiec.ru

Anastasia N. Savchenko,

Chelyabinsk branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher, Cand. Sc. (Economics), Associate Professor. Chelyabinsk, Russia. E-mail: artemovaan@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article analyzes the current socio-economic situation in the region (Chelyabinsk region), which is characterized by negative changes caused by the COVID-19 pandemic. At the same time, the coronavirus crisis not only highlighted the existing problems and weaknesses of the socio-economic situation, but also exacerbated the basic accumulated problems in the region. The peak load on the economic, demographic, and social spheres (especially healthcare) in the Chelyabinsk region and other regions of the Russian Federation occurred in 2020. The measures taken by the state to support the population and businesses made it possible to stabilize the situation and avoid significant post-COVID losses. However, the spread of the pandemic continues, and external challenges for the country and regions are intensifying. In this regard, it is important to understand the essence of the ongoing socio-economic processes in the country and regions, to analyze and systematize the disparate

and multidirectional factors that determine the new reality.

In this regard, the authors formed problem groups, within which they considered the spheres of life, where the challenges and threats in connection with the pandemic have increased significantly. These included: a group designated as «Economics»; group «Demography», group «Standard of life». The increase in threats and danger in these areas due to the spread of COVID-19 has most affected the well-being of people, the deterioration in the quality of life, and the reduction in its duration.

To study the problems noted, the authors set a goal: based on analyzing the current socio-economic situation in the constituent entities of the Russian Federation, to identify threats to decreasing the population's quality of life during the pandemic and propose measures to overcome the negative post-COVID consequences for the region's residents.

Methods. The information base was the statistical data of Federal State Statistics Service, information from the report of the Governor of the Chelyabinsk Region for 2020. The authors use the following methods: content analysis of scientific sources, grouping of risk factors during the pandemic, analysis of statistical indicators and data obtained from the results of monitoring the region.

The scientific novelty of the study lies in the development of an original algorithm for express analysis of the current socio-economic situation in the region during the pandemic for prompt response and relief by the authorities of the threats associated with the spread of the pandemic. It (algorithm) includes the selection of the most vulnerable areas in terms of living conditions and well-being of people; grouping risk factors in these areas and determining their impact on the level and quality of life; analysis of indicators (planned and actual) for 2019-2020 in relation to the groups «Economics»; «Demography», «Social sphere» to determine the impact of adverse factors and to identify the strengthening of the pandemic impact on the population's quality of life in the region.

Results and conclusions. The authors carried out the content analysis of domestic and foreign scientific literature on the research topic, specified the conceptual tools of the study, proposed grouping the main problems in the region's socio-economic space, which have aggravated during the pandemic. In accordance with the grouping, an analysis of the current situation in terms of the economic state of the regional economy, the demographic situation and the level of well-being of the population of the region was carried out. The authors proposed measures to overcome the negative post-COVID consequences in the Chelyabinsk region. The analysis shows that the current socio-economic situation in the region continues to be difficult. Basic problems that were not solved at the previous stage of development are intensified in connection with the pandemic crisis. In crisis conditions, it is necessary to concentrate the efforts of the authorities, business, and the population on reducing risks and maintaining an appropriate level and the population's quality of life in the region.

Keywords:

the population's life quality, standards of living, region, pandemic, regional economy, demographic situation, external challenges

Для цитирования: Зозуля О. Ю.,
Клебанов И. И. Художественное творчество
как инструмент для достижения
целостности человека //
Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 75—82.
DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-75-82.
EDN: BYUQTG

УДК 101.1-9

EDN: BYUQTG

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-75-82

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Зозуля Ольга Юрьевна,
Челябинский государственный
институт культуры,
кафедра декоративно-прикладного искусства,
доцент,
кандидат педагогических наук.
Челябинск, Россия.
E-mail: zolgay@yandex.ru

Клебанов Игорь Иосифович,
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский
университет),
кафедра системного программирования, доцент,
старший научный сотрудник, кандидат
физико-математических наук.
Челябинск, Россия.
E-mail: klebanov.igor2010@yandex.ru

Аннотация

Введение. Одна из важнейших экзистенциальных проблем человека — проблема обретения внутренней целостности. Главным инструментом для решения этой задачи всегда были религиозные и (более широко) духовные практики, ставшие труднодоступными для представителей европейской культуры в связи с разрушением традиционного общества. В начале XX века в качестве одной из альтернатив духовной практики появляются художественные произведения неклассического типа, помогающие их создателю решить проблему «самосборки». В настоящей статье рассматриваются такого рода

произведения в разных областях искусства с точки зрения прикладной философии.

Цель. Показать работу художественного произведения как инструмента самопознания и «самосборки автора» на примерах из разных областей искусства.

Методы. Методологическую основу исследования составили теория дискретности экзистенциального времени Декарта, концепция жизни как усилия во времени (Мамардашвили, Пруст), концепция «внеприродности» феномена человека (Мамардашвили).

Научная новизна исследования. Показана универсальность техники «самосборки» путем создания художественного произведения неклассического типа. Установлена роль пространства живых цветовых форм как инструмента природосообразной «самосборки» человека. Поставлена задача практического применения рассмотренной техники в работе со студентами творческих специальностей.

Результаты.

1. Показано, что художественное произведение как инструмент обретения внутренней целостности автора возможно не только в области литературы («поток сознания»), но и в кинематографе, музыке и живописи.
2. Показано, что художественное произведение может быть не только инструментом «самосборки», но и орудием саморазрушения.
3. Показано, что инструментом природосообразной «самосборки» может быть пространство живых цветовых форм.

Выводы. Художественное творчество в любой области искусства может быть не только формой самовыражения автора, но и эффективным инструментом для достижения целостности внутреннего мира автора и читателя (зрителя), работающего с произведением как записью процесса «работы сознания».

Ключевые слова:

самопознание,
собрание себя,
целостность,
поток сознания,
цветовая форма

Введение

Одна из важнейших экзистенциальных проблем европейской культуры XX—XXI вв. — отсутствие внутренней целостности человека. Приведем два характерных высказывания на этот счет крупных мыслителей первой и второй половины прошлого столетия.

«Человек — это машина. Все его дела, поступки, слова, мысли, чувства, убеждения, мнения и привычки суть результат внешних влияний, внешних впечатлений. Из самого себя человек не в состоянии произвести ни одной мысли, ни одного действия. Все, что он говорит, делает, думает, чувствует, — все это случается. Человек не может что-то открыть, что-то придумать. Все это случается. Установить этот факт для себя, понять его, быть убежденным в его истинности — значит избавиться от тысячи иллюзий о человеке, о том, что он якобы творчески и сознательно организует собственную жизнь и так далее. Ничего подобного нет. Все случается: народные движения, войны и революции, смены правительств — все это случается. И случается точно так же, как случается в жизни индивидов, когда человек рождается, живет, умирает, строит дома, пишет книги — не так, как он хочет, а так, как случается. Все случается. Человек не любит, не желает, не ненавидит — все это случается. Но никто не поверит вам, если вы скажете ему, что он не может ничего делать. Это самая оскорбительная и самая неприятная вещь, какую только вы можете высказать людям. Она особенно неприятна и оскорбительна потому, что это истина, а истину никто не желает знать». (Г. Гурджиев [26]).

«Мы ведь на уровне нашей интуиции знаем, что не все живо, что кажется живым. Много из того, что мы испытываем, что мы думаем и делаем, мертво. Мертво (в простом, начальном смысле...), — потому что подражание чему-то другому — не твоя мысль, а чужая. Мертво, потому что — это не твое подлинное, собственное чувство, а стереотипное, стандартное, не то, которое ты испытываешь сам. Нечто такое, что мы только словесно воспроизводим, и в этой словесной оболочке отсутствует наше подлинное, личное переживание. Хочу подчеркнуть, что мертвое не в том мире существует, не после того, как мы умрем, — мертвое участвует в нашей жизни, является частью нашей жизни. Философы всегда знали (например, Гераклит), что жизнь есть смерть и т. д... Тем самым философы говорят, что жизнь в

каждое мгновение переплетена со смертью. Смерть не наступает после жизни — она участвует в самой жизни. В нашей душевной жизни всегда есть мертвые отходы или мертвые продукты повседневной жизни. И часто человек сталкивается с тем, что эти мертвые отходы занимают все пространство жизни, не оставляя в ней места для живого чувства, для живой мысли, для подлинной жизни» (М. Мамардашвили [11]).

«Диагноз» предельно точный, но в чем причина? На наш взгляд, ответ дан в серии работ Мамардашвили [10—16] и заключается в том, что феномен человека не имеет природных оснований. Для поддержания «человеческого состояния» и ощущения себя живым нужны «искусственные органы», создаваемые самими же человеческими существами. Кроме того, воспроизводство «человеческого состояния» возможно только в особом роде «пространство-времени», структурирующем человека. От себя добавим, что само это пространство-время меняется в ходе истории. На протяжении нескольких тысячелетий «систему координат» задавала традиционная культура, основанная на религиозных и (более широко) духовных практиках (Яркий пример — роман И. Шмелева «Лето господне» [27], описывающий жизнь людей в пространстве и «закольцованном» времени ортодоксальной православной традиции). Разрушение традиционной культуры, особенно ярко проявившееся в европейской истории, разрушило и «структурирующее пространство», вне которого человек механистичен и мертв. Выход из создавшегося «экзистенциального тупика» каждый современный человек вынужден искать самостоятельно на свой страх и риск, но в любом случае проблема решается путем обращения к той или иной духовной или философской [1: 2] практике.

Одной из разновидностей таких практик является возникшее в Европе на рубеже XIX—XX вв. художественное творчество, «продукт» которого является инструментом самопознания и «самосборки» автора. Экзистенциальные задачи решаются в «пространстве текста». Появившись вначале в области литературы в виде текстов «потока сознания», этот вид творчества быстро проник практически во все области искусства (кинематограф, музыку, живопись).

В цикле лекций [11] М. Мамардашвили всесторонне рассмотрел с этих позиций роман М. Пруста «В поисках утраченного времени» [18—24]. В нашей статье мы покажем работу произведения искусства как инструмента обретения целостности человека

в разных областях творчества (до сих пор изучалась в основном область литературы)

Литература

До начала XX века любое литературное произведение представляло собой историю, рассказываемую автором читателю. История могла быть простой или сложной, автор мог развлекать читателя или «вплетать» в ткань истории собственные психологические проблемы, излагать в художественной форме политические, религиозные или иные идеи, но в любом случае предполагался сюжет, последовательно развивающийся во времени. В XX веке появляются авторы, разрушающие эту устоявшуюся традицию, создавая новый жанр-текст «потока сознания». Самые известные авторы романов нового типа — Пруст, Музиль, Джойс и Фолкнер [4; 17—25]. Текст создается не для того, чтобы рассказать о чем-либо читателю, а является инструментом самопознания автора, который в процессе создания текста осознает свои проблемы, «болевы́е точки», точки остановки в духовном развитии, страхи, комплексы и т. п. В тексте «сжигается мусор сознания», мертвые структуры, расчищается пространство для живого, обретается целостность. По сути герой как таковой в начале отсутствует и «рождается» в конце романа благодаря проделанной автором «работе сознания». Для читателя текст имеет ценность как запись осуществленной «философской практики», которая в принципе доступна любому человеку, обладающему достаточным уровнем интеллекта и смелости.

Роман Пруста «В поисках утраченного времени» — наиболее яркий пример записи «работы сознания». У Пруста по сути одна «картезианско-буддийская тема» — пробуждение от сна и пребывание «здесь и сейчас». Картезианским здесь является представление о дискретности экзистенциального времени [3; 12], согласно которому из того, что я существую в момент времени А не следует, что я буду существовать в момент времени В. Для этого необходимо либо «непрерывное творение» (Бог), либо мое личное «экзистенциальное усилие». И в том, и в другом случае мое сознание должно быть бодрствующим и «работающим». Утраченное время есть время пребывания в «спящем состоянии», когда «неотработанные» сознанием события ушли в небытие, и воскресить их возможно только создав текст.

На трех тысячах страниц идет поиск утраченных моментов, в которые можно было жить осознанно и полно. Десятки, а

иногда и сотни страниц пишутся ради одной «вспышки истины». В результате безымянный герой, например, начинает понимать (а для этого необходимо мужество), что он не взрослый человек, а инфантильный эгоцентрик, чувствующий себя комфортно не в мире людей, а в мире произведений искусства, и это определяет многие проблемы его жизни. Достигнув такого понимания, герой получает возможность «вырасти» и чувствовать себя живым. А начинается работа с «пустяка». Герой ест пирожное «мадлен» и... *«В то самое мгновение, когда глоток чаю с крошками пирожного коснулся моего неба, я вздрогнул, пораженный необыкновенностью происходящего во мне. Сладостное ощущение широкой волной разлилось по мне, казалось без всякой причины. Оно тотчас же наполнило меня равнодушием к превратностям жизни, сделало безобидным ее невзгоды, прозрачной ее скоротечности, вроде того, как это делает любовь, наполняя меня некой драгоценной сущностью: или, вернее, сущность эта была не во мне, она была мною. Я перестал чувствовать себя непосредственным, случайным, смертным. Откуда ко мне могла прийти эта могучая радость? Я чувствовал, что она была связана со вкусом чаю и пирожного, но она безмерно превосходила его, она должна была быть иной природы. Откуда же приходила она? Что она означала? Где схватить ее? Я нью второй глоток, в котором не нахожу ничего больше того, что содержалось в первом, нью третий, приносящий мне немножко больше, чем второй. Пора остановиться, сила напитка как будто слабеет. Ясно, что истина, которую я ищу, не в нем, а во мне... Как в ту минуту, когда я распробовал Маделен, тревоги о будущем и интеллектуальные сомнения рассеялись. И даже те, которые относились к моим литературным дарованиям и реальности литературы как таковой, только что мучившие меня, испарились словно по волшебству. Не было никаких новых рассуждений, я не отыскал новых решительных аргументов, а препятствия, только что неодолимые, потеряли свое значение. Но на этот раз я решил не смиряться, что мною так и не понята природа этого действия...»* (выделено авторами статьи) [18].

А дальше начинается напряженная работа по «раскручиванию» того, что на самом деле стоит за чувством радости. Момент не упущен (!) и происходит движение к истине. В результате в финале романа герой «жив», а люди, в свое время значимые для него, но не взявшие на себя труд самопознания, «мертвы». (Имеется в виду

«бал теней» в последней книге «Обретенное время» [24].

Таким образом, текст является пространством, в котором возможно решить задачу самопознания и «самосборки», неразрешимую в пространстве обыденной жизни. Кстати, в математике давно известно, что одна и та же задача может быть разрешимой или неразрешимой в зависимости от того, в каком пространстве ее пытаются решить. Например, «детская» задача собирания четырех одинаковых равносторонних треугольников из шести спичек на плоскости неразрешима, а в трехмерном пространстве решается элементарно (треугольники-грани тетраэдра). Или решение квадратного уравнения с отрицательным дискриминантом. На вещественной числовой прямой решений нет, а на комплексной плоскости есть. И в том, и в другом случае для разрешимости задачи пришлось перейти в пространство с большей размерностью. Образно говоря, пространство текста всегда имеет более трех измерений, и геометрия его неевклидова.

Еще более радикально отличается от классического текст Р. Музиля. Приведем в качестве примера начало романа «Человек без свойств»:

«Над Атлантикой была область низкого атмосферного давления; она перемещалась к востоку, к стоявшему над Россией антициклоном, и еще не обнаруживала тенденции обойти его с севера. Изотермы и изотеры делали свое дело. Температура воздуха находилась в надлежащем отношении к среднегодовой, к температуре самого холодного и самого теплого месяца, а также к непериодическому месячному колебанию температуры. Восход и заход Солнца, Луны, фазы Луны, Венеры, колец Сатурна и многие другие значительные явления соответствовали прогнозам в астрономических календарях. Водяные пары в воздухе совсем рассеялись, и влажность воздуха была невелика. Короче говоря, — и этот оборот речи, хотя он чуть старомоден, довольно точно определит факты, — стоял прекрасный августовский день 1913 года.

Автомобили вышмыгивали из узких, глубоких улиц на отмели светлых площадей. Пешеходы тянулись темными мгlistыми потоками. Там, где их вольную поспешность перерезали более мощные скорости, они утолщались, текли затем быстрее и, немного попетляв, опять обретали свой равномерный пульс. Сотни звуков сливались в могучий гул, из которого поодиночке выступали вершины, вдоль которого тянулись и снова сходили на нет бойко выпиравшие ребра, от

которого откальвались и отлетали звонкие звуки. По этому шуму, хотя особенность его описанию не поддается, человек после многолетнего отсутствия с закрытыми глазами узнал бы, что он находится в имперской столице Вене» [17].

В начале не существует не только героя, но и «точки события». Сначала автор и читатель определяются во времени (август 1913 года), затем в пространстве (город Вена), и только потом начинается роман... В тексте появляется не только герой, но и пространство-время!

Литература XX века содержит и обратный пример, когда строится текст, ведущий не к обретению целостности, а к саморазрушению. Мы имеем в виду романы Ф. Кафки, построенные по принципу «дурного сновидения». Как известно, физиологическая функция сновидения состоит в том, чтобы человек продолжал спать. Вместо того, чтобы увидеть реальность и «проснуться», герои Кафки, не имеющие для этого достаточной смелости (как, впрочем, и автор), продолжают бесконечный и бессмысленный бег в пространстве сна, и в конце концов погибают («Процесс» [9]). А проделав «прустовскую работу», увидели бы, что имеют дело всего лишь с химерами своего сознания.

Кинематограф

В кинематографе XX века «прустовский взгляд» появился в основном благодаря творчеству Ф. Феллини, И. Бергмана и А.Тарковского. Самый известный «фильм-инструмент» — «8,5» Феллини (1963).

История создания и названия фильма такова. Феллини переживает творческий кризис. Он снял 6 самостоятельных полнометражных картин, одну картину в соавторстве (половина фильма) и 2 короткометражные ленты, которые режиссер приравнивает к одному полнометражному фильму. Таким образом, по собственному шутливому выражению, он является автором 7,5 фильмов.

Феллини хочет начать съемку нового фильма, но что-то, неясное для режиссера, мешает творческому процессу, и, чтобы выйти из тупика, Феллини принимает гениальное решение. Он начинает снимать фильм о том, как кинорежиссер Гвидо Ансельми (его играет М. Мastroяни) ... не может приступить к съемкам фильма (!). Фильм получает название «8,5», что означает всего лишь «номер» картины в списке работ Мастера и не настраивает зрителя на какой-либо определенный сюжет.

В течение почти 2,5 часов экранного времени главный герой пытается разобраться в собственных «блокировках», вспоминает детство, учебу в авторитарной католической школе, свои отношения с матерью и женой, конфликты с коллегами и критиками... Зритель видит нелегкую для восприятия картину, в которой реальные события неоднократно сменяются фантазиями и сновидениями героя, иногда с трудноуловимыми переходами. В финале отчаявшийся режиссер, мысленно уже «проигравший» сцену самоубийства, вдруг вспоминает эпизод из своего детства-встречу с весело марширующими цирковыми клоунами (реальный эпизод из биографии Феллини, когда пятилетний Федерико ушел из города с бродячим цирком и был с трудом найден родителями и полицией). И все становится на свои места. Находится утерянная в суете взрослого существования «живая точка», дающая энергию для творчества. Оказывается, в душе режиссера (он прямо об этом скажет) накопились те самые «мертвые отходы», которые заняли все жизненное пространство, не оставляя места для радости и творчества.

Видеоряд сопровождается гениальным саундтреком Нино Рота («Марш клоунов»), в котором присутствуют, периодически сменяя друг друга, три темы-бесконечного и бессмысленного бега, мучительного поиска «живой точки» и радости бытия после ее обретения.

Финал фильма Феллини гораздо оптимистичнее финала романа Пруста. Если «собранный себя» Марсель попадает на «бал мертвецов», то Гвидо Ансельми попадает на «праздник жизни». Жизненное время Марселя почти истекло, а у Гвидо (и Феллини) начинается новая жизнь. Режиссер выходит на площадку, он готов дать команду «Мотор!», но необходимости в этом уже нет, поскольку фильм снят! Художник обретает себя, а в качестве «побочного продукта» снимается один из лучших фильмов всех времен и народов.

Живопись

Помимо художественного текста и фильма, инструментом «самосборки» может быть и произведение живописи или графики. В начале XX века почти одновременно с романами «потока сознания» возникают такие направления как абстракционизм, кубизм и супрематизм. Художники этих направлений, в отличие от «классиков» также не рассказывают зрителю человеческие истории (как, например, Суриков или Федотов) и не пока-

зывают «красоту мира» (Левитан, Шишкин), а создают особого рода пространство, позволяющее зрителю войти в состояние сознания, необходимое для преобразования себя.

Канонический пример — «Черный квадрат» Малевича. Чтобы понять «инструментальность» этой картины, необходимо в течение длительного времени смотреть на нее, не пытаясь давать каких-либо интерпретаций. Тогда возникает иллюзия «пульсирующего пространства» (квадрат то удаляется, то приближается). Созерцая «пульсирующее пространство», можно войти в состояние, близкое к медитативному... На этом «работа» картины завершается. Остальное зависит от индивидуальных особенностей зрителя.

В принципе в качестве «инструмента самосборки» может выступать и картина вполне «классического» образца. В качестве первого примера рассмотрим картину Н. Рериха «Небесный бой», на которой изображена перенесенная во внешний мир напряженная борьба Света и Тьмы, происходящая во внутреннем мире человека. Несмотря на сгустившиеся облака Тьмы, Свет уже заливал горизонт, рассеивая Тьму и занимая позицию высоты, которая в конечном итоге приведет к победе. Картина дает надежду зрителю, совершающему тяжелую «работу сознания».

В качестве второго примера рассмотрим картину известного башкирского художника А. М. Кудрявцева (1925—2000) «Ромашковый взгляд», на которой с помощью языка цветных форм и оригинальной композиции создается «собирающее» автора и зрителя пространство. Под цветовыми формами мы понимаем «изображения объектов окружающей природной и общественной среды человека, выраженные в обобщенно-условной форме, передающей содержательные особенности этих объектов» [8]. Содержательная цветовая форма, обладающая яркими признаками жизненности (в отличие от искусственных мертвых форм!) является эффективным инструментом «самосборки» творческой личности, поскольку вдохновляет и окрыляет творца, дает возможность найти «живую точку».

На картине мы видим целостный мир, символично представленный в виде поля цветов. Главными «героями» являются ромашки, поворотом цветка (головы!) символизтирующие *людей* с разным уровнем духовного развития и соответствующими взглядами на жизнь («взгляд») (цветок) либо чуть-чуть приоткрыт, либо широко открыт,

одни цветы смотрят на землю, другие — в небо). Рядом с ромашками находятся и другие полевые цветы, и разнотравье, все богатство цветочного поля. Изображенный мир устроен гармонично, всему найдено свое место, все самоценно, но никто из «героев» не претендует на особую главенствующую роль. В картине три плана-передний, средний и дальний (горизонт, соединяемый с голубым небом и белыми облаками). Согласно символике образов и цветов [7] ромашка олицетворяет сочетание душевной чистоты и искренности, горизонт-устремленность к неизвестному, белый цвет — устойчивый символ чистоты духа.

Зрителю, «входящему» в картину, задаются безмолвные вопросы: «А какой ромашкой являешься ты? Готов ли ты жить в этом мире, не разрушив его гармонии? Достаточно ли ты гармоничен для этого?» ... Картина создает пространство для природосообразной «самосборки» в соответствии с творческим кредо автора. «Жизнь — священные знаки. Они — в цветах, деревьях, камнях, в волнах, на облачных сводах, при свете солнца, луны, костра. Мощь спокойной силы. Почувствуй, как художник, что тут надо, и наступит очарование» [8, с. 44].

Заключение

На материале из различных областей искусства показано, что художественное произведение как инструмент обретения внутренней целостности автора возможно не только в области литературы («поток сознания»), но и в кинематографе, музыке и живописи. Показано также, что художественное произведение может быть не только инструментом «самосборки», но и орудием саморазрушения. Установлено, что инструментом природосообразной «самосборки» является пространство живых цветовых форм.

В серии наших работ [5—7] были даны рекомендации по применению философских практик консультирования и герменевтического анализа произведения искусства в работе со студентами творческих специальностей. Поскольку создание и анализ «текста самосборки» также является разновидностью философской практики, было бы интересным исследовать возможности включения таких текстов (в широком смысле слова под текстом может пониматься и картина) в арсенал художника-педагога. Это будет предметом наших дальнейших исследований.

1. Борисов С. В. Эпистемология наивного философствования. М., 2007. — 368 с

2. Борисов С. В. Философская практика в современном мире: вызовы и ответы. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2019. — 232 с.

3. Декарт Р. Разыскание истины СПб. : Азбука, 2000. 120 с.

4. Джойс Д. Уэйк Финнеганов Тверь : KOLONNA Publications, 2000. 128 с.

5. Зозуля О. Ю., Зозуля Ю. И., Клебанов И. И. Теория и практика логико-семантического моделирования и философского консультирования в педагогической работе с молодыми художниками часть 1 // Социум и власть, 2017. № 2 (64). С. 113—117.

6. Зозуля О. Ю., Зозуля Ю. И., Клебанов И. И. Теория и практика логико-семантического моделирования и философского консультирования в педагогической работе с молодыми художниками. Ч. 2 // Социум и власть, 2017. № 3 (65). С. 135—139.

7. Зозуля О. Ю., Зозуля Ю. И., Клебанов И. И. Теория и практика логико-семантического моделирования и философского консультирования в педагогической работе с молодыми художниками. Ч. 3 // Социум и власть, 2017. № 6. С. 125—130.

8. Зозуля О. Ю. Развитие творческой личности в коллективе молодых художников. Уфа : Башкортостан, 2012. С. 64.

9. Кафка Ф. Избранное: сборник : пер. с нем. М. : Радуга, 1989. 576 с.

10. Мамардашвили М. К. Опыт физической метафизики. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 304 с.

11. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. М. : АСТ, 2016. С. 5.

12. Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. М. : Прогресс-Культура, 1993. 352 с.

13. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М. : Лабиринт, 1994. 90 с.

14. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание: метафизические рассуждения о сознании, символике, языке. М. : Школа «Языки рус. культуры», 1999. 216 с.

15. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М. : Моск. шк. полит. исследований, 2000. 414 с.

16. Мамардашвили М. К. Кантианские вариации. М. : Аграф, 1997. 309 с.

17. Музиль Р. Человек без свойств : роман. М. : Ладомир, 1994.

18. Пруст М. По направлению к Свану / пер. с фр. Н. М. Любимова. СПб. : Амфора, 1999. С. 20.

19. Пруст М. Под сенью девушек в цвету / пер. с фр. Н. М. Любимова. СПб. : Амфора, 1999. 607 с.

20. Пруст М. У Германтов / пер. с фр. Н. М. Любимова. СПб. : Амфора, 1999. 665 с.

21. Пруст М. Содом и Гоморра / пер. с фр. Н. М. Любимова. СПб. : Амфора, 1999. 671 с.

22. Пруст М. Пленница / пер. с фр. Н. М. Любимова. СПб. : Амфора, 1999. 527 с.

23. Пруст М. Беглянка / пер. с фр. Н. М. Любимова (прилож. Л. М. Цывьяна). СПб. : Амфора, 2000. 391 с.

24. Пруст М. Обретённое время / пер. с фр. А. Н. Смирновой. СПб. : Амфора, 2001. 382 с.

25. Фолкнер У. Звук и ярость М. : АСТ, 2016. 416 с.

26. Успенский П. Д. В поисках чудесного. М. : Энигма, 2019. С. 120.

27. Шмелев И. С. Лето Господне : повесть. М. : Синергия, 1998. 446 с.

References

1. Borisov S.V. (2007) Epistemologiya naivnogo filosofstvovaniya. Moscow, 368 p. [in Rus].

2. Borisov S.V. (2019) Filosofskaya praktika v sovremennom mire: vyzovy i otvety. Chelyabinsk, Izdatel'skij centr YUUrGU, 232 p. [in Rus].

3. Dekart R. (2000) Razyskanie istiny St. Petersburg, Azbuka, 120 p. [in Rus].

4. Dzhojs D. (2000) Uejk Finneganov Tver': KOLONNA Publications, 128 p. [in Rus].

5. Zozulya O.Yu., Zozulya Yu.I., Klebanov I.I. (2017) Teoriya i praktika logiko-semanticheskogo modelirovaniya i filosofskogo konsultirovaniya v pedagogicheskoj rabote s molodymi hudozhnikami chast' 1. *Socium i vlast'*, no. 2 (64), pp. 113-117 [in Rus].

6. Zozulya O.YU., Zozulya YU.I., Klebanov I.I. (2017) Teoriya i praktika logiko-semanticheskogo modelirovaniya i filosofskogo konsultirovaniya v pedagogicheskoj rabote s molodymi hudozhnikamii chast' 2. *Socium i vlast'*, no. 3 (65), pp. 135-139 [in Rus].

7. Zozulya O.YU., Zozulya YU.I., Klebanov I.I. (2017) Teoriya i praktika logiko-semanticheskogo modelirovaniya i filosofskogo konsultirovaniya v pedagogicheskoj rabote s molodymi hudozhnikamii chast' 3. *Socium i vlast'*, no. 6 (68), pp. 125-130 [in Rus].

8. Zozulya O.Yu. (2012) Razvitie tvorcheskoj lichnosti v kollektive molodyh hudozhnikov.

Ufa, GUP «Izdatel'stvo «Bashkortostan», p. 64 [in Rus].

9. Kafka F. (1989) Izbrannoe: Sbornik: Per. s nem. Moscow, Raduga, 576 p. [in Rus].

10. Mamardashvili M.K. (2009) Opyt fizicheskoy metafiziki. Moscow, Izd. «Progress-Tradiciya / Fond Meraba Mamardashvili, 304 p. [in Rus].

11. Mamardashvili M.K. (2016) Psihologicheskaya topologiya puti. Moscow, Izd. AST, p. 5 [in Rus].

12. Mamardashvili M.K. (1993) Kartezijskie razmyshleniya. Moscow, Progress—Kul'tura, 352 p. [in Rus].

13. Mamardashvili M.K. (1994) Klassicheskij i neklassicheskij idealy racional'nosti. Moscow, Labirint, 90 p. [in Rus].

14. Mamardashvili M.K., Pyatigorskij A.M. (1999) Simvol i soznanie: Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike, yazyke. Moscow, SHkola «Yazyki rus. kul'tury», 216 p. [in Rus].

15. Mamardashvili M.K. (2000) Estetika myshleniya. Moscow, Mosk. shk. polit. issledovaniy, 414 p. [in Rus].

16. Mamardashvili M.K. (1997) Kantianskie variacii. Moscow, Agraf, 309 p. [in Rus].

17. Muzil' R. (1994) CHelovek bez svojstv: roman. Moscow, Nauchno-izdatel'skij centr «Ladimir» [in Rus].

18. Prust M. (1999) Po napravleniyu k Svanu / per. s fr. N. M. Lyubimova. St. Petersburg, Amfora, p. 20 [in Rus].

19. Prust M. (1999) Pod sen'yu devushek v cvetu / per. s fr. N. M. Lyubimova. St. Petersburg, Amfora, 607 p. [in Rus].

20. Prust M. (1999) U Germantov / per. s fr. N. M. Lyubimova. St. Petersburg, Amfora, 665 p. [in Rus].

21. Prust M. (1999) Sodom i Gomorra / per. s fr. N. M. Lyubimova. St. Petersburg, Amfora, 671 p. [in Rus].

22. Prust M. (1999) Plennica / per. s fr. N. M. Lyubimova. St. Petersburg, Amfora, 527 p. [in Rus].

23. Prust M. (2000) Beglyanka / per. s fr. N. M. Lyubimova (prilozh. L.M. Cuv'yana). St. Petersburg, Amfora, 391 p. [in Rus].

24. Prust M. (2001) Obretyonnoe vremya / per. s fr. A. N. Smirnoj. St. Petersburg, Amfora, 382 p. [in Rus].

25. Folkner U. (2016) Zvuk i yarost' Moscow, Izd. AST, 416 p. [in Rus].

26. Uspenskij P.D. (2019) V poiskah chudsnogo. Moscow, Enigma, p. 120 [in Rus].

27. SHmelev I.S. (1998) Leto Gospodne: povest'. Moscow, Sinergiya, 446 p. [in Rus].

For citing: Zozulya O. Yu., Klebanov I.I.
Artistic creativity as a tool
for achieving human integrity //
Socium i vlast'. 2022. № 2 (92). P. 75—82.
DOI: 10.22394/1996-0522-2022-2-75-82.
EDN: BYUQTG

UDC 101.1-9

EDN: BYUQTG

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-75-82

ARTISTIC CREATIVITY AS A TOOL FOR ACHIEVING HUMAN INTEGRITY

Olga Yu. Zozulya,

Chelyabinsk State Institute of Culture,
Department of Decorative Arts,
Associate Professor,
Cand.Sc. (Education)
Chelyabinsk, Russia
E-mail: zolgay@yandex.ru

Igor I. Klebanov,

South Ural State University (National Research Uni-
versity), Department of System Programming,
Associate Professor, Senior Researcher,
Cand.Sc. (Physics and Mathematics),
Chelyabinsk, Russia
E-mail: klebanov.igor2010@yandex.ru

Abstract

Introduction. One of the most important exist-
tential problems of a person is the problem of
gaining inner integrity. The main “tool” for solving
this problem has always been religious and (more
widely) spiritual practices, which have become dif-
ficult for representatives of European culture due
to the destruction of traditional society. At the be-
ginning of the 20th century, non-classical works of
art appeared as one of the alternatives to spiritual
practice, helping their creator to solve the problem
of “self-construction”. This article discusses such
works in various fields of art from the point of view
of applied philosophy.

The purpose of the paper is to show the role of an
art work as a tool for self-knowledge and “self-con-
struction of the author” using the examples from
different areas of art.

Methods. The methodological basis of the study
was the theory of discreteness of existential time
by Descartes, the concept of life as an effort in time
(Mamardashvili, Proust), the concept of “out of na-
ture” of the human phenomenon (Mamardashvili).

Scientific novelty of the research. The universal-
ity of the “self-construction” technique is shown by
creating a work of art of a non-classical type. The
role of the space of color forms as a tool of nature-
like “self-construction” of a person is established.
The authors set the task to apply the considered
technique when working with students of creative
specialties in practice.

Results.

1. It is shown that a work of art as a tool for gaining
the inner integrity of the author is possible not only
in the field of literature
 (“stream of consciousness”), but also in cinema,
music and painting.
2. It is shown that a work of art can be not only a
tool of “self-construction”, but also a tool of self-
destruction
3. It is shown that the space of living color forms
can be an instrument of nature-like “self-construc-
tion”.

И. Artistic creativity in any field of art can be not
only a form of the author’s self-expression, but
also an effective tool to achieve the integrity of the
inner world of the author and the reader (viewer),
working with a piece of art as a record of the “work
of consciousness”.

Keywords:

self-knowledge,
picking yourself up,
integrity,
stream of consciousness,
color form

Для цитирования: Богданова В. О.
Множественность интерпретаций
как способ самопознания //
Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 83—95.
DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-83-95.
EDN: GAEZGE

УДК 140.8

EDN: GAEZGE

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-83-95

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ КАК СПОСОБ САМОПОЗНАНИЯ¹

Богданова Вероника Олеговна,

Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
доцент кафедры философии и культурологии,
кандидат философских наук,
Южно-Уральский государственный университет,
старший научный сотрудник
научно-образовательного
центра практической и прикладной философии
Челябинск, Россия,
E-mail: verovictory@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме множественности интерпретаций художественного текста, который создает для читателя пространство диалога с автором и самим собой. В статье проводится анализ интерпретаций студентами стихотворения А. Э. Щербины «Письмо рыбе», рассматривается как посредством работы с текстом раскрывается «Я» интерпретатора. Автор статьи приходит к выводу, что множественность интерпретаций передает богатство художественного текста, его актуальность, приобретаемую в жизненном опыте читателей.

Ключевые слова:
герменевтика,
интерпретация,
конфликт интерпретаций,
принцип множественности интерпретаций,
рефлексия,
самопознание

Художественный текст относят к вторичной моделирующей системе, в которой отраженная реальность смешивается с авторским вымыслом [6, с. 128—130]. Взаимодействие читателя с художественным текстом осуществляется в форме диалога, который включает в себя три мыслительных процесса: интерпретацию, понимание и осмысление. Под интерпретацией, как правило, рассматривают процесс истолкования текста, в ходе которой реципиент приближается к пониманию замысла автора. По мысли Ю. И. Левина, следует проводить градацию понимания от первичного схватывания отдельных смыслов до осознания смысла текста в целом (неполное и полное), от селективного (детализованного) до обобщенного понимания. В качественном отношении понимание может быть неверным (неадекватным) и правильным (адекватным) [7, с. 585]. Переходя к осмыслению, реципиент формирует свое отношение к содержанию и смыслу текста, интегрирует открывшийся смысл в свою категориальную и ценностную систему. Осмысление предполагает рефлексивную работу над понятием смыслом, в процессе осмысления сознание субъекта становится самосознанием.

Отсутствие понимания говорит о том, что реципиент занимает оценочную позицию в отношении содержания текста, не выходя за рамки своих привычных представлений. Согласно Т. М. Дридзе, отсутствие понимания автора и переименование содержания текста говорит о нарушении коммуникации между реципиентом и автором. Индивид не готов воспринимать чужой опыт, поэтому транслирует собственные плоды рефлексии [4, с. 120].

В этом случае человек осуществляет беглый или выборочный анализ содержания текста с целью сопоставления его с собственными концептуальными структурами [1, с. 15]. При этом происходят апперцептивные и ассоциативные смысловые наложения, информация подвергается фильтрации. Реципиент обращает внимание на суждения, которые имеют для него ценность, хотя они могут быть периферийными в рассуждениях автора. Селективная работа сознания уподобляется действию психологических линз, которые увеличивают то, что имеет большее значение для читателя. При этом суждение автора, которые реципиент может отнести к категории несущественных, непонятных или неверных, просто игнорируются. Подобное чтение Д. Г. Артамонов называет скиммингом, здесь происходит сопоставление концептуальных структур текста с собственными

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», по теме «Смысложизненные ориентиры современной молодежи в цифровую эпоху: методология исследования», номер заявки ШК-04-2022/11 от 15.04.2022 г.

категориальными структурами. Концептуальные структуры получают развитие в мировоззренческих построениях читателя в актуальных для него направлениях. Содержание текста домысливается, происходит «контаминация» смыслов [1, с. 15].

Важно различать понятия «интерпретация» и «понимание». Если интерпретаций может быть множество, то правильное понимание позиции автора только одно [1, с. 16]. Однако понять, насколько интерпретация текста раскрывает мировоззренческую позицию автора, всегда проблематично. Толкование текста показывает индивидуальное восприятие произведения, раскрывающее систему ценностей самого интерпретатора. Данная система определяет поле исследования текста. При таком подходе уже не может идти речи о едином смысле произведения, поскольку каждый раз он меняется от читателя к читателю. Именно поэтому Х.-Г. Гадамер отмечает, что подлинный смысл произведения не может быть раскрыт полностью. Приближение к нему — бесконечный процесс. Интерпретатор в ходе работы ведет борьбу с замутнениями смысла, открывая для себя все новые источники понимания [3, с. 353].

Об искажении понимания замысла автора может сказать только сам автор, однако, как правило, он не сопровождает свое произведение интерпретацией. Кроме того, в процессе творчества не всему можно дать ясные объяснения. Поэтому до конца понять автора невозможно, но в процессе интерпретации его произведения можно приблизиться к этому пониманию.

Почему интерпретация не отражает в полной мере позицию автора? Во-первых, потому, что при прочтении субъектом отбираются только понятные и близкие по духу идеи автора. В этом случае понимаются лишь фрагменты произведения. Субъект самостоятельно эти фрагменты домысливает и делает неверные выводы.

Во-вторых, он соотносит новые смыслы автора со своими уже сформированными ценностными структурами. Ригидные категориально-ценностные структуры отбрасывают идеи, которые не вписываются в привычные личностные смыслы. В этом случае процесс интерпретации есть мысли самого индивида на поднятую автором тему. Авторский текст является основой для его собственного философствования.

В-третьих, интерпретатор будет истолковывать текст исходя из определенных близких ему теоретических взглядов. Они в свою очередь зависят от той культурной среды,

в которой находят благотворную почву. С одной стороны, герменевтический метод помогает понять исходный вербальный или культурный материал, опираясь на свойственные ему теоретические схемы и естественный язык, с другой — уникальность каждой новой интерпретации [5, с. 49].

В-четвертых, интерпретатор может проецировать собственные смыслы на содержание текста, приносить в него свои собственные идеи [1, с. 15]. При герменевтическом анализе текста всегда происходит объединение двух способов понимания. Смыслы, заложенные автором, переплетаются со смыслами интерпретатора. Осуществляется совместное сотворчество автора текста и читателя, результатом которого является рождение новых идей.

Все перечисленные факторы обуславливают множественность интерпретаций, все они связаны с индивидуальными особенностями интерпретатора и его жизненным опытом, в рамках которого происходит истолкование произведения. По мысли П. Рикера, множественность интерпретаций не является недостатком, скорее это достоинство, поскольку дает возможность показать столкновение и пересечение различных позиций и открыть смыслы, лежащие не на поверхности [8, с. 234]. Множественность интерпретаций одного и того же текста говорит о его богатстве, его актуальности для жизненного опыта реципиентов. Текст создает пространство диалога читателя с автором и с самим собой. Посредством общения с автором читатель раскрывает свое «Я», которое проявляет себя в процессе проживания открывающихся смыслов текста.

Реализация принципа множественности интерпретаций на примере стихотворения А. Э. Щербины «Письмо рыбе»

В работе «Открытое произведение» У. Эко анализирует коммуникативный потенциал произведения с точки зрения его восприятия зрителем. Автор стремится сообщить читателю замысел произведения. Посредством творчества он создает для реципиента коммуникативную ситуацию, ставит перед ним новые проблемы, с которыми он должен столкнуться посредством произведения. Читатель открывает для себя произведение автора в акте творческого единомыслия [11, с. 43]. Он воспринимает текст автора с позиции собственной экзистенциальной ситуации, которая создает для него

индивидуальную перспективу понимания. Текст стимулирует поиск самого сокровенного ответа на экзистенциальный вопрос, который всплывает из глубин сознания читателя. С одной стороны, произведение искусства имеет завершённую и замкнутую структуру, с другой стороны оно является открытым, поскольку даёт возможность толковать себя на тысячи ладов, не теряя своего неповторимого своеобразия. Открытость заключается в неоднозначности его толкования, в силу присущей ему поэтики «намёка». У. Эко отмечает, что в конечном итоге автор предлагает интерпретатору закончить произведение, его завершение будет осуществляться исходя из тех возможностей, которые были рационально организованы автором [11, с. 58—59]. Рассмотрим этот процесс на примере интерпретации произведения современного автора А. Э. Щербини «Письмо рыбе» студентами нескольких факультетов Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. Попробуем выявить, насколько широки возможности интерпретации текста и какие здесь можно обнаружить закономерности.

Данное произведение относится к жанру эпistolы. В переводе с греческого языка эпistolа означает послание, письмо. Особенностью жанра является доверительный, интимный тон обращения к адресату, которое может быть трогательным, наполненным нежностью. В качестве адресата выступает как человек, живое существо, так и неодушевленный предмет. Эпistolа выражает личные чувства и эмоции, поэтому в этом стиле нередко сочетается литературный и разговорный язык. Как в обычном письме, эпistolа содержит в себе начало, основную часть и концовку. Основная часть письма может включать в себя глубокие, искренние и проникновенные мысли, мучившие отправителя. В конце письма обычно передаются слова прощания, выражается надежда на ответ. Ниже приведено само произведение.

Письмо рыбе

Дорогая рыба! Пишу тебе, находясь гораздо ближе к поверхности, чем ты можешь представить. Расставаясь, ставлю чёрную метку на плавнике. Каждой клеточкой в дневнике размываю чернильные пятна своей привязанности. Чёрт-те как оправданный за недосказанностью улик, оказываюсь по ту сторону темноты. Видишь ли, из глубины еле видимый блик луны здесь обретает совсем не лишнюю функцию фонаря.

Дорогая рыба, я... пишу тебе, не слишком рассчитывая на ответ. Неизбежно прибывший от окружающих звуков акцент проявляется и на письме. Я как все: бестелесной сомнамбулой, видящей сны во сне, обучаюсь питаться воздухом, двигаться в пустоте, неестественной прежде, а нынче — вполне себе. Не вполне тебе. Ибо в этой, лишённой привычной упругости тел среде, постепенно стирается метка — та самая, чёрная, на плавнике. Дорогая рыба, мне... всё это кажется каким-то оптическим фокусом, опытом метаморфоз. Подчинённое точным сигналам сезонного времени тождество слов и поз позволяет вписаться в любой городской ландшафт. Шаг, завершающий каждый второй гештальт, по статистике, — шаг, порождающий каждый второй невроз. Город, где роза по осени пахнет экстрактом роз, источает особый, не видимый глазу парфюм, феромон, флюид, не опасный для местных, но пресно-смертельный для некоторых малоизученных видов людей и рыб. Дорогая рыба, ты б... и часу не продержалась на этой искусственно вспененной феном FM-волне — вне своих замкнутых раковин, страхов, коралловых мифов и фобий жемчужных вне. Если есть место, где день не похож на ночь, и за тенью бывает свет, а за светом — мрак, ты бы скорей свихнулась, но здесь это вправду так. И не иначе: помнишь — чуть выше, про город и запах роз? Знаю, что плакать не будешь: для тех, кто живёт под водой, не бывает слёз. Просто прочтёшь письмо и качнёшь плавником, если что-то ещё отзовется под тёмною толщей и зыбь твоих оправ... Завтра я стану сушей, ты — морем. Всё к лучшему, рыба... Не слушай меня — я прав [9, с. 30].

Интерпретация основана на принципиальной «открытости», многозначности художественного образа, который требует неограниченного множества толкований для полного выявления своей сути [12, с. 330]. В результате анализа работ студентов было выявлено разные направления толкования смысла произведения. Их можно объединить в следующие тематические группы: 1) любовная лирика; 2) самопознание и самотрансформация; 3) творчество; 4) связь с прошлым.

В своей работе мы исходим из того, что жизнь литературного произведения благодаря многообразию толкований становится более насыщенной. Каждая интерпретация обладает ценностью, даже если она удалена от понимания заложенного художественного смысла. Находясь в своей культурно-исторической ситуации, читатель

всегда открывает через произведение свой личный смысл, свою субъективную истину, которая значима для него в его жизненной ситуации. Рассмотрим, к каким личным открытиям пришли студенты, обратившись к данным интерпретациям, которые мы разделили на 4 группы.

Интерпретации, раскрывающие тему любви

«Произведение Александра Щербины «Письмо рыбе» вызывает чувство печали. Красивая, грустная мелодия настраивает слушателя на восприятие истории любви двух людей, которые когда-то были единым целым. Герой произведения пишет прощальное письмо своей возлюбленной. По содержанию письма видно, что его автор испытывает тяжелые душевные переживания из-за разлуки с любимой и переносит свои чувства на бумагу. Он страдает от терзающих воспоминаний, его беспокоит недосказанность в отношениях. В знак любви и привязанности он ставит «черную метку на плавнике», которая после расставания со временем стирается. Разлука становится для главного героя экзистенциальной ситуацией, которая разделила жизнь на «до» и «после». Пережив расставание, автор письма оказывается «по ту сторону темноты», но его жизнь после пережитой боли не становится полнее. Он чувствует потерянную и скованность. Он окружен пустотой, заново учится жить без возлюбленной. Утрата настолько сильно переживается героем, что он до конца не может поверить в происходящее, все кажется ему оптическим обманом.

Жизнь автора письма превращается в череду однообразных бессмысленных событий в токсичной и непригодной для существования среде. Адресант в своем послании отмечает, что городские условия, в которых он вынужден существовать, искусственны. В городе все прекрасное, природное заменяется химической эссенцией. Искусственная среда превращается в невыносимую реальность, смертельную для «некоторых малоизученных видов людей и рыб». К таким видам относится «дорогая рыба», которая из-за своей чувствительности не может жить в пресной и безжизненной среде. Возлюбленная, по словам автора, и часу бы не продержалась в обстановке серости и городской искусственности, в которой оказался главный герой.

У автора нет надежды на возвращение, это письмо ставит не только точку в отношениях, но и жизни главного героя. Последние

строки стиха приводят к мысли о его смерти: «...Завтра я стану сушей, ты — морем». Суши без моря не бывает, главный герой понимает, что не может научиться жить без возлюбленной в этом пустом мире, ее не заменит никакая другая женщина. «Письмо рыбе» — трагедия, которая глубоко передает боль человека, переживающего расставание. Наверное, эти переживания близки любому человеку, поскольку у каждого из нас есть свой опыт потерь, но у некоторых людей чувства настолько сильны, что им сложно вынести разлуку (Милена, факультет подготовки учителей начальных классов).

В данной интерпретации уделяется большое внимание чувствам автора письма, которые воспринимаются интерпретатором с большим участием. Присутствует установка на эмпатию и сопереживание, стремление посмотреть на ситуацию глазами автора, понять его эмоциональное состояние. Описание автором расставания с рыбой оценивается как вынужденная разлука, в результате которой главный герой оказывается в чуждой и враждебной среде. Эта среда была губительной для рыбы, она является тягостной и для автора. Интерпретация заканчивается мыслью об универсальности опыта расставания и потерь. Здесь реципиент смотрит на произведение уже с позиции собственного опыта.

Включенность в переживания главных героев произведения показывает и следующая интерпретация, проведенная группой студентов. Идеи, рожденные при анализе произведения, служат толчком для рефлексии о самом себе. Студенты ставят себя на место главной героини, домысливают ее возможное отношение к ситуации расставания.

«Главный герой пишет прощальное письмо своей возлюбленной, по мере его написания стираются черные пятна привязанности к рыбе. В письме он пишет, что сама встреча была оптическим фокусом. До нее их жизни шли параллельно друг другу, затем они временно соединились в одной точке. Эту встречу можно назвать судьбоносной, поскольку она стала началом духовных преобразований главного героя. Несмотря на глубокий опыт метаморфоз главного героя, создается впечатление, что его объединяет с возлюбленной несколько встреч. За их плечами есть яркая, но непродолжительная история влюбленности. Эта стадия начала любви, и уже на ней главному герою становится понятно, что их отношения обречены. Он понимает, что лучше расстаться, пока возлюбленная не привязалась к нему.

Автору письма кажется, что рыба ранима, она не сможет выдержать сильных переживаний. Возможно, автор письма боится, что рыбе придется понести невосполнимую потерю или принести жертву во имя любви. Ей придется покинуть привычный для нее мир или преодолеть какие-то трудные обстоятельства. Автор считает, что рыба к этому не готова. Она не может открыться новому опыту и измениться. На протяжении всего письма автор убеждает рыбу, что лучше не начинать отношения и расстаться. Это будет самым лучшим исходом для обоих. Автор хочет уберечь девушку от враждебного мира, в котором можно погибнуть или потерять себя. Однако сам автор письма в глубине души желает быть с рыбой. Об этом говорит фраза «Не слушай меня, я прав». Автор понимает, что это настоящая искренняя любовь, но своими чувствами к рыбе он готов пожертвовать, боясь плохого исхода для нее. Иногда человек может уходить не потому, что он разлюбил, а потому что так будет лучше для другого. Однако сложно согласиться с таким решением. Особенно когда оно осуществляется без участия возлюбленной. Может быть, дорогая рыба приняла бы эту любовь как дар. Если бы этот опыт отношений оказался разрушительным для нее, то она, пережив его, восстановилась бы заново. Главному герою и героине нужно было с головой нырять в отношения, и будь что будет. Необходимо было прожить чувства, их подавление оборачивается невротами» (групповая работа студентов факультета подготовки учителей начальных классов).

Интересные мысли были изложены относительно влияния среды на человека. В одной работе было отмечено, что «автор делит всех на людей на тех, кто смог приспособиться к среде, и тех, кто почувствовал на себе ее удушливое влияние. Первая категория людей не ощущает вреда для себя, вторая категория «людей и рыб» обречена на смерть. К ним относится и эта рыба. Когда автор пишет о том, что рыба не будет плакать, «для тех, кто живёт под водой, не бывает слёз», он дает нам понять, что его возлюбленная мертва. Возможно, ее смерть была ответом на предстоящую жизнь в губительной среде. Поскольку возлюбленная находится в ином мире, то автор пишет без надежды на ответ. Главный герой и рыба находят по разные стороны: он суша, она море (Валерия, факультет подготовки учителей начальных классов).

Были приведены интерпретации, в которых студенты пришли к мысли, что описанная история любви отдаленно напо-

минает содержание «Ромео и Джульетты» с измененной концовкой. Так, студенты написали, что «автор столкнулся с трагической ситуацией в своей жизни — со смертью возлюбленной. Черная метка на плавнике рыбы — это знак смерти, таким образом рыба находится уже в загробном мире. Сам автор письма, оставшись в земном мире, чувствует безысходность и потерянность. Чтобы оставить в прошлом рыбу, он пишет ей письмо. Обращаясь к любимой, автор вспоминает свое прошлое и описывает жизнь без нее. Раньше он жил полнокровной, насыщенной жизнью с любимым человеком, теперь его существование становится бессмысленным. Воспоминания о счастливом прошлом вызывает у героя горечь и отчаяние. Он как будто бы находится между миром живых и миром мертвых. Его воспоминания о рыбе выполняют роль проводника в мир мертвых, через которые возлюбленная зовет главного героя в свой мир. По описанию состояния автора письма становится понятно, что он прибывает в духовном вакууме, чувствует себя как сомнамбула, «видящая сны во сне». Он не может до конца принять смерть возлюбленной, можно сказать, что он закрыт для жизни. Это состоянии подталкивает автора письма к мысли о воссоединении с любимой. Однако герой не умирает. Единственное, что помогает автору письма пережить свои страдания — это механическая включенность в однообразные события, которые со временем позволяют встроиться в жизнь. У автора письма есть надежда, что он переживет свои страдания. Хоть он находится в темноте, у него есть луна, выполняющая функцию фонаря. Она олицетворяет сияющее око внутренней мудрости, которое освещает темное пространство и путь. Любую утрату человек может пережить, но ему придется пройти свой опыт метаморфоз, стать другим человеком. Это основа духовного развития человека — умереть для прошлого и возродиться для будущего» (групповая работа студентов факультета подготовки учителей начальных классов).

В некоторых рассуждениях был поставлен вопрос о личных качествах героини, к которой адресовано письмо. Так, один интерпретатор пишет, что первый вопрос, который она себе задала, прочитав стихотворение: «Почему автор письма называет возлюбленную рыбой? Не скрывается ли за этим уменьшительно-ласкательным обращением более глубокий смысл?». В ходе развития своей мысли интерпретатор приходит

к выводу, что автор называет возлюбленную «рыбой», потому что она остается бесчувственной и равнодушной по отношению к нему. Об этом говорят фразы: «Знаю, что плакать не будешь: для тех, кто живёт под водой, не бывает слёз» и «просто прочтёшь письмо и качнёшь плавником, если что-то ещё отзовётся под тёмною толщей и зыбью твоих оправ». «Однако адресант таит в себе надежду вызвать у любимой чувства. Его душа продолжает любить и надеяться, хотя разумом он понимает, что ее холодное сердце останется безучастным» (Алина, факультет подготовки учителей начальных классов).

Также было высказано предположение, почему рыба не отвечает на чувства главного героя. Причина заключается в том, что рыба боится жизни. «Она создала для себя среду, в которой прячется от действительности. Ее мнительность и осторожность затрудняют развитие чувств. Создается впечатление, что она запрещает себе сильные эмоции и желания, поскольку они тесно связаны с ощущением потери безопасности. Главный герой отмечает, что дорогая рыба и часу не продержалась бы в реальном, сложноустроенном мире «вне своих замкнутых раковин». Рыба не способна любить из-за своих страхов, “жемчужных” (скрытых) фобий. Расставание для главного героя и “рыбы” неизбежно» (Ирина, факультет психологии).

Примечательно, что этот вывод сделала студентка психологического факультета. Работа психолога предполагает развитие умения направлять свой фокус восприятия на проблемную жизненную ситуацию для того, чтобы понять причину ее возникновения и подобрать подходящие способы решения. Студентка делает предположение, что отражением отношений является эмоциональная сторона жизни и она содержит в себе проблему. У «рыбы» нет доверия к жизни и поэтому ее страх мешает проявлять другие чувства. Это предположение в консультационной деятельности скорее всего нуждалось бы в проверке.

Интересную интерпретацию дали студенты, которые увидели причину расставания в том, что один из партнеров осознал иллюзорность построенных отношений. Идеализация чувств не оправдала себя, поэтому волшебный флёр романтики растаял. Так, студентка пишет: «Автор данного произведения, на мой взгляд, рассказывает об отношениях двух людей, которые оказались во власти сентиментальных чувств. Главная героиня, которую автор называет “до-

рогая рыба”», погрузилась в мир иллюзий. Ей страшно смотреть на реальность. Жить во лжи и самообмане ей намного удобней. В отличие от рыбы автору письма удалось расстаться с беспочвенными фантазиями. Он расстается с рыбой. Это расставание нужно ему самому. Попрощавшись, он становится ближе к новой жизни, поэтому у него нет сожаления» (Анастасия, факультет подготовки учителей начальных классов).

«Главный герой пишет письмо своей возлюбленной, поскольку он осознал, что любовь переживается им лишь в воображении. Ему удается выйти за рамки построенного мира иллюзий. Находясь вне этого иллюзорного мира, он пишет письмо своему партнеру, который еще “плавает” в своих фантазиях. По мере написания письма автор осознаёт, что освобождается от своей привязанности. Он не рассчитывает на ответ, потому что считает, что партнер еще не в состоянии его дать. Его партнер продолжает «плавать в своих глубинах», куда не проникает свет. Выйдя из этих отношений, простроенных на иллюзиях, главный герой учится заново жить, “питаться воздухом” и “двигаться в пустоте”. Мир открывает ему свою многогранность (“день не похож на ночь, и за тенью бывает свет, а за светом — мрак”). Он начинает видеть вещи объективно.

Автор даёт понять читателю, что та среда, в которую попадает вышедший из отношений партнер, будет губительна, если он продолжит цепляться за свои фантазии. Выходя из отношений, приходится жить в новых условиях, с этой задачей может справиться не каждый, для некоторых этот выход будет губительным или травмирующим.

Завершает своё письмо герой строками: “не слушай меня — я прав”. Эта концовка, даёт понять читателю, что герой находится на более высоком уровне видения ситуации, чем «рыба». Выйдя из отношений, партнер способен увидеть реальное положение вещей» (Евгений, факультет психологии).

«Во взаимоотношениях автора письма и “рыбы” можно увидеть часто встречаемую драму жизни, когда отношения не получают развития. Это происходит из-за того, что один партнер не развивается, живет своими иллюзиями и страхами, как рыба. Другой прозревает, выходит из отношений и достигает духовного роста» (Евгения, факультет подготовки учителей начальных классов).

В данных интерпретациях ставится акцент на освобождении от идеализации и иллюзий. Первоначально утрата иллюзий воспринимается героем болезненно. Одна-

ко расставшись с беспочвенными фантазиями, он становится более открытым бытию, воспринимает реальность объективно, безотносительно к личным ценностям и ожиданиям. Рассуждения студентов показывают, что большое значение для них имеет умение быть честным с собой. Соккрытие чувств и мыслей от самого себя порождает проблемы. Если отношения исчерпали себя, то необходимо ставить точку.

Интерпретации, раскрывающие тему самопознания, и самотрансформация

«Письмо автора к дорогой рыбе представляет собой разговор автора с самим собой, со своим внутренним “Я”. Обращение “дорогая рыба” настраивает на глубокий и искренний диалог автора письма с темной частью своей души. Рыбой, живущей под водой, автор называет свои негативные чувства и мысли. Как рыбу в воде их сложно уловить, поймать. Почему некоторые чувства и мысли не поддаются анализу? Потому что суэта, которую впускает человек в свою жизнь, приводит к самозабвению. Он уже не можем глубоко осознать свои переживания, мысли, поступки. Пустота повседневности притупляет ощущение себя, человек может даже забыть о своей совести. Не проанализированные чувства и мысли как рыбы “плавают” на глубине, куда не попадает свет луны. В стихе луна, выполняющая функцию фонаря, является символом осознания. Стоит человеку остановиться, подумать о себе, как он становится ближе к «поверхности». Освещается лунным светом все то, что таилось в его душе. Человек ужасается своим мыслям и действиям. В этот момент он помечает черной меткой отрицательные мысли и поступки, чтобы впредь их не допускать. Черная метка является напоминанием к чему не следует возвращаться. Однако жизненная суэта заставляет человека отвлечься на второстепенное и ничтожное, и оно снова затягивает его на глубину. В этот момент та самая метка стирается.

Автор подмечает, что “на поверхности” всё понятно и правильно: есть добро и зло, плохое и хорошее, за выбор между ними нужно всегда отвечать. Если бы рыба попала на поверхность открылся бы самообман. Свою рыбу герою удобней держать на глубине, где все безразлично, где нет ни слез, ни вины, ни раскаяния. Однако, увидев темную сторону души в образе “рыбы”, автор письма решает расстаться с ней окончательно, стать с ней противоположностями “морем” и

“сушей”» (Екатерина, факультет психологии).

Идея изменения самого себя воспроизводится и в следующей интерпретации. «В стихе главный герой пишет письмо, которое, по сути, не имеет адресата, поскольку адресатом является он сам. Создается впечатление, будто герой произведения, находится в заточении. Только не в заточении физическом, а скорее психологическом. Будто это письмо — последняя его подпись, последний росчерк пера в этом мире. Остается несколько мгновений, которые отделяют его от неизбежного и неумолимого конца. Это не смерть, просто конец чего-то важного в его жизни, чего-то такого, что ранее оставило глубокий след. У всего есть начало и конец, главный герой переживает внутреннюю трансформацию, он должен оставить свое прошлое и найти опору для своего последующего бытия (Ботагоз, факультет психологии).

Таким образом, в первой интерпретации студент описывает работу человека над собой. Суть этой работы заключается в анализе чувств, мыслей, поступков, на его основе возникает понимание как следует жить. Благодаря саморефлексии человек обнаруживает проявление темной стороны своей самости, и может контролировать свои эмоциональные состояния. В своих рассуждениях интерпретатор поднимает важные вопросы, одним из которых является проблема определения зла. Зло трактуется двойственным образом. С одной стороны, зло — пребывание во власти плохих чувств и мыслей. С другой, зло — это самообман, подмена истинных ценностей мнимыми, бегство от самого себя. Таким образом, зло проявляется, когда человек не прислушивается к самому себе или когда он поступает не по совести. Интерпретатор видит в рассуждениях автор готовность к освобождению от плохих чувств и мыслей, но герою мешает повседневность, которая уводит его от себя, приковывая его внимание к незначительному. Повседневность погружает на глубину и человек отдается стихийным чувствам и негативным мыслям. Потеряв контроль над ними, он теряет себя как личность. Однако осознание этой потери может служить условием для нравственного спасения и перерождения.

Во второй интерпретации представлен опыт перерождения, когда человек умирает для прошлого, чтобы открыться новой жизни, новому опыту. Привычный мир оказывается тесным для человека, который уже претерпел внутреннюю трансформацию, он расстается с прошлым, чтобы найти для

себя иные смыслы. Человек отходит от позиции внешнего наблюдателя по отношению к сложившейся ситуации, осуществляет душевные усилия для прерывания связей с миром прошлого.

Следует отметить, что и в представленных интерпретациях студенты поставили акцент на отношении главного героя к собственному «Я». Отношения устанавливаются путем схватывания внутреннего опыта. С помощью его критического осмысления, человек учится работать с собственным сознанием. Это помогает в первую очередь перейти от безотчетного и стихийного существования к осознанному бытию. Человек освобождается от того, что мешает ему существовать в гармонии с собой (от негативных чувств, мыслей, воспоминаний).

Данные интерпретации хорошо отражают мысль М. М. Бахтина, который считал, что любой культурный текст показывает цепочку метаморфоз автора и читателя. Человек становится другим, претерпевая духовное падение или подъем, лишаясь душевного равновесия. После этого он начинает существовать уже на другом уровне, поскольку узнает новое о реальности и о себе. Путем сопоставления себя с героем, читатель может плодотворно проживать его опыт метаморфоз, поскольку через текст появляется больше возможностей для самоинтерпретации. Человек пробует себя в роли главных героев, открывает в себе другого, который может стать частью «Я» [13, с. 136—137]. Именно поэтому многие студенты отмечали, что основная ценность произведения заключается в обращении взгляда читателя на самого себя. В повседневной жизни человек редко занимается самоанализом, он откладывает экзистенциальные вопросы до «лучших времен». Автор актуализирует для читателя эти вопросы через переживания главного героя.

Интерпретации, раскрывающие тему творчества

В своем стихотворении А. Э. Щербина описывает, как осуществляется творческий процесс и какие переживания испытывает поэт или писатель, когда понимает несовершенство своего творения. Автор пишет письмо «рыбе». В данном случае под «рыбой» подразумевается черновик, который является только зародышем будущего произведения. К нему, еще не рожденному плоду творчества, обращено письмо автора.

В первых строчках письма адресант повествует о том, что он подошел близко

к самой поверхности, что следует рассматривать, как приближение к завершению работы над произведением. Жизнь черновика-рыбы подходит к концу, об этом свидетельствует черная метка, оставленная на плавнике. Автор использует данный пиратский атрибут в значении предупреждающего знака об окончании жизни черновика, т. е. черная метка — это символ прощания с «рыбой».

Далее, автор рассказывает о своей привязанности к рыбе (черновой работе), но эта привязанность не помешала поставить на ней черную метку. В последующих строках автор поясняется причину прощания с «рыбой». Он пишет, что «из глубины еле видимый блик луны», здесь, на поверхности «обретает совсем не лишнюю функцию фонаря». Пока рыба плавала в авторском море фантазий ее очертания практически не освещались лунным светом. Однако чем ближе автор приближается к завершению произведения, тем яростней лунный свет показывал несовершенство рыбы. То, что автор прощается с рыбой навсегда, становится понятным и потому, что он не ждет от нее ответа.

Помимо названных причин, расставание с рыбой объясняется влиянием окружения. Окружение формирует запросы, ставит свои «акценты» на творчестве автора. Первоначально эти акценты неприемлемы для творческого человека, но со временем они оказываются вполне допустимыми. В этих новых условиях для жизни и творчества стирается та самая «черная метка», которую автор оставил на плавнике своей рыбы. Здесь уже черная метка выступает как символ привязанности. Размытая черная метка, отражает готовность автора расстаться с черновиком. Существование рыбы приходит к логическому завершению, поскольку автор не может искусственно создавать условия для сохранения этой формы жизни.

Затем автор описывает опыт метаморфоз, то есть превращение черновика в произведение. Этот опыт кажется автору неким оптическим фокусом. Он описывает свои шаги на пути создания произведения. Они с одной стороны завершают гештальт, с другой порождают новый невроз. Здесь можно вспомнить З. Фрейда, для которого творчество может иметь как исцеляющую силу, так и являться источником невроза, поскольку у творческого человека всегда остается ощущение незаконченности творения, его мучает понимание несовершенства полученного результата. Невроз

также порождает и отсутствие вдохновения, заминка в реализации идей, что может привести к творческому кризису.

Далее автор описывает как рождается поэтическое вдохновение. В процессе творчества поэт, писатель уподобляется сомнамбуле, которая находится в пограничном состоянии, теряет связь с реальностью. Можно предположить, что запах роз, как и загадочность предметов, освещенных лунным светом, наполняют автора романтическими чувствами. Однако, когда он переносит их на бумагу, они теряют свою первоначальную живость. Описанные переживания превращаются в убийственный экстракт.

Автор понимает, что если рыбу оставить как есть, то она и часу не продержится на FM-волне. Как черновик будущей песни она еще сырая, поэтому она неминуемо столкнется с критикой. Адресант знает, что рыба все понимает и не будет плакать. Может быть, она даст о себе знать под толщей оправ, которые она приобрела за время работы своего творца. Автор отмечает, что завтра все встанет на свои места. Рыба отправится туда, где ей место, и это будет самый лучший исход (Надежда, факультет психологии).

Исходя из этой интерпретации, можно сделать вывод, что письмо рыбе — это письмо автора к самому себе. Письмо пишется для того, чтобы понять и освободиться от переживаний и сомнений относительно результата творчества. «Рыба» является не просто заготовкой текста или музыки, она является символом рождения замысла, проявления творческого начала на бессознательном уровне. Водная среда здесь выступает как стихия потенциальных идей, место рождения творчества. Таким образом, рыба — неформленное, до конца необдуманное, интуитивное, спонтанное творчество. Главный вопрос, который ставит перед собой автор — это вопрос о жизнеспособности своего творения. Интерпретатор, считает, что автор осознает, что для достижения хорошего результата «рыба» должна пройти опыт метаморфоз. Только в этом случае она превратится в полноценное произведение. При этом от первоначального наброска ничего не останется.

В еще одной интерпретации была выражена мысль, которая раскрывает несовершенство мира для рыбы. Несовершенство среды служит причиной того, что набросок произведения остается не завершенным. Так интерпретатор пишет, что «рыба» не сможет выжить в циничном, бездушном

мире, в котором живет автор. Городская среда с токсичной атмосферой губительна для нее. Здесь все искусственно и фальшиво (роза пахнет экстрактом роз, за светом может скрываться мрак), здесь все размеренно, жизнь подчиняется «сезонному времени», плодя однообразие и пустоту. Сможет ли этот мир понять и оценить то, что родилось в душе автора? Приживется ли творение в этом фальшивом мире? Автор делает неутешительный вывод, что рыба и часу бы не продержалась «на искусственно вспененной фенем FM-волне», поэтому ей лучше не покидать свой подводный мир, не выходить из «замкнутых раковин, страхов», «жемчужных» фобий. Автор оставляет этот неокрепшее плод в самой глубоководной части своей души. Однако нельзя утверждать, что «чернильные пятна привязанности» автора к своему творению полностью растворились. Последняя фраза стиха «не слушай меня, я прав» показывает противоречивость желаний автора. С одной стороны, автор считает, что вынашиваемый замысел не должен быть реализован, с другой — понимает, что творческий импульс не может быть подавлен в полной мере, он и не желает этого. «Рыба» не будет слушать автора, она снова подплывает к поверхности сознания и заявит о себе, и творческий процесс начнется заново» (Вера, факультет психологии).

В данных интерпретациях раскрывается проблема творческой самореализации, которая является духовной потребностью человека и выступает в качестве показателя личностной зрелости. Человек выражает свое «Я» через творчество и желает убедиться в ценности и значимости результата этого творчества как для самого себя, так и для других. Творчество сопряжено с неопределенностью. Человек не всегда может выразить в подходящей форме подлинные ценности и смыслы. Это происходит по разным причинам: отсутствие вдохновения; непредвиденные препятствия, способные нарушить, затормозить или даже необратимо подавить первоначальный творческий импульс; самокритичность; неверие в собственные силы; страх оказаться ненужным и невостребованным; ориентация на вкусы усредненного читателя или слушателя, живущего стереотипами и заблуждениями и многое другое. Несовершенство воплощенного замысла может приводить к разочарованию, но одновременно может служить стимулом для преобразования плода творчества. Осмысление стихотворения в разрезе творческой деятельности

может быть обусловлено как содержанием произведения, так и актуальностью темы творчества для юношеского возраста. В этом возрасте актуализируется стремление выразить свое индивидуальное отношение к реальности, почувствовать себя творцом собственной жизни. Человек ориентирован на выявление своих способностей, поскольку они позволяют почувствовать причастность к бытию. Творчество является одним из способов самоосуществления человека, оно дает возможность быть собой посредством самореализации.

Интерпретации, раскрывающие тему связи с прошлым

«Жизнь человека можно поделить на несколько этапов, самый важный из которых — детство. Этот этап считается самым беззаботным в жизни, поскольку в детстве ребенку не нужно играть по правилам взрослого мира, нет необходимости притворяться. Ребенок открыт миру и проявляет искренность по отношению к окружающим людям.

В стихотворении Александра Щербины «Дорогая рыба» можно увидеть ностальгию об этом утраченном состоянии детскости. Эта предположение можно подтвердить тем, что данное письмо адресовано рыбе. Рыба — общий предок всех позвоночных существ, что неминуемо отсылает читателей к прошлому. Прошлое каждого человека — это детство. Возможно, ассоциация ребенка с рыбой пришла в голову и потому, что дети в мире взрослых не имеют «права голоса», они якобы должны пребывать в «рыбьем безмолвии». Считается, что в детстве закладывается основа для будущего мировоззрения. Ее можно сравнить с «еле видимым бликом луны». Со временем, когда ребенок повзрослеет эта заложенная основа начнет выполнять функцию фонаря, освещающего его жизненный путь.

В стихотворении автор в серых красках описывает мир взрослых. Этот мир поражает своей искусственностью, поскольку в нем даже роза пахнет цветочным экстрактом. Автор пишет, что если бы рыба попала в этот мир, то она бы задохнулась от «премногосмертельных» для нее флюидов, парфюмов и феромонов. Искреннему ребенку, или человеку, который не потерял связь со своим внутренним ребенком, в этом мире не может быть места.

Автор же пишет, что в новом искусственном мире он обучился жить и теперь его со-

стояние можно сравнить с бестелесной сомнамбулой «видящей сны во сне». Адресант потерял ощущения жизни и самого себя. Он не видит в существовании смысла, живет по инерции. Повседневность уничтожила его индивидуальность и такое положение становится для него привычным.

В последних строках, в которых суша противопоставляется морю, автор подводит читателей к мысли о противоположности взрослого и детского мира. Он показывает, что во взрослом мире сложно вернуться к детскому мироощущению, поэтому стихотворение вызывает чувство безысходности, тоски по невозвратному прошлому. Однако возникает также и чувство сопричастности опыту автора письма и грустной радости, что есть люди, которые также ценят и скучают по своему детству. В основном мир переполнен людьми, которые думают только о приземленных вещах. Например, о том, как приложить свои усилия в настоящем, чтобы получить прибыль в будущем. В окружении карьеристов и дельцов чувствуешь себя неловко. В глазах этих людей ты живешь странно и неправильно, когда цепляешься за детские воспоминания, думаешь о прошлом. Данный стих показывает ценность детства и ошибочность мысли, что о нем следует забывать, живя только настоящим (Даша, профессионально-педагогический институт).

В данной интерпретации показан переход человека на новый этап развития, который связан с погружением во взрослую жизнь. Этап взросления воспринимается интерпретатором как утрата беззаботности и подлинности. Потеря детства — это вынужденный отказ от проявлений наивности, искренности, творческой спонтанности, которые в большей степени раскрываются у ребенка. Непосредственность и искренность ребенка противопоставляется искусственному взрослому миру, где все упорядочено, закономерно, поэтому безжизненно и тягостно для детского восприятия. Заброшенность в мир взрослого, приводит к изменению мироощущения и самого себя. Это изменение человеку сложно принять, поэтому для него так ценны светлые воспоминания о детстве. Они значимы, поскольку возвращают потерянную связь человека с самим собой, ощущение подлинности.

Интересна мысль о бесправности ребенка во взрослом мире. В детстве ребенок вынужден подчиняться воле взрослого. Подчинение является основанием для формирования социального порядка во внешнем мире. Однако оно не является полным, ребенку оставляют много места

для свободы и возможности ускользнуть от требований и проявить свою индивидуальность. Создается впечатление, что интерпретатор видит в детстве период экзистенциальной наполненности, считая, что, находясь на этом этапе жизни человек переживает глубокое внутреннее согласие как с собой, так и с реальностью. Интерпретатор обращает внимание на отсутствие у автора ощущения значимости происходящего во взрослом мире, он эмоционально откликается на это состояние, придает вес пережитому опыту главного героя. Возможно, данный опыт является актуальным для экзистенции интерпретатора. В конце своего толкования он соотносит собственное ценностное отношение к детским воспоминаниям с мыслями главного героя, полагая что детство представляет большую ценность, поэтому необходимо оберегать свои воспоминания о нем для сохранения в себе внутреннего ребенка. И. С. Вдовина, ссылаясь на интервью П. Рикера, отмечает, что философ считал самым верным способом объяснить наше настоящее, — это поместить его в историю. Прошлое — и есть настоящее. Оно было, и глас его никогда не смолкнет [2, с. 147]. Обретение связи с прошлым и его осмысление, как ни странно, открывает доступ к настоящему. Расшифровка стиха как желание вернуть утраченное прошлое, является возвращением желания «быть подлинным» в область сознания. Оно необходимо, чтобы человек постиг свою изначально волю к бытию.

В ходе интерпретационной работы некоторые студенты пришли к идеи, что автор раскрывает тему не индивидуального развития человека, а эволюции живых существ. «Письмо рыбе — это обращение к началу человеческой истории. С помощью письма автор возвращает читателя в далекое прошлое, когда царствовали девонские существа — рыбы. Хотя рыба — примитивное существо, но именно она стала началом развития позвоночных. В ходе эволюции виды претерпевали изменения, которые автор называет опытом метаморфоз. Если результаты метаморфоз поставить линейно, то мы увидим, что человек намного сложнее чем рыба. В силу своей высокой организации человек не понятен для рыбы, но в силу своей простоты его хордовый предок не постижим для него. Именно поэтому главный герой, обращаясь к своему далекому предку, чувствует большую разницу между собой и рыбой, но эти различия не отменяют родства. Видимо в нас что-то осталось от рыбы, ведь, мы в каком-то смысле являемся ее

продолжением» (Екатерина, естественно-технологический факультет).

В стихотворении интерпретатор увидел связь с биологическим прошлым, которое выходит за рамки личной биографии. Автор напоминает читателю о хордовых предках, о той рыбе, с которой началась эволюция позвоночных, приведшая к зарождению человеческой цивилизации. Здесь также видится отсылка к наследственности и изменчивости существ, поскольку опыт метаморфоз есть эволюция видов. Примечательно, что данную интерпретацию дает студент естественно-технологического факультета, где в учебную программу входит изучение теории эволюции. Это возвращает нас к мысли, что способ интерпретации зависит от того, какая система знаний является для толкователя наиболее привычной. С помощью этой системы знаний он интерпретирует мир.

Заключение

По приведенным выше примерам толкования стихотворения А. Э. Щербины можно увидеть, как реализуется принцип множественности интерпретации, которая проявляется в «многослойности» смыслов исходного текста. В какой-то степени «многослойность» смысла обусловлена символичностью художественного текста. Использование символов не является литературным украшением, оно служит средством углубления мысли, обнаружения иных смыслов, новой реальности бытия. Согласно П. Рикеру «многослойность» смысла показывает многообразность самого бытия, которое «говорит о себе различными способами» [8]. Толкование текста определяется бытием самого интерпретатора. Через выбранный смысловой контекст и через его раскрытие проявляется сам интерпретирующий субъект в своей жизненной ситуации. Интерпретация позволяет прояснить ценностные ориентиры личности, которые связаны с прошлым и задают траекторию в будущее. Читатель стремится понять творческий замысел автора и посредством этого определяет важные для себя духовные ценности, на которые он опирается в своей жизнедеятельности. С помощью интерпретации читатель может преобразовывать собственное «я». У читателя складывается более глубокое понимание себя, поэтому можно сказать, что текст налаживает связь человека с самим собой [2, с. 154].

Интерпретационная деятельность является практикой саморефлексии. Художественный текст выполняет роль проводника

в общении человека не столько с автором, сколько с самим собой. Интерпретируя чувства, переживания, мысли автора, читатель самостоятельно определяет смысл произведения, используя те или иные культурные символы. Однако трактовка из области символического обращает интерпретатора не к реальности, из которой исходит автор, а к иным символам или значениям. Следовательно, интерпретация текста не имеет единого результата. Иногда интерпретатор может прийти к пониманию созвучному замыслу автора, иногда — нет, однако глубина обнаруженного смысла всегда зависит от того откроет ли он что-то новое для уже сформировавшегося способа миропонимания интерпретатора.

Когда интерпретация текста не совпадает со смыслом, заложенным автором, возникает его новая концептуальная структура. Анализ этой структуры обращает внимание читателя на особенности своего собственного восприятия, на свои устойчивые представления. П. Рикер отмечает, что *любой текст отражает внутренний конфликт его создателя, тоже самое можно сказать, про интерпретацию*. Каждый текст и его интерпретация содержит также подсказку на разрешение конфликта, которую можно обнаружить, если человек готов выйти на философский (универсальный) уровень рефлексии [8, с. 134].

Прочтение текста можно представить как со-бытие читателя и автора, оно сокращает дистанцию между «Я» интерпретатора и автора. Человек ставит себя на место Другого, признает Другого, поскольку он напоминает его самого. С опорой на авторскую фантазию читатель может конструировать представление о себе. Переживая опыт главного героя, интерпретатор сосредотачивает фокус своего внимания на внутреннем мире, он анализирует свои чувства и мысли. Когда читатель примеряет на себя судьбу персонажа, ему становится проще понять самого себя [10].

В процессе прочтения многие студенты сопоставляли свой опыт с опытом главного героя, что является важным моментом самопознания. Сопоставление выявляет устойчивые связи мира повседневности, в которую погружена наша жизнь. Проживание экзистенциального опыта героев в контексте прожитых событий хранит наша память. Так от переживания к переживанию устанавливается связь «историй» отдельных людей с историей всего человечества. Обнаружение этой общности укрепляет нашу связь с бытием в целом.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022

1. Артамонов Д. Г. Психологические особенности процесса смыслового восприятия текста // Северо-Кавказский психологический вестник. 2013. № 11/4. С. 15—18.

2. Вдовина И. С. Феноменолого-герменевтическая методология анализа произведений искусства // Феноменология искусства. 1996. С. 139—159.

3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философии герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.

4. Дридзе Т. М. От герменевтики к семиосоциопсихологии: от «творческого» толкования текста к пониманию коммуникативной интенции автора // Социальная коммуникация и социальное управление в экоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах : в 2 кн. Кн. 2. М., 2000. С. 115—137.

5. Кенжебаева Ж. Е. Истоки взаимодействия литературоведения и психоанализа // Вестник Атырауского университета им. Х. Досмухамедова. 2019. Т. 55, № 4. С. 47—51.

6. Кирюхина М. А. Художественный текст как единица художественной речи // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 2 (31). С. 128—130.

7. Левин Ю. И. О типологии непонимания текста // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. 1998. С. 581—593.

8. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : Академический проект, 2008. 695 с.

9. Щербина А. Э. История третья. Стихи и песни с 2010—2019. Т. 3. М. : И. Б. Белый. 2020. 140 с.

10. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб. : Симпозиум, 2003. 285 с.

11. Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб. : Академический проект, 2004. 384 с.

12. Эпштейн М. Н. Интерпретация // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. Т. 9. М. : Советская энциклопедия, 1978. С. 330—331.

13. Якушева Ю. А. Диалогичность гуманитарного знания в концепции М. М. Бахтина // Вестник ТвГУ. 2019. № 2. С. 135—140.

References

1. Artamonov D. G. (2013) Psixologicheskie osobennosti processa smy`slovogo

vospriyatya teksta. *Severo-Kavkazskij psixologicheskij vestnik*, no. 11/4, pp. 15—18 [in Rus].

2. Vdovina I.S. (1996) Fenomenologo-germenevticheskaya metodologiya analiza proizvedenij iskusstva. *Fenomenologiya iskusstva*, pp. 139—159 [in Rus].

3. Gadamer X.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filos. Germenevtiki*. Moscow, Progress, 704 p. [in Rus].

4. Dridze T. M. (2000) Ot germenevtiki k semiosociopsixologii: ot «tvorcheskogo» tolkovaniya teksta k ponimaniyu kommunikativnoj intencii avtora // *Social'naya kommunikaciya i social'noe upravlenie v ekoantropocentricheskoy i semisociopsixologicheskoy paradigmat: V 2 kn.: Kn. 2*. Moscow, pp. 115—137 [in Rus].

5. Kenzhebaeva Zh.E. (2019) Istoki vzaimodejstviya literaturovedeniya i psixoanaliza. *Vestnik Atyrauskogo universiteta imeni X. Dosmukamedova*, no. 4, vol. 55, pp. 47—51 [in Rus].

6. Kiryuxina M.A. (2009) Xudozhestvennyj tekst kak edinicza xudozhestvennoj rechi. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, no. 2 (31), pp. 128—130 [in Rus].

7. Levin Yu. I. (1998) O tipologii neponimaniya teksta. *Izbrannye trudy. Poe'tika. Semiotika*, pp. 581—593 [in Rus].

8. Riker P. (2008) *Konflikt interpretacij. Ocherki o germenevtike*. Moscow, Akademicheskij proekt, 695 p. [in Rus].

9. Shherbina A.E. (2020) *Istoriya tret'ya. Stixi i pesni s 2010—2019*. T.3. Moscow, I.B. Belyj, 140 p. [in Rus].

10. Eko U. (2003) *Shest' progulok v literaturnyx lesax*. St. Petersburg, Simpozium, 285 p. [in Rus].

11. E`ko U. (2004) *Otkrytoe proizvedenie: Forma i neopredelennost' v sovremennoj poe'tike*. St. Petersburg, Akademicheskij proekt, 384 p. [in Rus].

12. E`pshtejn M.N. (1978) *Interpretaciya. Kratkaya literaturnaya enciklopediya*. Moscow, Sovetskaya enciklopediya, pp. 330—331 [in Rus].

13. Yakusheva Yu.A. (2019) Dialogichnost' gumanitarnogo znaniya v koncepcii M.M. Baxtina. *Vestnik TvGU*, no. 2, pp. 135—140 [in Rus].

For citing: Bogdanova V.O.

Plurality of interpretations as a way of self-knowledge //

Socium i vlast'. 2022. № 2 (92). P. 83—95.

DOI: 10.22394/1996-0522-2022-2-83-95.

EDN: GAEZGE

UDC 140.8

EDN: GAEZGE

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-83-95

PLURALITY OF INTERPRETATIONS AS A WAY OF SELF-KNOWLEDGE

Veronika O. Bogdanova,

South Ural State

Humanitarian Pedagogical University,

Associate Professor of the Department

of Philosophy and Cultural Studies,

Cand.Sc. (Philosophy),

South Ural State University,

Senior Researcher of the Scientific

and Educational Center for Practical

and Applied Philosophy

454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69,

E-mail: verovictory@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of multiple interpretations of a literary text, which creates for the reader a space of a dialogue with the author. The article analyzes the students' interpretations of A.E. Shcherbina's poem "Letter to a Fish", the author considers as the "self" of the interpreter is revealed through working with the text. The author of the article comes to the conclusion that the multiplicity of interpretations conveys the richness of a literary text, its relevance, acquired in the readers' life experience.

Keywords:

hermeneutics,

interpretation,

conflict of interpretations

the principle of multiple interpretations,

reflection,

self-knowledge

Для цитирования: Орехов А. М.
Российская социальная эпистемология:
от «Ldsh-стратегии» к «Ldsh-зависимости» //
Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 96—106.
DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-96-106.
EDN: CYBKDD

УДК 140.8

EDN: CYBKDD

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-96-106

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: ОТ «LDSH-СТРАТЕГИИ» К «LDSH-ЗАВИСИМОСТИ»

Орехов Андрей Михайлович,
Российский университет дружбы народов,
доцент кафедры социальной философии,
доктор философских наук, доцент,
Москва, Россия.
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Аннотация.

Введение и цель. Статья рассматривает социальные и философские аспекты эволюции современной российской социальной эпистемологии, в связи с продвижением ею идей С. Фуллера, а также аналитические аспекты вклада самого С. Фуллера в мировую социальную науку.

Методы. Автор статьи использует теоретические методы (анализ, синтез и т. п.), задействованные в современной философии и социологии социальных наук. Из эмпирических методов применяется метод социального наблюдения.

Научная новизна исследования. Ключевой идеей является статьи анализ феномена «Фуллер-зависимости» в современной

российской социальной эпистемологии как типа «Ldsh-зависимости». «Ldsh-стратегия» — это стратегия вхождения в мировую науку *вслед* за каким-либо конкретным лидером, авторитетным ученым. «Ldsh-зависимость» — абсолютную или в высокой степени относительную зависимость нашей отечественной области знания от того конкретного лидера или авторитетного ученого, который способствует нашему вхождению в мировую науку.

Результаты. «Ldsh-стратегию» «КСЭ-группы» на первоначальном этапе вхождения отечественной социальной эпистемологии в современную мировую науку можно считать за успешную и результативную. Но далее эта стратегия стала перерождаться в «Ldsh-зависимость» — т. е. «Фуллер-зависимость». Такая зависимость никак не способствует конструированию оригинальной и инновационной российской социально-эпистемологической программы, конкурентной программ Д. Блура, С. Фуллера и Э. Голдмана. Следует научиться преодолевать и решать проблемные вопросы данного направления в рамках «КГМ-стиля», ибо только он может помочь сформировать «прорывные векторы» в исследовательском поле отечественной социальной эпистемологии.

Ключевые слова:

социальная эпистемология,
И. Т. Касавин,
С. Фуллер,
«Анархический монографизм»,
Ldsh-стратегия,
Ldsh-зависимость,
«Фуллер-зависимость»,
«КСЭ-группа»,
«КГМ-стиль»

Введение

Как мы уже отмечали в одной из наших последних статей, стратегия развития современной социально-гуманитарной науки в России должна заключаться «не в *обгоне* [западной социально-гуманитарной науки], а в ее *опережении*. *Обгон невозможен, но возможно опережение*, — вот каким должен быть лозунг, девиз дня для современных российских социальных ученых и ученых-гуманитариев» [7, с. 13].

Отечественная социальная эпистемология первой трети XXI века подает *отличный пример* для case-study (т. е. анализа наличного случая) в отношении проблемы «обгона-опережения» социально-гуманитарной науки Запада (хотя для начала, разумеется, нужно эту науку еще и «догнать»). На кейсе российской социальной эпистемологии можно попытаться показать если не все, то хотя бы некоторые проблемные точки, которые здесь возникают, — как с точки зрения *социологии науки в целом*, так и с точки зрения более частной *социологии социально-гуманитарных наук*. Любой опыт (а у российских социальных ученых и гуманитариев пока его *крохи*) здесь просто *бесценен*, и обойти его стороной — значит, совершить своего рода «научное преступление».

Предметом кейс-анализа будет ведущая группа ученых, сконцентрированная вокруг сектора социальной эпистемологии Института философии РАН, которую возглавляет член-корр. РАН И. Т. Касавин — их деятельность и основные достижения¹. Сюда относятся социальные ученые и философы, которые не обязательно являются сотрудниками ИФРАН, но которые систематически взаимодействуют с этим сектором в написании монографий, им издаваемых. Помимо самого И. Т. Касавина, «группа Касавина в социальной эпистемологии» (далее мы будем обозначать ее как «КСЭ-группа») включает в себя таких ученых как Л. А. Маркова, А. Ю. Антоновский, А. Л. Никифоров, В. Н. Порус, Н. М. Смирнова, Г. Б. Гутнер, Н. И. Мартишина, Е. Масланов, Е. Самостиненко и др. Все они в той или иной степени сотрудничают с И. Т. Касавиным и принимают участие в исследовательской работе по разработке различных проблем социальной эпистемологии.

¹ Вот почему эту статью следует расценивать в большей степени нацеленную на исследование *социологии социальной эпистемологии*, чем на саму социальную эпистемологию.

«КСЭ-группа»: основные достижения и результаты

Скажем сразу: в отличие от многих других философских школ и групп, «КСЭ-группа» ведет воистину масштабную и даже по некоторым основаниям даже *впечатляющую* исследовательскую работу. За последние двадцать лет у нее вышли больше десятка коллективных монографий, к примеру, «Социальная эпистемология: идеи, методы, программы» [9], «Социальная философия науки: Российская перспектива» [8], и др. И. Т. Касавин также издает свои собственные монографии, — например, «Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка» [4], «Социальная эпистемология: Фундаментальные и прикладные проблемы» [3], «Наука — гуманистический проект» [2] и др. «КСЭ-группа» принимала активное участие и в создании монографии по культурно-исторической эпистемологии [5] — «Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина» (вышла под редакцией Т. Г. Щедриной). Более того, помимо российских ученых в написании отдельных глав вышеуказанных коллективных монографий принял один из ведущих мировых социальных эпистемологов, британский ученый Стивен Фуллер (см. о нем ниже).

Бесспорно, у «КСЭ-группы» есть и свои исследовательские достижения. Только для начала — небольшое отступление.

Отступление 1: «Анархический монографизм» как проблема «КСЭ-группы».

«Анархическим монографизмом» мы обозначаем процесс *беспрерывного издания монографий* каким-либо научным учреждением (в данном случае Институтом философии РАН и от его имени «КСЭ-группой»), когда сам процесс такого издания превращается, по сути, в *самоцель*, а необходимая аналитическая, систематизирующая, структурообразующая исследовательская работа при этом отсутствует. Такая работа могла бы, к примеру, проводиться в рамках издания *фундаментального учебника или энциклопедии* по социальной эпистемологии. Нам могут возразить: но Институт философии РАН и его сектора и исследовательские группы *не обязаны* заниматься изданием учебников или энциклопедий, их задача — подготовка и издание монографий и научных статей. Да, это так. Но неужели сам И. Т. Касавин и «КСЭ-группа» не чувствуют необходимости навести хоть какой-то порядок в отечественной социальной эпистемологии? Определить понятия, уточнить предмет и структуру,

выделить основные рубрики и темы, разложить по полочкам все позиции и т. п. Ведь это нужно сделать и для того, чтобы достижениями «КСЭ-группы» заинтересовалось еще большее число исследователей. Нужна пропаганда, агитация за это направление. Увы, ничего этого нет и в помине, а методология «анархического монографизма», неявно или неявно взятая здесь за принцип деятельности, только в ущерб самой социальной эпистемологии, а не в помощь.

Также смеем предположить, что элементом методологии «анархического монографизма» будет издание монографии по принципу «собираения статей». То есть автор просто *собирает все свои статьи за последние 4—5 лет, группирует их по разделам и обозначает как «монографию»*, — по такому принципу сделана последняя монография И. Т. Касавина [2]. Такой подход хотя и не запрещен, но все же разница между «сборником статей» и «монографией» остается весьма существенной, и хотелось бы, чтобы лидер «КСЭ-группы» ее также прочувствовал...

Теперь возвращаемся к проблеме основных достижений и результатов «КСЭ-группы».

И. Т. Касавин, которому отводится роль *основоположника* отечественной социальной эпистемологии¹, считает своим важнейшим вкладом в последнюю идею трех типов «социальности познания»:

- а) «Внутренняя социальность познания» — «пронизанность знания формами деятельности и общения, способность выражать их специфическим образом, путем освоения и отображения их структуры» [9, с. 9];
- б) «Внешняя социальность познания» — «зависимость пространственно-временных характеристик знания от состояния общественных систем (скорость, широта, глубина, открытость, скрытость» [9, с. 9];
- в) «Открытая социальность» — «она выражает включенность знания в культурную динамику, или в то обстоятельство, что совокупная сфера культуры является основным когнитивным ресурсом человека» [9, с. 9].

При этом эти положения вызывают критику других авторов, — к примеру, Д. И. Дубровского: «Сопоставляя выделенные типы

[социальности], нетрудно заметить, что они слишком диффундируют друг в друга. Третий тип вообще покрывается первыми двумя, ибо «включенность знания в культурную динамику» является и причиной, и следствием как *внутренней*, так и *внешней социальности*. Кроме того, типология «социальности» должна связываться с «типологией знания», соответственно, с «типологией проблем», служить для последней если не основанием, то, по крайней мере, стимулом ее теоретической разработки ... Из этих утверждений, истолкованных в *конструктивистском духе*, следует, что всякое знание (познание) во всех отношениях есть социальное явление, а постольку оно и составляет предмет социальной эпистемологии. Выходит, что последняя — это и есть современная эпистемология в целом» [1, с. 72—74].

Заслуживает внимания также анализ конструктивизма в социальной эпистемологии, проведенный А. М. Уланским; он здесь выделяет три основных ветви этого типа конструктивизма: 1) конструктивизм (П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман; 2) радикальный конструктивизм; 3) социальный конструктивизм [9, с. 279—298], а также многие другие идеи исследователей «КСЭ-группы».

Однако, — и это следует подчеркнуть, — все исследовательские достижения «КСЭ-группы», даже взятые в совокупности, *выглядят весьма бледно на фоне достижений всей западной социальной эпистемологии*. И самое главное, «КСЭ-группа» и вся отечественная социальная эпистемология никак не может заявить здесь *свою особую исследовательскую программу*, составляющую альтернативу трем главным программам — С. Фуллера, Д. Блура и Э. Голдмана (вернемся к этому вопросу ниже).

С. Фуллер: резюме ученого

Стивен Фуллер — современный английский философ, профессор Уорикского университета, которого в социальной эпистемологии считают автором эпистемологической программы², альтернативной «сильной программе» Д. Блура и «нормативизму» Э. Голдмана. Он — автор нескольких книг по социальной эпистемологии (напр., [16]), а также является основателем и со-редактором ведущего журнала в этой отрасли знания — “Social Epistemology”.

¹ «Если на Западе основоположником социальной эпистемологии является С. Фуллер, то в России эта роль принадлежит И. Т. Касавину» [6, с. 386]. На счет Касавина в России — согласиться можно, но почему на Западе только Фуллер?

² Мы обозначаем ее как «интегративную программу»; И. Т. Касавин и другие представители «КСЭ-группы» еще чаще всего называют «критической программой».

В целом позицию С.Фуллера в социальной эпистемологии можно охарактеризовать как «промежуточную» в отношении концепций Д. Блура и Э. Голдмана, «интегративную» в том аспекте, что С. Фуллер комбинирует их идеи в социальной эпистемологии с идеями К. Поппера, Ю. Хабермаса и М. Фуко:

«Как приверженец социальной эпистемологии, С. Фуллер решающее значение придает изучению исторического, научного, политического, религиозного и т. д. контекстов порождения новых идей, особенностям их распространения и восприятия социумом, исследует личностные мотивации их создателей, а также те последствия, которые так или иначе связаны с этими идеями» [9, с. 605].

С. Фуллер полагает, что существует различие между нормой производства знания в обществе и его реальным функционированием. Производство знания *в норме* должно рассматриваться как целостный процесс, без выделения специфически «экономического» аспекта:

«[Знание — это есть] совокупность поведенческих актов и событий, каждое из которых может быть адекватно объяснено без обращения к специфическим эпистемическим особенностям» [цит. по: 9, с. 673].

В таком случае всякий эпистемический (эпистемологический) дискурс, согласно С.Фуллеру, это есть *координация и организация* подобных поведенческих актов, а понятие «истина» заменяется им на выражение *хорошо организованная и скоординированная риторика*.

«Социальные отношения, по Фуллеру, образуют сеть, в которой субъект получает относительно стабильную роль. Знание он рассматривает как средство сохранения стабильного состояния такой сети ... Изменение одного узла сети влечет за собой изменение всей сети» [9, с. 674].

Согласно Фуллеру, само по себе производство знаний представляет собой гораздо более сложный и комплексный феномен, чем принято считать в классической эпистемологии. С. Фуллер полагает, что эпистемолога можно рассматривать как *менеджера когнитивной экономики*, а кумулятивный эффект накопления знания (например, в форме «научной революции») представляется ему в значительной степени *случайным* в отношении логики развития этого знания.

Причем, как подчеркивает британский философ, социальный эпистемолог — не только «когнитивный менеджер», он еще, в перспективе, *политик знания* (epistemic ро-

lice maker). Полная идентификация конечного продукта социальной эпистемологии возможна лишь при *идеальном, совершенном* разделении труда в производстве знания. Эффективность «политики производства знания» определяется возможностью создания новых «коллективных тождеств», являющихся основой организованных коллективных действий.

Истина и рациональность, согласно Фуллеру, никак не могут быть целью социального эпистемолога, скорее, задача последнего — внести методологию *оптимальности* в организацию и политику производства и политики знания. Идеальным инструментом такой организации является «университет», чья структура, к большому сожалению Фуллера, пока еще не соответствует этим задачам.

Оценивая в целом подход С. Фуллера, Л. А. Маркова подчеркивает следующий факт:

«Если есть наука, значит, есть коллективность, общение в том или ином виде. Поэтому сам по себе факт общения не может служить отличительной чертой современной социальной эпистемологии. Представляется, такой чертой может быть исключительное внимание исследователей, направленность их работы на процесс, вернее сказать, на момент рождения нового знания в голове ученого. В классическом мышлении, в том числе и в аналитической философии, творческие процессы выводились за пределы логической нормативности. Позиция Фуллера вполне согласуется с таким утверждением. Когда он пишет, что знание рождается из контекста, который выходит за пределы науки, он тем самым проводит мысль, что действительно новое знание не выводится из прошлого знания, оно в нем не содержалось. Основание вновь возникшего знания принадлежит этому знанию, как именно его основанию, но не только. Оно принадлежит также миру, окружавшему деятельность по его производству, соответствующему контексту <...>. Фуллеру не откажешь в умении увидеть точки роста в современных исследованиях науки, но он не в состоянии наметить пути взаимодействия с классической интерпретацией научного знания кроме как показать ее полную несостоятельность» [8, с. 385—394].

И еще раз обратим внимание на то, что «интегративная эпистемология» С. Фуллера является в современной социальной эпистемологии *третьей* масштабной исследовательско-методологической программой, составляющей конкуренцию «сильной программе» Д. Блура и «нормативизму»

(«веритизму») Э. Голдмана; четвертой же программы здесь пока не заявлено...

К сожалению, следует отметить, что последние работы С. Фуллера, переведенные на русский язык, — это «Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии» [11] и «Постправда: Знание как борьба за власть» [10], не оставляют впечатления глубокой проработанности и продуманности, и больше напоминают сборники публицистического характера, чем научные монографии.

«Ldsh-стратегия» как способ вхождения в мировую науку

Концепт «Ldsh» — здесь сокращенное от английского слова «leadership» — лидерство, превосходство (в какой-либо области). «Ldsh-стратегия» — это стратегия вхождения в мировую науку *вслед* за каким-либо конкретным лидером, авторитетным ученым.

То есть, если мы признаем факт отставания нашей отечественной области знания или направления исследований от мировой науки (хотя, естественно, что многие наши отечественные социальные ученые могут с этим тезисом не соглашаться), мы можем выбрать следующий путь ликвидации этого разрыва: *выбираем одного из мировых лидеров этого направления или области знания, устанавливаем с ним контакты, приглашаем на конференции, в наши монографии, подключаем его к нашим грантам, и тем самым посредством данной коммуникации как бы «подтягиваем» нашу область знания или направление к мировому уровню (если не «опережаем», то хотя бы «догоняем»)*. Естественно, эта коммуникация должна иметь *двусторонний характер*: в ответ лидер этого направления должен способствовать публикациям наших российских ученых в ведущих мировых журналах, выступать как приглашенный пленарный докладчик на отечественных конференциях и т. п.

Сразу скажем: мы *очень хотели бы порекомендовать* такую «Ldsh-стратегию» практически всем областям и направлениям российских социально-гуманитарных наук. Это, с нашей точки зрения, весьма эффективный и результативный (да еще *рациональный* в смысле минимальности «затрат») путь приближения к мировым стандартам современного социально-гуманитарного знания. Но, к сожалению, насколько нам это известно, кроме «КСЭ-группы», никто пока этим методом в российской социально-гуманитарной науке не воспользовался, — наоборот, куда чаще мы наблюдаем методологию «отказа» от контактов с западными учеными (или «боязни» таких контактов),

что не только не продвигает вперед наше отечественное социально-гуманитарное знание, а лишь способствует его большому отставанию от мировой науки ...

Отступление 2: «Ldsh-зависимость» как форма коммуникативной зависимости в социальных науках

Но, — этот факт печален, но объективен, — «Ldsh-стратегия», наряду с массой положительных сторон, — имеет и одну отрицательную сторону. И заключается она в том, что «Ldsh-стратегия» может со временем трансформироваться в *абсолютную или отнюдь не высокую степень зависимости* нашей отечественной области знания от того *конкретного лидера или авторитетного ученого*, который способствует нашему вхождению в мировую науку. Возникает феномен «Ldsh-зависимости», который, на более позднем этапе этого вхождения начинает тормозить этот сам процесс «вхождения». Если, к примеру, данный лидер утрачивает в своих работах необходимую глубину и фундированность анализа, и начинает, условно говоря, *шархаться* в разные стороны, теряя фокусы своей «прорывной исследовательской стратегии», то *вслед* за ним это непременно начнут делать и наши российские ученые¹. Такой момент (если он будет, разумеется) в «Ldsh-стратегии» *очень важно почувствовать*, и со временем перестать ориентироваться на данного авторитетного ученого и резко расширить круг контактов, найти *новых лидеров* данного направления или области знания, и двинуться *вслед* за ними дальше в мировую науку².

«Фуллер-зависимость» как форма «Ldsh-зависимости» в отечественной социальной эпистемологии

В отечественной социальной эпистемологии, — подчеркиваем, на наш взгляд! — на

¹ Примерно об этом же пишет и Д. И. Дубровский: «Вызывает раздражение заметная тенденция у некоторых наших авторов слишком уж тесно «пристраиваться» к западной социальной эпистемологии. ... Не потому ли весьма посредственные западные мыслители нередко у нас становятся «ньюсмейкерами»: их тексты подробно разбирают, обильно цитируют, как бы подтверждая тем самым новизну и особую значительность заявленных ими способов и направлений исследования, которые, на поверку, оказываются зачастую повторением пройденного» [1, с. 80—81].

² Естественно, «двинуться *вслед* за ними дальше в мировую науку» вовсе не означает «делать мировую науку» и «совершать в ней открытия». Тут хотя бы стать хорошими социальными учеными «второй линии фронта» и научиться подносить снаряды тем, кто находится на «переднем фронте».

ее современном этапе развития, ситуация складывается, далеко не лучшим образом. Здесь стратегия продвижения в мировую науку «вслед за Фуллером» фактически превратилась в *зависимость от него*, т. е. в «Фуллер-зависимость». Но опять же, не следует понимать, что это *плохо* в принципе. За последние годы С. Фуллер проделал огромную работу по вовлечению наших российских ученых в мировой исследовательский процесс. Чего стоят две подборки публикаций отечественных исследователей в двух журналах первой квартили Скопуса — “Philosophy of Social Sciences” и “Social Epistemology”!¹

“Philosophy of Social Sciences” в 2019 году опубликовал несколько статей, посвященных проблеме «Российского подхода к интерпретации науки (научного знания) как дара». Помимо статьи самого Фуллера [17], там также опубликованы статьи И. Т. Касавина [21], Е. Масланова [23] и Е. Самостиненко [24].

“Social Epistemology” в 2020 году провел дискуссию на тему «профессиональной науки». И. Т. Касавин здесь написал вводную статью [20] и одну из статей самой дискуссии [21]; помимо зарубежных ученых (включая, разумеется, и С. Фуллера), в дискуссии также приняли участие россияне: Е. Чеботарева [14], С. Шибаршина и Е. Масланов [25], А. Ю. Антоновский и Р. Бараш [12].

Итак, «Фуллер-зависимость» в отечественной социальной эпистемологии, безусловно, срабатывает и в *лучшую сторону*. Но публикации, даже в первой квартили Скопуса (точно так же и большое число монографий) — *это еще не достижение* «КСЭ-группы» (мы возвращаемся к тому, о чем уже говорили раньше). Единственным реальным достижением «КСЭ-группы» в социальной эпистемологии, как мы полагаем, может стать *только* конструирование (или скажем так: *реальная, всем видимая работа* по конструированию) *собственной оригинальной социально-эпистемологической программы*, альтернативной программам Д. Блура, С. Фуллера и Э. Голдмана.

Кстати, И. Т. Касавин вроде бы и заявляет об этом:

«Автор этих строк с симпатией относится к ряду идей и подходов Д. Блура, С. Фуллера и Э. Голдмана, не являясь последователем ни одного из них. Главный недостаток их концепций в том, что они не выходят за пределы конфронтации классической и

неклассической эпистемологии, философского и натуралистического проектов исследования познания. Представляется, что современную эпистемологию надо строить на *новых основаниях, понимая ее как снятие противоположности классического и неклассического подходов* [курсив наш — А. О.]. Это будет *постнеклассическая теория познания*, сохраняющая роль философии, с одной стороны, и признающая важность междисциплинарного взаимодействия — с другой. Тем самым открывается возможность для разрешения современных контроверз и объединения конкурирующих методологических подходов» [9, с. 14].

Скажем так: альтернативной программы пока нет, но *есть намерение ее создать*. Уже заслуживает похвалы. Но вот только на каких основаниях?

Следует предположить, что глава «КСЭ-группы» здесь собирается воспользоваться «триадой» развития науки, основанной на концепции В. С. Степина («классический этап — неклассический этап — постнеклассический этап»)², ведь он пишет о *постнеклассической теории познания*, неявно перенося эту идею и на социальную эпистемологию.

Но мы сильно сомневаемся, что подобная (постнеклассическая) социальная эпистемология вообще существует, а не является *фантомом*, вокруг которого можно конструировать лишь *фантомы*, и ничего более кроме *фантомов*. Даже если в отечественной социальной эпистемологии к подобной, *четвертой по счету* после Д. Блура, С. Фуллера и Э. Голдмана, и можно начать движение, то стратегема здесь должна быть выстроена совершенно другим образом, — и здесь как раз уместно перейти к последнему разделу нашей статьи.

«Проблемные точки» для современной российской социальной эпистемологии: есть ли в будущем надежды на свою уникальную и особенную «программу»?

Ранее мы утверждали, что в мировой социально-гуманитарной науке задействованы три когнитивных стиля³: НПА-стиль,

² Мы убеждены, что эта теория «трех стадий» развития науки является насквозь ложной и ошибочной, и «заслуга» этой теории заключается лишь в том, что она отбросила российскую философию науки на 20—30 лет назад. Но это, опять же, — не вина самого В. С. Степина, — а скорее вина самой российской философии науки, где сама эта теория так и не прошла необходимого критического разбора. Впрочем, эта тема заслуживает отдельного разговора.

³ «Когнитивный стиль науки» — это есть совокупность правил и норм выбора способов объяснения

¹ В первом из них С. Фуллер — один из редакторов, а во втором — со-редактор и редактор-основатель (Founding Editor).

КГМ-стиль, ФББ-стиль. У каждого из этих стилей есть свои достоинства и свои «проблемные точки». Российская социально-гуманитарная наука исповедует КГМ-стиль, а западная наука в основном придерживается НПА-стиля. Для того чтобы догнать и опередить западную науку, российским ученым надо стараться не подражать НПА-стилю, а развивать и углублять свою собственную КГМ-методологию. Стратегия российской социально-гуманитарной науки в современном научном пространстве — это скорее не обгон, а опережение с использованием всего когнитивного потенциала КГМ-стиля. КГМ-стиль («Кант-Гегель-Маркс») — когнитивный стиль, основанный на категориально-предметном анализе, с использованием абстрактных, метафизических категорий, с относительно свободным дискурсом, с нежестким применением правил логического вывода, при этом во многих случаях — социально-критичный (социально-заостренный) относительно существующей социальной реальности [7].

На наш взгляд, отечественная социально-эпистемологическая программа должна использовать все преимущества КГМ-стиля отечественной науки и *максимально минимизировать* все недостатки западной социальной эпистемологии, которая базируется на НПА-стиле¹. Главными преимуществами отечественной социально-эпистемологической программы перед всеми иными должны стать *концептуальная грамотность, высочайший уровень концептуального анализа, выверенного в духе Канта-Гегеля-Маркса, а также глубина социальной метафизики в комбинации с широтой категориального анализа.*

и описания, построения и организации, доказательности и обоснования той или иной системы научного знания. НПА-стиль: «неопозитивистско-аналитический»; КГМ-стиль — опирается на Канта, Гегеля и Маркса; ФББ-стиль — опора на Фуко, Бодрийера и Бурдьё [7].

¹Таковых мы насчитывали четыре: 1) слабое внимание к концептам, концептуальная «неграмотность» и даже «концептуальная неразбериха»; 2) кейс-стади как основной метод доказательств; 3) излишний формализм; 4) излишнее доверие официальным авторитетам, перебор в «ссылочности» [7, с. 9—10]. Но в данном случае хватит и первого недостатка: в социальной эпистемологии он, как мы полагаем, он заслоняет все остальное. Не случайно для оставшихся трех мы употребили выражение «грех малый», а вот первый — это «грех большой». Впрочем, надо отдать должное и западным ученым: это проблема ими осознана, ищутся пути ее решения: см. напр. статью Катарини Грин о «номадических концептах» в социальных науках [19].

Но каковы здесь результаты исследовательской деятельности «КСЭ-группы», работающей под флагом «анархического монографизма»? Она даже не может определиться с пониманием предмета социальной эпистемологии², и тем самым отделить *социально-гуманитарную эпистемологию* от *естественнонаучной эпистемологии*. Мы не видим в ее результатах четкого понимания разницы между двумя другими фундаментальными концептами — «социальной эпистемологией» и «гуманитарной эпистемологией», а это разделение, с нашей точки зрения, должно стать ключевым для нынешнего этапа развития всего социально-эпистемологического знания, — ибо, на наш взгляд, записывать в «социальную эпистемологию» две традиции «гуманитарной эпистемологии» — *герменевтико-феноменологическую и постструктуралистско-постмодернистскую*, — значит, совершать грубую исследовательскую ошибку.

Впрочем, И. Т. Касавин, обсуждая вопрос о так называемой «культурно-исторической эпистемологии»³, тут высказывает следующую мысль:

«Российская версия социальной эпистемологии достаточно близка культурно-исторической эпистемологии, хотя и не тождественна ей. А это на сегодняшний день самый адекватный подход к пониманию связи познания и культуры⁴. Только самые

² Возможны два понимания: 1) социальная эпистемология — это теория познания социальной реальности, где в фокусе исследования находятся общество и социальное взаимодействие; 2) социальная эпистемология — исследование социальных аспектов формирования всякого знания, включая естественнонаучное и техническое (т. е. фактически «социология знания»). Мы — исключительно за первое из них, и полагаем, что второе определение лишь вносит путаницу в современную социальную эпистемологию. Приведем также мнение Д. И. Дубровского по этому поводу: «Само название «социальная эпистемология» содержит налет двусмысленности. Что имеется в виду? Эпистемология социальных явлений (особенности философского, теоретического осмысления их познания)? Выяснение роли определенных социальных факторов во всяком познании? Или эпистемология понимается вообще в качестве социального предприятия? Или то, и другое, и третье (и что-то промежуточное между ними и т. д.)?» [1, с. 70].

³ Термин неточен и неудачен: «культурно-историческая эпистемология» никак не охватывает всего вектора исследований «гуманитарной эпистемологии».

⁴ Снова вопрос И. Т. Касавину: какая все же, она — эта наша отечественная социально-эпистемологическая программа: «постнеклассическая» или «культурно-историческая»?

неинформированные из наших критиков этого не понимают» [5, с. 183].

Такое заявление от имени *всей* отечественной социальной эпистемологии нам представляется необоснованным. В такой ситуации как раз лучше быть *неинформированным критиком*, чем оказать поддержку подобному сомнительному тезису: существует ли вообще какая-то *особенная* версия российская версия социальной эпистемологии или она только еще конструируется? Почему только она «адекватна», а другие нет? И почему так безапелляционно эта версия (в настоящем или будущем) связывается с культурно-исторической *версией* (будем условно считать — «гуманитарной версией») эпистемологии?

Еще раз подчеркнем: все перечисленные нами выше достижения (они, конечно, есть, с этим никто не спорит) «КСЭ-группы» и самого И. Т. Касавина никак не доказывают и не апробируют тезис о существовании какой-то *особой, специфичной российской* социально-эпистемологической программы, альтернативной трем главным программам в социальной эпистемологии. *Этих достижений явно не «набирается» на особую, «четвертую», программу.* Но снова проблема не в том, что их мало, а в том, что «КСЭ-группа», — мы твердо настаиваем на этом тезисе! — *идет в социальной эпистемологии не совсем верным и нужным путем.* Она не понимает того, как можно использовать все преимущества «КГМ-стиля», и как в социальной эпистемологии *элементарное по своей простоте наведение порядка в концептуальном анализе трансформировать в оригинальную социальную метафизику с высокoeffективной категориальной констелляцией*¹ и, соответственно, в свою собственную, вполне по своим основаниям оригинальную социально-эпистемологическую программу. И снова, отрицательную роль здесь играет «Фуллер-зависимость», и, в целом, слепое копирование в целом «НПА-стиля» в социальной эпистемологии².

Другая серьезная «проблемная точка» в современной социальной эпистемологии — это проблема знания как «ресурса» (или «блага»), — является ли оно *даром* или *оплачиваемым товаром*? Не случайно этой теме была посвящена вышеупомянутая дискуссия в «Philosophy of Social Sci-

ences», а также многие из последних работ И. Т. Касавина и С. Фуллера. Напомним, что мы говорили о С. Фуллере выше: его «интегративная программа» ставит эпистемолога (и, вероятно, каждого социального ученого) в рамки «когнитивного менеджмента», полагая, он есть «политик знания», который участвует в «производстве знаний» и «эпистемологическом разделении труда». Такой подход *максимально* сближает фуллеровскую эпистемологию с современной «экономикой знания» («когнитивной экономикой») и делают проблему анализа основного ресурса в таком производстве, а также проблему обмена, распределения и потребления такого ресурса *ключевой для его концепции*.

Но мы выскажем сильное сомнение, что эту проблему можно решить в рамках юридического подхода к интеллектуальной собственности, — «интеллектуальных прав собственности» (intellectual property rights — а именно на нем настаивают С. Фуллер и И. Т. Касавин. Необходим кардинальный пересмотр всех алгоритмов функционирования и обращения знания в обществе, и главное, следует ввести иное, более широкое, философское понимание интеллектуальной собственности³, и лишь в этом случае, с нашей точки зрения, здесь возможен успех.

Еще одна важнейшая «проблемная точка», которую, по сути, игнорируют все три социально-эпистемологические программы — Д. Блура, С. Фуллера и Э. Голдмана, и, вокруг которой, в принципе, может строиться, наша отечественная программа, эта проблема «идеологического ракурса» современной социальной эпистемологии⁴. В частности, в современной социальной онтологии уже несколько лет ведутся дискуссии вокруг «идеальной (не-критической настроенной)» и «не-идеальной (критически настроенной)» онтологии (к примеру, [13]). Представители второй социальной онтологии упрекают сторонников первой, что они выводят из социальной онтологии всякую борьбу, насилие, идеологию, социальный хаос и т. п.⁵ Вероятно, что тот

³ Сошлемся, в частности, на нашу монографию [6].

⁴ Напомним еще раз, что в «КГМ-стиле» третья буква «М» связывается с Карлом Марксом.

⁵ «В то время как социальные онтологи фокусируют свое исследовательское внимание на таких институтах, как, к примеру, институт президентства США, вся история переполнена императорами, королями, принцами, диктаторами и вождями, кто утверждал свою власть большей частью силой оружия, чем посредством соглашения или взаимных уступок ... Двигаясь в направлении неидеальной онтологии, мы должны отказаться от понимания институтов в терминах «соглашения»

исследовательский подход может взять на вооружение и отечественная социальная эпистемология (в рамках конструирования собственной исследовательской программы) и акцентировано поставить вопрос об «идеологической пристрастности» исследователей программ (или такой же *идеологической* пристрастности отдельных ведущих социальных эпистемологов), а проблему «плюрализма» и якобы «мирного сосуществования этих программ» трансформировать в *куда более сложную в познавательном отношении* проблему их «борьбы за существование» в рамках *эволюционного* (в дарвинистском смысле) анализа социальных наук.

И это еще далеко не все «проблемные точки», которые может взять за основу своего движения вперед отечественная программа социальной эпистемологии. Здесь важно в *принципе* не впадать в «низкопоклонство» перед западными авторитетами, а научиться максимально эффективно использовать все преимущества «КГМ-стиля» перед другими когнитивными стилями. Не надо «обгонять», а надо «опережать» — идти по *другой, свободной, полосе*, — но при этом зорко вглядываясь в наших «партнеро-конкурентов», — и обращаться в свою пользу и, — это главное! — *на пользу всей социально-гуманитарной науке* промахи и ошибки тех, кого мы стремимся опередить.

Заключение

Подведем итоги. «Ldsh-стратегию» «КСЭ-группы» на первоначальном этапе вхождения отечественной социальной эпистемологии в современную мировую науку можно считать за успешную и результативную. Но далее эта стратегия стала перерождаться в «Ldsh-зависимость» — т. е. «Фуллер-зависимость». Такая зависимость никак не способствует конструированию *оригинальной и инновационной российской социально-эпистемологической программы*, конкурентной программам Д.Блур, С.Фуллера и Э.Голдмана. Следует научиться преодолевать и решать проблемные вопросы данного направления в рамках «КГМ-стиля», ибо только он, — с точки зрения автора этой статьи, — может помочь сформировать *прорывные векторы* в исследовании «добровольного согласия», и от их понимания как «родившихся из ничего» через один-единственный акт творения; нет, мы должны прийти к их пониманию как в смысле рождения *порядка из хаоса*, и как прошедших долгий и сложный, временами извилистый, путь в своем историческом развитии» [11, р. 143—146].

довательском поле отечественной социальной эпистемологии.

Статья поступила в редакцию 22.11.2021

1. Дубровский Д. И. Социальная эпистемология: некоторые вопросы и критические соображения // Эпистемология & Философия науки. 2014. Т. XVIII, № 4. С. 69—87.

2. Касавин И. Т. Наука — гуманистический проект. М. : Весь мир, 2020. 496 с.

3. Касавин И. Т. Социальная эпистемология: Фундаментальные и прикладные проблемы. М. : Альфа-М, 2013. 560 с.

4. Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М. : Канон+, 2008. 543 с.

5. Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 602 с.

6. Орехов А. М. Интеллектуальная ответственность: опыт социально-философского и социально-теоретического исследования. М. : УРСС, 2009. 330 с.

7. Орехов А. М. «Когнитивный стиль» российской социально-гуманитарной науки: обгон невозможен, но возможно опережение? // Социум и власть. 2019. № 3. С. 7—15.

8. Социальная философия науки: Российская перспектива. М. : Кнорус, 2016. 692 с.

9. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. М. : Канон+, 2010. 805 с.

10. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. М. : ВШЭ, 2021. 368 с.

11. Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. М. : Дело. 2018. 370 с.

12. Antonovskiy A., Barash R. The Mission of the Scientist Yesterday and Today: on the Centenary of Max Weber's *Wissenschaftals Beruf* // Social Epistemology. 2020. Vol. 43, no. 2. P. 117—129.

13. Brännmark J. Institutions, Ideology and Non-Ideal Social Ontology // Philosophy of Social Sciences. 2019. Vol. 49, no. 2. P. 137—159/

14. Chebotareva E. Engineers: the Gap between Mechanisms and Values // Social Epistemology. 2020. Vol. 43, no. 2. P. 151—161.

15. Fuller S. Knowledge: the Philosophical Quest in History. New York : Routledge, 2015. 240 p.

16. Fuller S. Social Epistemology. Bloomington, Indianapolis, Indiana University Press, 2002. 185 p.

17. Fuller S. Science as Gift, or Knowledge as the Offer that Cannot be Refused: Introducing Russian Science and Technology Studies //

Philosophy of Social Sciences. 2019. Vol. 49, no. 6. P. 443—452.

18. Gómez-Aguilar I. Review: Fuller S. Knowledge: the Philosophical Quest in History. New York. Routledge. 2015 // Philosophy of Social Sciences. 2017. Vol. 47, no. 1. P. 86—92.

19. Green C. Nomadic Concepts, Variable Choice, the Social Sciences // Philosophy of Social Sciences. 2020. Vol. 50, no. 1. P. 3—22.

20. Kasavin I. From Avocation to Vocation: an Ambivalence of Professional Science (Introduction to the Special Issue) // Social Epistemology, 2020. Vol. 43, no. 2. P. 101—104.

21. Kasavin I. Science and Public Good: Max Weber's Ethical Implications // Social Epistemology. 2020. Vol. 43, no. 2. P. 184—196.

22. Kasavin I. Science as Gift, or Knowledge as the Offer that Cannot be Refused: Introducing Russian Science and Technology Studies // Philosophy of Social Sciences. 2019. Vol. 49, no. 6. P. 453—472.

23. Maslanov E. Universities as Social Background in "trading Zone" Creation // Philosophy of Social Sciences. 2019. Vol. 49, no. 6. P. 493—509.

24. Samostienko E. Humanities-as-Technique: New Images of Knowledge and Ontological Construction // Philosophy of Social Sciences. 2019. Vol. 49, no. 6. P. 473—492.

25. Shibarshina S., Maslanov E. Science Communication in the Soviet Union: Science as Vocation and Profession // Social Epistemology. 2020. Vol. 43, no. 2. P. 174—183.

References

1. Dubrovskii D.I. (2014) *Epistemologiya & Filosofiya nauki*, vol. XVIII, no. 4, pp. 69—87. [in Rus.]

2. Kasavin I.T. (2020) *Nauka — gumanisticheskii proekt*. Moscow, Ves' mir, 496 p. [in Rus.]

3. Kasavin I.T. (2013) *Sotsial'naya epistemologiya: Fundamental'nye i prikladnye problemy*. Moscow, Alfa-M, 560 p. [in Rus.]

4. Kasavin I.T. (2008) *Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v sotsial'nyu epistemologiyu yazyka*. Moscow, Kanon+, 543 p. [in Rus.]

5. Kul'turno-istoricheskaya epistemologiya: problemy i perspektivy. K 70-letiyu Borisa

Isaevicha Pruzhinina (2014). Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 602 p. [in Rus.]

6. Orekhov A.M. (2009) *Intellektual'naya sobstvennost': opyt sotsial'no-filosofskogo i sotsial'no-teoreticheskogo issledovaniya*. Moscow, URSS, 2009. 330 p. [in Rus.]

7. Orekhov A.M. (2019) *Sotsium i vlast'*, no. 3, pp. 7—15. [in Rus.]

8. *Sotsial'naya filosofiya nauki: Rossiiskaya perspektiva* (2016). Moscow, Knorus, 692 p. [in Rus.]

9. *Sotsial'naya epistemologiya: idei, metody, programmy* (2010). Moscow, Kanon+, 805 p. [in Rus.]

10. Fuller S. (2021) *Postpravda: Znanie kak bor'ba za vlast'*. Moscow, VShE, 368 p. [in Rus.]

11. Fuller S. (2018) *Sotsiologiya intellektual'noi zhizni: kar'era uma vnutri i vne akademii*. Moscow, 370 p. [in Rus.]

12. Antonovskiy A., Barash R. (2020) *Social Epistemology*, vol. 43, no. 2, pp. 117—129.

13. Brännmark J. (2019) *Philosophy of Social Sciences*, vol. 49, no. 2, pp. 137—159/

14. Chebotareva E. (2020) *Social Epistemology*, vol. 43, no. 2, pp. 151—161.

15. Fuller S. (2015) *Knowledge: the Philosophical Quest in History*. New York, Routledge, 240 p.

16. Fuller S. (2002) *Social Epistemology*. Bloomington, Indianapolis, Indiana University Press, 185 p.

17. Fuller S. (2019) *Philosophy of Social Sciences*, vol. 49, no. 6, pp. 443—452.

18. Gómez-Aguilar I. (2017) *Philosophy of Social Sciences*, vol. 47, no. 1, pp. 86—92.

19. Green C. (2020) *Philosophy of Social Sciences*, vol. 50, no. 1, pp. 3—22.

20. Kasavin I. (2020) *Social Epistemology*, vol. 43, no. 2, pp. 101—104.

21. Kasavin I. (2020) *Social Epistemology*, vol. 43, no. 2, pp. 184—196.

22. Kasavin I. (2019) *Philosophy of Social Sciences*, vol. 49, no. 6, pp. 453—472.

23. Maslanov E. (2019) *Philosophy of Social Sciences*, vol. 49, no. 6, pp. 493—509.

24. Samostienko E. (2019) *Philosophy of Social Sciences*, vol. 49, no. 6, pp. 473—492.

25. Shibarshina S., Maslanov E (2020) *Social Epistemology*, vol. 43, no. 2, pp. 174—183.

For citing: Orekhov A.M.
Russian social epistemology:
from “Ldsh-strategy” to “Ldsh-dependency” //
Socium i vlast'. 2022. № 2 (92). P. 96—106.
DOI: 10.22394/1996-0522-2022-2-96-106.
EDN: CYBKDD

UDC 140.8

EDN: CYBKDD

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-96-106

RUSSIAN SOCIAL EPISTEMOLOGY: FROM “LDSH-STRATEGY” TO “LDSH-DEPENDENCY”

Andrey M. Orekhov,
Peoples' Friendship University of Russia,
Associate Professor of the Department
of Social Philosophy,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Moscow, Russia.
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Abstract

Introduction and purpose. The paper is devoted to social and philosophical aspects of evolution of Russian social in connection with advancement of Fuller's ideas, and also analytical aspects of Fuller's contribution into the global social science. **Methods.** The author of the paper applies theoretical methods (analysis, synthesis, etc.), acting in contemporary philosophy and sociology of social sciences. The author also uses the method of social observation.

Scientific novelty of the research. The key idea of the paper is to analyze the phenomenon of “Fuller-dependency” in contemporary Russian social epistemology as a type of “Ldsh-dependency”. “Ldsh-strategy” is a strategy of entering the world science following some scientific leader as an authoritative scientist. “Ldsh-dependency” is an absolute or nearly absolute dependency of our Russian sphere of knowledge from some concrete leader or an authoritative scientist who favors our entry to the world science.

Results. «KSE-group» (I.T.Kasavin's group) successfully and effectively uses “Ldsh-strategy” on the first stage of its entering the world science. But further the strategy begins to regenerate into “Ldsh-dependency” i.e. “Fuller-dependency”. Such dependency does not contribute to constructing original and innovative Russian social-epistemological program, competitive to the programs of S.Fuller, D.Bloor and A.Goldman. It is necessary to learn to overcome and solve problematic issues in limits of “KHM-style” since only this style can form “break-through vectors” in the research area of Russian social epistemology.

Keywords:
social epistemology,
I.N.Kasavin,
S.Fuller,
“Anarchic monographity,
Ldsh-strategy,
Ldsh-dependency,
“Fuller-dependency”,
«KSE-group»,
“KHM-style”

Для цитирования: Международное заседание круглого стола «Искусство, наука, образование: актуальные вопросы современности и перспективы развития» (Россия, г. Челябинск, 7 апреля 2022) // Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 107—135. DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-107-135. EDN: DDFYSS

УДК 304.2 + 37 + 7.067

EDN: DDFYSS

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-107-135

**МЕЖДУНАРОДНОЕ
ЗАСЕДАНИЕ
КРУГЛОГО СТОЛА
«ИСКУССТВО, НАУКА,
ОБРАЗОВАНИЕ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОСТИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»
(РОССИЯ, Г. ЧЕЛЯБИНСК,
7 АПРЕЛЯ 2022)**

Аннотация

Заседание круглого стола проводится на базе тематической площадки Южно-Уральского государственного института искусств имени П. И. Чайковского в рамках Международного научного культурно-образовательного форума «Евразия-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации» (Челябинск, 06.04.2022—08.04.2022). Структура заседания представлена несколькими смысловыми блоками в виде поиска ответов на актуальные вопросы современности, связанные с современным состоянием и перспективами развития искусства, науки, образования в контексте плодотворного развития человека, общества, государства на основе диалогических отношений между ними. Искусство, наука, образование рассматриваются не как отдельные социальные институты и феномены культуры, а во взаимодействии со всеми сферами общественной жизни: экономической, политической, социальной, духовной.

Ключевые слова:
образование,
наука,
искусство,
творчество,
ценности,
глобализация,
цифровизация

В заседании круглого стола приняли участие представители субъектов территорий Российской Федерации и зарубежных стран:

Аббасов Павел Рамазанович, кандидат педагогических наук; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, заместитель директора по учебной работе (*abbasovp@yandex.ru*; Россия, г. Челябинск)

Бобрик Александра Александровна, кандидат философских наук; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин (*aleksa-agent@mail.ru*; Россия, г. Челябинск)

Бутова Ирина Алексеевна, кандидат педагогических наук; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, проректор по учебно-методической работе (*irbytova@mail.ru*; Россия, г. Челябинск)

Викина Надежда Алексеевна, кандидат педагогических наук; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, факультет социокультурной деятельности, заведующий отделом научно-методической работы (*kolvikina@mail.ru*; Россия, г. Челябинск)

Доронина Светлана Геннадиевна; Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Центр историко-философских и компаративных исследований, аспирант (*svetadoris@mail.ru*; Республика Беларусь, г. Минск)

Заварзина Наталья Александровна, Народная артистка РФ, доцент; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, факультет музыкального искусства, заведующий кафедрой сольного пения (*NataliaZavarzina@yandex.ru*; Россия, г. Челябинск)

Звагольская Светлана Васильевна, Ресурсный учебный методический центр Департамента образования и науки г. Севастополя, Севастопольский профессиональный художественный колледж, педагог-психолог; Севастопольский государственный университет, аспирант кафедры психологии (*alhena.z@yandex.ru* Россия, г. Севастополь)

Зырянов Сергей Григорьевич, доктор политических наук, профессор; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, главный редактор научного журнала «Социум и власть» (*ziryaynov-sg@ganepa.ru*; Россия, г. Челябинск)

Ивлев Никита Николаевич, кандидат исторических наук, доцент; Южно-Уральский

государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, мл. научный сотрудник, доцент кафедры социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин (*lvleven.n.n@mail.ru*; Россия, г. Челябинск)

Ищенко Николай Прокофьевич, Заслуженный артист РФ, профессор; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского, факультет музыкального искусства, профессор кафедры оркестровых народных инструментов (*nikelmusik@mail.ru*; Россия, г. Челябинск)

Ищенко Елена Борисовна; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, факультет музыкального искусства, преподаватель теоретического отделения (*nikelmusik@mail.ru*; Россия, г. Челябинск)

Кадыров Арген Ишенбекович, Институт философии, права и социально-политических исследований Национальной академии наук Кыргызской Республики, научный сотрудник (*Kaddyrov01@mail.ru*, Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Карипов Балташ Нурмухамбетович, доктор политических наук, профессор; Кокшетауский университет имени Шокана Уалиханова (*bkaripov@yandex.ru*; Республика Казахстан, г. Кокшетау)

Кауцель Анастасия Александровна; Детская школа искусств № 11, преподаватель (*nikelmusik@mail.ru*; Россия, г. Челябинск)

Кацук Евгений Петрович; заслуженный работник культуры РФ; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, декан хореографического факультета (*ek1950@mail.ru*; Россия, г. Челябинск)

Коновлянская Наталья Владимировна; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, факультет музыкального искусства, преподаватель теоретического отделения (*nata2606@bk.ru*; Россия, г. Челябинск)

Костюк Ольга Николаевна, доцент; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, факультет изобразительного искусства, декан (*chhu74@yandex.ru*; Россия, г. Челябинск)

Костюк Анатолий Владимирович; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, факультет изобразительного искусства, преподаватель художественного училища (*chhu74@yandex.ru*; Россия, г. Челябинск)

Кучер Наталья Юрьевна, кандидат педагогических наук; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, факультет музыкального искусства, заведующий кафедрой истории, теории музыки и композиции (*nataljakucher@yandex.ru*; Россия, г. Челябинск)

Куштым Евгения Александровна, кандидат философских наук, доцент; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, проректор по научной работе и международному сотрудничеству (*Evgeniya_59@mail.ru*; Россия, г. Челябинск)

Лазарев Арсений Иннокентьевич; Уральский филиал Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, библиотечкарь I категории (заведующий библиотекой) (*a.i.lazarev@mail.ru*; Россия, г. Челябинск)

Левина Анна Александровна, Институт развития образования города Севастополя, руководитель Центра информационно-методического сопровождения, методист; Севастопольский государственный университет, аспирант кафедры психологии (*levina@sev-centr.ru*, Россия, г. Севастополь)

Ле Тхи Хонг Фьонг, Университет социальных и гуманитарных наук при Вьетнамском национальном университете в Ханое, Центр современных религиозно-философских исследований, научный сотрудник (*lethihongphuong@gmail.com*, Социалистическая Республика Вьетнам, г. Ханой)

Марченко Евгений Геннадьевич, Образовательный центр № 5 города Челябинска, директор (*oc-5@bk.ru*; Россия, г. Челябинск)

Моторная Светлана Евгеньевна, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук; Севастопольский государственный университет, доцент кафедры психологии (*motornaya@ukr.net*; *lana.kracota@mail.ru*; Россия, г. Севастополь)

Неволина Светлана Петровна, профессор; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского, факультет музыкального искусства, профессор кафедры специального фортепиано и камерно-концертмейстерского искусства (*nevolinaspb@mail.ru*; Россия, г. Челябинск)

Некрасов Станислав Николаевич, доктор философских наук, профессор; Уральский государственный аграрный университет, профессор кафедры философии, главный научный сотрудник; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, профессор кафедры культурологии и дизайна (*nekrasov-ural@yandex.ru*; Россия, г. Екатеринбург)

Нехамкин Валерий Аркадьевич, доктор философских наук, профессор; Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Национальный исследовательский университет), профессор кафедры философии (*nehamkin@rambler.ru*; Россия, г. Москва)

Нижников Сергей Анатольевич, доктор философских наук, профессор; Российский университет дружбы народов, факультет гума-

нитарных и социальных наук, профессор кафедры истории философии (*nizhnikovs@mail.ru*; Россия, г. Москва)

Николаева Ирина Викторовна; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, колледж культуры, преподаватель отделения библиотекосведения (*nikolaewaiw@yandex.ru*; Россия, г. Челябинск)

Никулин Алексей Александрович; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, преподаватель кафедры физической культуры и безопасности жизнедеятельности; аспирант (*nikulin_1964@mail.ru*; Россия, г. Челябинск)

Пашков Геннадий Петрович, профессор; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, факультет музыкального искусства, профессор кафедры оркестровых народных инструментов (*р9128996029@gmail.com*; Россия, г. Челябинск)

Растворова Наталья Валерьевна, кандидат искусствоведения, доцент; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, факультет музыкального искусства, доцент кафедры истории, теории музыки и композиции (*rastvorova2011@mail.ru*; Россия, г. Челябинск)

Рыбакова Наталья Николаевна, Заслуженный артист РФ, профессор; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, факультет музыкального искусства, профессор кафедры специального фортепиано и камерно-концертмейстерского искусства (*rnp@asv.me*; Россия, г. Челябинск)

Сафина Наиля Рудамильевна; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, факультет социокультурной деятельности, заведующий отделением библиотекосведения (*nedolgoslov@yandex.ru*; Россия, г. Челябинск)

Севастьянова Ирина Вяславовна; Севастопольский государственный университет, ассистент кафедры иностранных языков, соискатель учёной степени кандидата педагогических наук по специальности «Теория и методика профессионального образования» (*irsevastyanova@gmail.com*) Россия, г. Севастополь)

Сериков Александр Алексеевич; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, колледж культуры, преподаватель ПЦК социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин; начальник службы информатизации (*otdel.it@uurgii.ru*; Россия, г. Челябинск)

Сизова Елена Равильевна, доктор педагогических наук, профессор, академик РАЕ; Южно-Уральский государственный институт

искусств имени П. И. Чайковского, ректор (*rektor@uurgii.ru*; Россия, г. Челябинск)

Слуева Ольга Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского, заведующий отделом художественно-творческой работы; факультет музыкального искусства, заведующий кафедрой оркестровых народных инструментов (*olgaslueva74@mail.ru*; Россия, г. Челябинск)

Степанова Наталья Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, факультет музыкального искусства, доцент кафедры фортепиано (*stepanova.n2010@yandex.ru*; Россия, г. Челябинск)

Чернов Дмитрий Алексеевич; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, факультет музыкального искусства, преподаватель отделения народных инструментов (*dm-ch@yandex.ru*; Россия, г. Челябинск)

Чупров Александр Степанович, доктор философских наук, профессор; Благовещенский государственный педагогический университет, профессор кафедры всеобщей истории, философии и культурологии (*alex.chupr@yandex.ru*; Россия, Амурская область, г. Благовещенск)

Шарикова Светлана Геннадьевна; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского, заведующий учебно-методическим отделом, аспирант (*ums-uurgii105@mail.ru*; Россия, г. Челябинск)

Юшутин Михаил Фёдорович; Центр эстрадного искусства, артист оркестра; адъюнкт, соискатель учёной степени кандидата искусствоведения по специальности «Музыкальное искусство» (*tenzor07@yandex.ru*; Россия, г. Севастополь)

Яновский Олег Павлович, Заслуженный артист РФ; профессор; Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского, проректор по художественно-творческой работе; факультет музыкального искусства, заведующий кафедрой специального фортепиано и камерно-концертмейстерского искусства (*ol_yan@mail.ru*; Россия, г. Челябинск)

Куштым Е. А. Добрый день, уважаемые коллеги! Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского приветствует всех участников заседания круглого стола, которое проводится в рамках Международного научного культурно-

образовательного форума «Евразия-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации». Структура заседания круглого стола представлена следующими смысловыми блоками: искусство, наука, образование как ценность человеческой цивилизации; информация и культура; роль глобализации и цифровизации в развитии искусства, науки, образования; цифровизация и виртуализация сознания; коммуникативная культура как культура диалогических отношений.

Тема круглого стола выбрана не случайно и рассматривается нами в русле наиболее общей проблематики современности, а именно — искусство, наука, образование как ценность человеческой цивилизации. Проблемы образования в последние десятилетия активно обсуждаются на форумах, конференциях. В первую очередь это связано со стремительными научно-техническими изменениями, а также изменениями культурного облика мира. Образование признаётся в качестве необходимого условия существования человека на протяжении всей его жизни. Проблема состоит в том, что происходящие сегодня в мире изменения, в том числе в области научных изысканий, идут с невероятной скоростью и столь кардинальны, что приводит к нескончаемому потоку плодотворных инноваций. Цифровизация привела к необходимости незамедлительного практического использования в образовательной деятельности полученных в результате цифровой революции достижений. Каков выход в условиях радикальных научно-технических изменений? Ответ прост: выработка адекватного подхода социальных институтов к проблеме подготовки кадров, в том числе выделение дополнительных средств на качественную профессиональную переподготовку и повышение квалификации. Попросту говоря — учиться всю жизнь, постоянно овладевая новыми технологиями.

Ивлев Н. Н. Хочу поддержать Евгению Александровну. Значение науки и образования в современном мире бесконечно велико. Без научных достижений современное человечество никогда бы не достигло тех высот в организации экономики, социальной сферы, функционировании многомиллионных мегаполисов. Элементарно, без науки человечество никогда бы не достигло такого размера и такого высокого уровня жизни миллиардов людей. Но, на мой взгляд, важнейшей проблемой остается нарушение баланса между развитием и стабильностью. Кризис роста проявляется во множестве сфер и направлений.

Уже несколько лет в рамках нашего института работает студенческая научная лабора-

тория по истории. Я долго думал, что можно предложить нашим художникам и музыкантам для углубленного понимания сложнейших социально-экономических и культурных процессов, происходивших в истории нашего государства в XX веке. Осознание проблемы появилось в ходе обсуждения со студентами важнейшего социально-культурного явления последних десятилетий — движения «Бессмертный полк». Почти все студенты были согласны, что семейная история и память о предках, несомненно, важны и интересны: чуть меньше половины из числа студентов знают имена своих прадедов и прабабушек — участников Великой Отечественной войны, но почти никто не смог ничего сказать о том, что конкретно совершили прадеды, как жили, в каких условиях вершили историю Великой Победы. Среди нескольких сотен студентов первого курса не нашлось ни одного, кто бы знал свою семейную историю... История страны воспринимается обезличенно, как что-то чужое, происходившее когда-то далеко и совсем не с нами. Теряются исторические и цивилизационные связи. Практически в современном мире в целом создаются все условия для дальнейшего разрушения традиционных общественных ценностей.

Разрываются горизонтальные связи, постепенно исчезают большие семьи, родственники встречаются лишь несколько раз в жизни. Рвутся вертикальные связи, разрушается уважение к старшим поколениям. Те, кто еще недавно воспринимался молодыми людьми в качестве хранителей опыта и бесценных знаний, сегодня оказываются в роли далеко отставших от новейших технологий. Итогом становится потеря традиционных семейных связей и ценностей. Вместе с существующими социально-культурными проблемами продолжают активизироваться и экономические вопросы существования традиционных семейных ценностей. Для многих молодых семей дети становятся «непозволительной роскошью» и потенциальные родители отказываются от рождения детей или останавливаются на одном ребенке. Итогом становится депопуляция. Но сейчас нас волнует не вопрос демографии, а вопрос сохранения традиционных, культурно-исторических, цивилизационных ценностей. Выработанный веками механизм их передачи от поколения к поколению в рамках больших семей практически разрушен «катком научно-технического прогресса», остановить который совершенно невозможно, так как это приведет к грандиозным катастрофам. Оставить всё как есть тоже нельзя, так как полный крах традиций ведет к морально-нравственному разложению, разрушению государства

и цивилизации. Из всех возможных путей выхода из сложившейся ситуации я вижу резкую активизацию государственной культурной политики, направленной на сохранение семейных традиций и ценностей. Необходима реформа системы образования на всех её уровнях. Повсеместное возвращение воспитательной функции в систему образования становится жизненно необходимым как с тактической, так и со стратегической точки зрения.

Куштым Е. А. Спасибо, Никита Николаевич, полностью солидарна с Вами. Отдельно отмечу, культура есть не что иное, как информационная система, которая включает в себя всю совокупность выработанных на протяжении веков значимых символов, смыслов, ценностей, норм, обычаев, верований, традиций, на основе чего, собственно, человек, общество, государство организуют свою жизнедеятельность. При этом все культурные феномены — искусство, наука, образование и другие имеют общую природу — информационную. Информация выступает в качестве фундаментальной основы культурного развития. Слово для доклада предоставляется доктору философских наук, профессору Александру Степановичу Чупрову, профессору кафедры всеобщей истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета Амурской области.

Чупров А. С. Уровень развития и состояние современной цивилизации и человечества в целом всё чаще называют *информационным обществом*. Вопрос о взаимосвязи, с одной стороны, информации, с другой, — цивилизации и культуры во всем мире уже более полувека обсуждается учеными самых разных специальностей. Достаточно сослаться на фундаментальную работу «Информация и культура» (2015) А. Д. Урсула и К. К. Колина, в которой представлен, конечно, не исчерпывающий и уже семь лет не новый, но весьма солидный перечень работ по данной теме.

Большинство авторов, исследующих взаимосвязь информации, культуры и цивилизации, не видят их *онтологического основания*, молчаливо полагая, что эта взаимосвязь и без того понятна уже, так сказать, на интуитивно-бытовом уровне. Причина этого — в господстве позитивистского и эмпирически-прагматического подходов к данному вопросу при почти полном игнорировании классического философского (или метафизического) подхода.

Ничуть не хочу умалять огромную значимость исследований, ориентированных на решение практических вопросов взаимосвязи информации, культуры и цивилизации, однако подчеркну, что *понимание* природы

и сущности этой взаимосвязи невозможно без уяснения того, чем и как обеспечивается их взаимодействие и взаимовлияние на онтологическом уровне, поскольку эта проблема напрямую связана с уразумением онтологического статуса человека как главного и единственного субъекта культуры и цивилизации. Человек — это своего рода «константа» (подобно скорости света в теории относительности) всех информационно-культурных и цивилизационных явлений и процессов, но на принципах позитивизма и прагматизма, игнорирующих бытие как таковое, осмысление и даже сама постановка вопроса о сущности человека и смыслах его существования невозможны, а это означает, что и вопрос о взаимодействии информации и культуры в сугубо позитивистском и эмпирически-прагматическом плане *на уровне теории* в принципе не решаем. В этой связи очень показательна неудовлетворенность современным состоянием теории информации известным экономистом и политиком М. Г. Делягиным, который пришел к выводу, что для решения практических вопросов, касающихся роли информации в социальной сфере, увы, ничего лучше, чем ленинское понятие *отражения*, пока не разработано. Действительно, самые разные определения того, что такое информация, — это еще не теория онтологического статуса информации. Уже в первом абзаце упомянутой работы К. К. Колина и А. Д. Урсула почти каждый оборот вызывает возражение или вопросы.

Во-первых, сельскохозяйственная и индустриальная революции стоят совсем в другом ряду, чем революция информационная, а именно там, где речь идет о собирательстве, охоте и рыбной ловле, скотоводстве кочевом, а затем и оседлом), земледелии (причем, в разных модификациях — экстенсивном и интенсивном, ирригационном, садоводческом — например, в Древней Греции, где выращивание винограда и маслин стало основой экономики и, наконец, как в XX—XXI вв., тепличном). Во-вторых, информационная революция стала итогом развития способов коммуникаций, опирающихся на достижения в области науки, технологии и техники, а также инфраструктуры и энергетики. Это другой ряд явлений и понятий — устная коммуникация, письменная (рукописная и печатная) и, наконец, электронная от телеграфной связи, радио и ТВ до цифровых технологий, интернета и мобильной письменной-аудио-видео связи; от которых рукой подать до превращения каждого отдельного человека и целых сообществ в ретрансляционно-принимающее «устройство» вплоть

до вживления передатчиков в организм, а то и путем непосредственного воздействия на определенные участки мозга и «кооптирования» его с искусственным интеллектом. В-третьих, информационная составляющая ни на йоту не ослабила роль вещественной и энергетической компонент, а даже напротив — потребовала: а) разработки и использования новых материалов; б) создание гигантской разветвлённой инфраструктуры от строительства ретранслирующих вышек, системы космических спутников, наземных передающих коммуникаций, до системных блоков, гаджетов и мониторов; в) огромного количества дополнительной электроэнергии (уже сегодня IT технологии потребляют до 30 % всей вырабатываемой электроэнергии); г) потребовала освоение и доведение до автоматизма ранее не свойственных человеку манипуляций, а также и аудио- и видеовосприятий (с явными негативными последствиями для здоровья человека с детских лет, что, в свою очередь, требует дополнительных затрат на лечение). В-четвертых, информационная эпоха, хотя и стала возможной в результате достижений науки, техники и технологий, она ничуть не изменила *содержательный* контент в плане изменения *мировоззрения* людей с точки зрения приобретения им своей «научности». Как раз, напротив, открыло небывалые возможности для массового циркулирования информации, которую еще полвека назад считалось даже неприличным публично озвучивать в наш век науки (от спорных концепций до бреда психически больных людей). То же самое можно сказать и о культурно-эстетическом уровне массового сознания. Информационная эпоха стала «золотым» временем для массовой канализации самых примитивных инстинктов и вкусов, которые восходят к эпохе существования еще питекантропов со свойственным именно этому виду человекоподобных каннибализма (у кроманьонцев каннибализма не было). Более трети всей информации, транслируемой и потребляемой в интернете, — это стопроцентная порнография на любой вкус, + пропаганда экстремистских идей, связанных с подчинением, завоеванием и даже уничтожением себе подобных, а также кинопродукции и оккультных игр в красочной упаковке различных фэнтези.

Наконец, и это, пожалуй, самое существенное. Информация — это не только и не столько сообщение о чем-либо, хотя на уровне явления информация (подчеркну!) *для человека* — это действительно отправляемое и получаемое сообщение о чем-либо. Иначе говоря, для человека информация — это всегда лишь бесконечно малая часть познанного

и интерпретированного бесконечного мира, так или иначе структурированного и оформленного. Собственно, информация — это и есть мир как структурированный и упорядоченный Космос (в противоположность неформленному и недифференцированному Хаосу), который обрел ту или иную внутреннюю и внешнюю форму, которая в сознании человека предстает как некий осмысленный, наделенный какими-либо значениями и ценностями идеальный образ объективно структурированного мира, подчиненного объективной логике. Независимо от того, на какой ступени своего развития находится человечество, информационная компонента объективно существующего мироздания (наряду с энергетической и материально-вещественной компонентами) для человека всегда одинаково практически *бесконечна*, а так сказать «пропускная способность» человеческого сознания на протяжении всей его истории остается практически неизменной. Изменились лишь масштабы *познанного*, а также способы и скорость трансляции тех или иных сведений, выбор и характер (качество) усвоения человеком структуры (порядка) *коллективно* познанного мира.

В сущности, принципы современного научного представления о мире мало чем отличаются от древнейших (Эмпедокла и Платона) представлений о мире, где вода, земля, воздух и огонь символизировали четыре стихии мироздания, где вода символизировала порождающую жизнь (энергию), земля — вещество, или материю, воздух (отношения, или информацию), а огонь — разум (логос) в широком смысле слова как способность видеть *значимость и смысл* явлений природы. В бытии человечества эти четыре стихии представлены как четыре компонента всякого социума: люди, вещи, отношения, идеи. Уникальность человека в этой четверице состоит в том, что он не только как бы пронизывается и обуславливается всеми четырьмя составляющими, но еще и *осознает* их как нечто отличное от него самого. Однако осознание человеком самого себя дается ему вместе со способностью различения добра и зла (вменяемостью), а свобода воли — со способностью творить по своему выбору (или произволу) как добро, так и зло. Более того, свобода воли требует от него осознанной *воли быть человеком*, т. е. не превращаться в существо, которое может быть хуже любого зверя. Для человека эта необходимость предстает неким «противовесом» свободной воли. Но поскольку эта необходимость носит не объективный, а сугубо субъектный характер, то человек сплошь и рядом, часто даже не осознавая этого, таким «зверем хуже зверя»,

подчиня и уничтожая порой самыми изуверскими способами себе подобных и становится, чего не делает, кажется, ни одно другое существо на свете. Если цивилизация есть *материально-вещественный* способ существования человечества, а культура — способ его *ценностно-смыслового* существования, то информация как форма организации мира, или миропорядка, — это опосредующее звено в замкнутой цепи «культура — цивилизация», вечно опосредующее культуру и цивилизацию, без которого ни культура, ни цивилизация существовать не могут в принципе. В ходе истории человечества менялся лишь масштаб и способ трансляции информации и, соответственно, масштабы, способы и скорость *коммуникаций* между людьми. Таким образом, всеобщность информации обусловлена объективной структурированностью мира. В противном случае вместо Космоса мы имели Хаос, т. е. ничто.

Одну из первых в истории науки «теорию всего», созданную Эмпедоклом, схематично можно представить в виде древней четверицы: огонь, вода, воздух, земля. Конечно, за прошедшие с того времени столетия было сделано множество великих и малых открытий в области естествознания, произошла впечатляющая дифференциация и математизация физики. Несмотря на все достижения науки о природе, принципы, метафорически обозначенные в учении Эмпедокла, остались прежними. Правда, изменились названия «стихий» и, разумеется, их понимание, а также понимание причин и характера их взаимоотношений. Однако и нынешние представления о «компонентах» мироздания и сегодня сводятся к *четырем инвариантным составляющим* мега-, макро- и микромира: масса или «материя», энергия, отношение, информация. Энергия и масса находятся внизу четверицы. В этом отношении они однопорядковые явления. Даже закон их сохранения «один на двоих». А вот информация и отношение как идея и смысл занимают верхнюю половину четверицы. Их объединяет уже то, что они не имеют характеристик ни массы, ни энергии. Они, если и не являются причиной энергии и массы, то как минимум выступают обязательным *условием* и одновременно *формой их существования*. При этом крайняя противоположность носит, так сказать, «диагональный» характер: энергия противоположна информации; материя — отношению. И наоборот. А вот различия между энергией и массой, материей и информацией, информацией и отношением, отношением и энергией уже не столь существенные. Более того, они плавно переходят одно в другое, где первое как бы порождает

второе. Открытым для меня является вопрос: являются ли эти «метаморфозы» однонаправленными или возможно обратное и даже вечное колебательное взаимопревращение. Так сказать, «дрожит» ли вселенная, но этот вопрос можно решить только опытным путём. Информация — антипод энергии, подобно тому, как ментальное — антипод вещества. Информация тождественна разуму в своем способе идеального существования. Энергия тождественна веществу как способ материально-вещественного (реального) существования. Но и идеальное, и реальное тождественны друг другу как способы существования вообще. Различие лишь в том, что реальное существует непосредственно (как бы независимо друг от друга, хотя в действительности ВСЁ в мире существования обусловлено ВСЕМ, т. е. мироздание существует как бы самодостаточно, «вне и независимо от ощущений», как выражался Ленин), а идеальное — как опосредованное (одно существует, точнее, выражено символически посредством другого). Таким образом, отношение (идея), информация (число), энергия (мера движения) и материя (материальная точка) — это всё, что исчерпывает наши современные представления о Вселенной, мире, космосе, универсуме, макро- и микромире.

На мой взгляд, уже на заре цивилизации человек — в своей основе и сущностных характеристиках — изначально был таким, каким мы его (а значит и себя самих) знаем сегодня, т. е. осознающим себя и деятельным *субъектом*. Кроме того, человек родоплеменной общины был не глупее и не бездарнее нынешнего, просто у него были обусловленные особенностями и возможностями исторического места и времени, а потому отличные от наших *способы и формы* представлений о мире и о себе, а стало быть, и свои *иллюзии* относительно этого мира и самого себя. Иллюзии, которые ничем не хуже иллюзий современного «просвещенного и рефлексизирующего субъекта». Человек одной эпохи и культуры отличается от человека другой эпохи и культуры (как, впрочем, и в рамках одной эпохи-культуры) не степенью своей субъектности, но исключительно эстетически, нравственно и, конечно, уровнем *индивидуальной* одаренности, образованности и степенью информированности. Здесь культура — это субъектность, значимость, ценности, смыслы. Символы и коды: значения (функция и структура), код, носитель, коммуникации между источником и получателем информации. Вождение — аналог энергии, делающей возможной желание, волю, устремленность (целенаправленность) жизни каждого и социума в целом к концу своего существования, когда воля (энергия)

превращается в свою противоположность — информацию, а материя в свой антипод — интуицию, ощущения и эмоции, воображение и идею. Цивилизация: фрагмент объективной реальности, преобразованной в соответствии желаний и целями, а также все побочные (непланируемые) отрицательные результаты и потери. Благодарю за внимание.

Куштым Е. А. Спасибо, Александр Степанович, за поставленный Вами акцент на метафизическом подходе к исследованию взаимосвязи информации, культуры и цивилизации! Продолжаем. Живя в эпоху научной формации (и это, к слову сказать, замечательно, что научное знание обогащается), доверие к культурной традиции ослабляется до предела. Человек, освободившись от традиций, охотно начинает жить доктринёрскими формулами. Уместно вспомнить замечание Лоренца (не вдаваясь в плюсы и минусы его теории), который отметил, что радикальный отказ от отцовской культуры — даже если он полностью оправдан — может повлечь за собой губительное последствие. Необходимо выявление и применение уравновешивающих скреп между традициями и новациями.

Растворова Н. В. Поддержу Евгению Александровну в постановке этого вопроса, который можно отнести к разряду «вечных и основных» не только в философии, но и в социокультурной среде. По аналогии с выдвигаемыми в различных философских системах основными для них вопросами, диалектика взаимосвязей традиций и новаторства составляет онтологическую суть основного вопроса духовной культуры человечества. В истории музыки проблема взаимоотношений «канона» и «эвристики» (если воспользоваться дихотомией, предлагаемой в фундаментальном труде «Музыка как вид искусства» крупнейшего отечественного музыковеда В. Н. Холоповой) приобретала в разные времена разные формы, вплоть до самой резкой их конфронтации. Так было, например, в начале XX века с Нововенской школой, радикально противопоставившей себя общеевропейской тонально-музыкальной традиции. Непонятые тогда, имевшие крайне малый круг приверженцев и отвергавшиеся большинством додекафония и серийная техника вошли в современную композиторскую практику в качестве одного из традиционных методов композиции, заняли свое место в арсенале ее разнообразных выразительных средств, так и не став магистральным (как это предрекалось их сторонниками) направлением развития профессиональной музыки.

Иной пример демонстрирует творчество М. П. Мусоргского, оказавшего колоссальное влияние не на современников, а на последу-

ющие композиторские поколения. Его гениальные звукоидеи, считавшиеся при жизни композитора результатом безграмотности и неряшливости выражения музыкальной мысли, как оказалось впоследствии, вели к обогащению традиционной тональной парадигмы, к ее трансформации и обновлению изнутри. И оба эти примера показательны с точки зрения того, как по прошествии времени авангард эволюционным путем видоизменяет существующую традицию либо вписывается в ее русло, образуя в ней новую нишу. Это универсальная закономерность развития высокой культуры и искусства. Выявления здесь каких-либо регулирующих механизмов не требуется, все происходит само собой, естественным путем.

В последнее время все оказывается далеко не так просто, поскольку и на область высоких достижений человеческого духа уже начинают оказывать свое влияние процессы, происходящие в современной общественной жизни. Постмодернизм с его концептуальной установкой на «пересечение границ» (между высоким и низким, банальным и оригинальным, реальным и виртуальным и т. д.) «спутал все карты» до такой степени, что «стирание границ и засыпание рвов» перешло грань здравого смысла. Мы видим проявление этого коллективного безумия Запада в извращении понятия «толерантность», означающего в настоящее время ущемление прав большинства в пользу различного рода меньшинств. Навязывание «идеологии гендера», обоснованное узаконенным в Стамбульской конвенции понятием «третий пол», так называемая «культура отмены» (в ее рамках чего только стоит требование Black Lives Matter запретить классическую музыку как «музыку мертвых белых мужчин») — лишь мизерная часть того, что призвано разрушить исконные основания человеческой цивилизации. Новации подобного рода — страшный вызов человечеству, преодолеть который можно только в опоре на ценности традиционного общества. И хотя в нашей стране эта угроза кажется сейчас малоосуществимой, следует обратить самое пристальное внимание на молодежь, на необходимость прививать ей ценности подлинной культуры. Сегодня это очень непростая задача — сделать так, чтобы основу мировоззрения и духовного роста молодых поколений составляли не многочисленные субкультуры, а классическое наследие и лучшие образцы современной литературы и искусства. Этим занимаются наши образовательные учреждения, концертные и творческие организации, театры, музеи, библиотеки, но их усилий недостаточно. Сегодня необходимо выстраивать медийное

пространство так, чтобы культурная «семиосфера» (Лотман) была в нем преобладающей, чтобы именно она оказывала самое существенное влияние на состояние душ и умов нашего общества.

Кадыров А. И. Уважаемые коллеги, в свете обсуждаемых проблем хочу обратить ваше внимание на усиливающее снижение роли литературы и философии как глобального и универсального метода для формирования личности и духовности человека. Данная тенденция особо заметно в России и странах Центральной Азии, поскольку, как выразился выдающийся писатель и мыслитель советского периода Чингиз Айтматов, русского человека воспитывала именно литература, особенно в советское время, несмотря на жесткие рамки, писатели играли определяющую роль в формировании личности и идентичности. В данное время, к сожалению, образовательный процесс и образование как таковое становятся и в каком-то смысле уже стали частью массовой культуры. В массовой культуре есть некая своя, более примитивная форма выражения смыслов и сюжетов. Ч. Айтматов в 90-е годы предпринял попытку окунуться в новый для себя мир, мир массовой культуры. В своих беседах он упоминает о том, как пытался прочитать модного для современного общества произведение «Гарри Поттер». Но все-таки ему не удалось до конца дочитать его. По мнению классика русской литературы Чингиза Айтматова, данное произведение для него представилось примитивным, что и объясняло его популярность в массовой культуре. Подобно М. Хайдеггеру, Айтматов трепетно относился к языку, для него подобные модные явления представлялись ничем иным, как деградация литературы и вместе с ней человека. Поэтому, на наш взгляд, образовательный процесс и образование как таковое должны заново выйти из тени массовой культуры и утвердить свои высокие ценности.

Моторная С. Е. Ещё М. В. Ломоносов в «Поэтических воззрениях славян на природу» писал, что достаточно оторвать молодое поколение от поколения предыдущего — родителей, чтобы вырастить «Иванов, не знающих родства». Как дерево мощно своими корнями, так и человек может расцветать в своих возможностях раскрытия данных ему природой способностей только на родной почве, которая его питает. Потому что любой народ черпает свою силу и устойчивость из родных культуры, родного языка и литературы, истории и мифологии, науки, искусства и архитектуры, национальных обычаев, обрядов, символов, художественных промыслов и фольклора. Важно обеспечить общение

с истинно культурными ценностями, прекраснейшими произведениями искусства, несущими свет высокого знания, мудрости, нравственности, которые облагораживают душу, наполняя и очищая её Светом, Любовью, Красотой.

Доронина С. Г. Проблема отцов и детей, межпоколенческих связей существовала всегда. Еще Гесиод писал: «Я утратил всякие надежды относительно будущего моей страны, если сегодняшняя молодежь возьмет в свои руки бразды правления, ибо эта молодежь невыносима, невыдержанна, просто ужасна». Конфуций, идеи которого являются частью широкого философско-социального и педагогического дискурсов современного Китая, также поднимал проблемы взаимоотношений разных поколений. С моей точки зрения, эти вопросы являются актуальными и животрепещущими в любые времена и в любой культуре, с той лишь разницей, что меняются сами люди, их представления о человеке, мире, культуре, ценностях, социальных нормах и, как правило, о взаимоотношениях взрослых и детей.

Что представляет в настоящий момент новую проблему, так это сложность определения четких критериев, по которым возможно провести демаркационную линию, разделяющую унифицированную бесформенную массу глобальной культуры на отдельные ячейки уникальных национальных культур. И возможно ли в принципе в условиях параллельно происходящих процессов глобализации (речь идет об объективном процессе, а не идеологии глобализма) и глокализации и/или регионализации, находящихся в диалектическом взаимодействии, говорить одновременно, с одной стороны, о «чистых» традициях, а с другой — об истинных универсальных ценностях. История вопроса такова, что этот процесс был запущен еще в XVI веке — если не раньше, — и в настоящий момент не представляется возможным осуществить фильтрацию культурных традиций, позволяющую каждой из них занять свое четкое место в огромной структуре универсума смыслов и значений. Отчасти еще и потому, что мы сами — ученые, мыслители, педагоги и просто родители — являемся продуктом сначала советской, унифицирующей культуры, а затем — глобальной.

Конечно, если речь идет о проблемах идентификации молодого поколения, формировании его субъективности и мировоззрения, о которых уже упоминалось выше, без культурных кодов и традиций, соответствующих определенной стране и нации, в рамках которых рождаются дети и взрослеет молодое поколение, не обойтись. Однако

речь идет не о стремительном поиске «чужих культурных следов» в нашей собственной культуре с целью их искоренения, не о попытках возвести существующие проблемы в ранг навязанных нам негативных тенденций, а о необходимости культивирования собственного смыслового ядра культуры, позволяющего безболезненно и с пользой ассимилировать опыт «инаковости». Это отличается от метода апофатического описания русской культуры как того, чем она не является. Такой метод актуален для богословия и рассуждений о трансцендентном, в случае же формирования живой и подвижной культурной субстанции приходится обращаться к катафатическому методу, задумываться о том, чем является русская культура, каковы ее особенности вне логики «ресентимента». Такие акцентуации в совокупности с возвратом к утерянным традициям, истокам «здоровой» исторической памяти; формированием социально-культурной матрицы, позволяющей соединить опыт прошлого с настоящим; уточнением актуальных именно для русской культуры узловых смыслов, целей и задач будущего развития могут задать вектор решения сложившихся проблем. Эти силовые линии, на мой взгляд, должны иметь гибкую структуру, с той целью, чтобы молодое поколение могло их трансформировать, улучшать, модифицировать, динамически преобразовывать, осуществлять синтез традиций и инноваций. Наверное, это и есть развитие, связанное не с линейным или ступенчатым прогрессом, а витками расширяющейся спирали, на одном из которых находимся мы с вами, а на другом наши дети и молодежь.

Звагольская С. В. При сокращении возможности свободного посещения театров и музеев, одним из выходов в создавшейся ситуации для студентов Севастопольского художественного колледжа, в том числе с ограниченными возможностями здоровья, может быть применение цикла интерактивных занятий по знакомству с сокровищами мирового и отечественного искусства. Занятия с применением оцифрованных картин художников, отразивших в своих работах исторические вехи Севастополя, дают студентам возможность, с одной стороны, прикоснуться к прекрасному; с другой стороны, воспитывают любовь к Отчеству, месту, где живёт человек, создавая ту основу, которая в дальнейшем упрочит его труд в рамках профессиональной деятельности во благо и на благо человека. Репродукции таких картин, как: «Вид Севастопольской гавани» Л. О. Премацци (1850-е годы), «Русская эскадра на Севастопольском рейде» И. К. Айвазовский (1846), «Адмиралтейство»

У. Симпсон (1856), «Возвращение в Севастополь эскадры Черноморского флота после Синопского боя», Н. П. Красовский (1863) и другие произведения искусства вызывают неподдельный познавательный интерес и способствуют духовно-нравственному воспитанию студентов. Такой опыт, на наш взгляд, будет полезен для студентов любого высшего заведения, так как помогает поднимать культурный уровень молодого поколения, способствует выполнению задач эстетического воспитания и формирования устремлённой к культурным высотам личности.

Ивлев Н. Н. В условиях современной геополитической ситуации наиболее эффективным подходом будет разделение традиций и новаций между различными сферами общества. Экономика, а именно — её производственная часть, не может быть не инновационной, а вот сфера культуры и в определенной степени политика должны ориентироваться на традиции и скрепы. Особенно это актуально в связи с продолжающимся кризисом глобальной системы. Обозначу последние проявления этого кризиса. Ковидные ограничения и санкционная политика Запада против России нанесли грандиозный удар по мировой логистике и вере в возможность существования глобального проекта. Нас «выпиливают» из западного глобального проекта и нам предстоит воссоздавать почти разрушенную самобытную цивилизацию.

Карпов Б. Н. Говоря о соотношении традиций и новаций, хотел бы отметить, что новации всегда связаны с изменениями устоявшегося порядка вещей, и не только в экономической сфере. Любые изменения отчетливо проявляют свой стабилизирующий и устойчивый характер только во взаимосвязи с традицией. Например, политическую традицию, как правило, интерпретируют как способ бытия и воспроизводства элементов социально-политического наследия, в котором фиксируется устойчивость и преемственность прошлого опыта. Использование традиции как продуктивного ресурса политической реформы возможно, если ее рассматривать в контексте общего понятия развития. При таком подходе любая традиция становится равноправным участником процесса развития, диалога «нового» со «старым». Ведь что такое традиция? В современной науке не существует единого понимания традиции. Согласно историко-социологической интерпретации, традиция — это комплекс стереотипов ощущения, поведения и мышления, который с точки зрения действительной или мнимой принадлежности к социальному наследству оценивается положительно или отрицательно члена-

ми любой произвольно взятой общности. Е. Шацкий выделяет три основных значения в трактовке традиции: во-первых, это сам процесс передачи из поколения в поколение тех или иных ценностей данной общности; во-вторых, это конкретные формы мышления, политические и правовые институты, этические и эстетические взгляды, привычки, воспринимаемые как традиционные, в-третьих, это отношение данного поколения к передаваемой традиции. На наш взгляд, под традицией необходимо понимать не просто старое и устоявшееся, но именно такие привычки, обычаи, ценности, которые формируются, накапливаются веками, передаются от поколения к поколению и являются значимыми для данного общества по сей день. Традиция несет в себе идею непрерывности. Традиция — это, прежде всего то, что само опознает себя в потоке знания и культуры. Она позволяет в единой унифицированной форме осмыслить факты истории, увидеть новое, оригинальное на основании неизменного, повторяющегося. Традиция есть живая наследственная память поколений. Она обеспечивает не только момент преемственности, но и жизненную полноту, богатство самого процесса изменения и обновления действительности. Практика показывает, что процесс развития происходит успешнее там, где власть учитывает традиции реформируемого общества. В свою очередь традиции сохраняют свою жизненную силу, обновляясь — отвечая потребностям времени и вращаясь в новые формы жизнеустройства.

Ле Тхи Хонг Фьонг. Соглашусь с Вами, построение новых форм жизнеустройства должно происходить с учётом традиций. Не менее важным является сохранение неразрывной связи между развитием способностей человека в профессиональной сфере и его нравственным воспитанием. Один из способов укрепить духовную жизнь человека — вернуться к поиску и анализу рациональных факторов, укрепляющих нравственность. На жизнь вьетнамского народа глубокое влияние оказала буддийская мораль. С точки зрения буддийского учения, проблемы современного общества могут быть объяснены как следствие изоляции научного знания и технических навыков от этической мудрости. Недостаток внимания к воспитанию, сочувствия к боли других людей усиливают конфликты и напряженность в обществе. Современный буддизм значительно отличается от древнего, но многие его положительные факторы, особенно моральные, сохраняют свою значимость, в частности, воспитывают в людях добросердечность, побуждают их стремиться к высоким гуманистическим

ценностям, помогают поддерживать и продвигать нравственные ценности и высокоморальный образ жизни, основанный на человеколюбии и самоотверженности. Буддизм, с одной стороны, признаёт стандарты научной рациональности, а с другой, делает акцент на моральном и экзистенциальном аспектах жизни современного вьетнамца. Это сочетание сегодня чрезвычайно актуально и соответствует задачам современного общественного развития. Бесспорно, научная рациональность принесла человечеству огромный материальный прогресс, но она не может победить корни безнравственного человеческого поведения. Согласно буддийскому учению, если зло в поведении человека не будет искоренено, человечеству трудно будет достичь мира, гармонии и счастья. Разум очень важен, но буддизм ставит его в один ряд с милосердием и состраданием. Милосердие и сострадание — это любовь человека к человеку, человека ко всем существам, независимо от класса и сословия. Цель формирования нового человека во вьетнамском обществе состоит в том, чтобы воспитать талантливых и при этом высоконравственных людей как членов цивилизованного общества. Сострадание и мудрость подобны двум крыльям птицы, помогающим ей взлететь в небо. Современные вьетнамцы имеют аналогичные воззрения, считая, что нужны и мозг, и сердце. Это сочетание сегодня чрезвычайно актуально. Развитое цивилизованное общество должно ориентироваться не только на материальные, но и на духовные ценности, придавая большое значение нравственности. Без этого баланса обществу трудно добиться устойчивого развития.

Марченко Е. Г. В современном обществе очень важно удерживать равновесие между традициями и новациями, причем в любой сфере, будь то экономика или культура. Другое дело, в экономике могут быть свои традиции, а в культуре — свои. В общеобразовательной организации невозможно сделать акцент в плане традиций и новаций на какой-то узкой сфере. В общеобразовательной организации учащиеся изучают и точные, и гуманитарные науки. Несмотря на то, что учащиеся делают выбор в пользу тех или иных наук, часть учащихся осваивают образовательные программы в профильных классах, руководство и педагоги образовательного центра № 5 г. Челябинска ориентируются, прежде всего, на общечеловеческие традиции в рамках образовательного процесса. Мы, основываясь на традициях, развиваем способности всех детей, обучающихся в нашей школе, и считаем важным, чтобы каждый наш ученик почувствовал себя

успешным. Поэтому нельзя рассматривать традиции в отрыве от новаций, и наоборот.

Никулин А. А. Важность сохранения традиций бесспорна. Применительно к физической культуре мы можем говорить о том, что этот вид деятельности традиционно позволяет людям разного пола, разных рас и национальностей осознать себя представителями единого сообщества планеты «Земля». Спортивные праздники являются не только чисто спортивными соревнованиями, но и фестивалями искусств (открытие и закрытие мероприятий). Люди понимают, что физическая культура помогает коммуницировать, осуществлять культурный обмен. И это тоже значимая традиция, которая облегчает общение народов друг с другом. Физическая культура возвышает, облагораживает душу, неразрывно связана с умственным, эстетическим и нравственным развитием, она обеспечивает гармонию души и тела. Мы успешно сочетаем традиции с инновациями. Это и здоровьесберегающие технологии, и информационно-коммуникативные технологии, и метод проектов, которые находят свое отражение в преподавании физической культуры.

Куштым Е. А. В условиях усложнения научно-технологического развития возникает целый спектр проблем, касающихся здоровья образа общественной жизни и жизни современного человека как такового. Человек как существо социальное демонстрирует всю свою противоречивость, а динамика современных социокультурных процессов не всегда позитивно сказывается на жизнедеятельности человека. В этих условиях осмысление феноменов глобализации и цифровизации во всей их многоаспектности приобретает особую актуальность и значимость для выявления перспектив развития искусства, науки, образования. Это сродни пожару: вспыхнул, а погасить уже невозможно. Глобализация и цифровизация играют доминирующую роль в современном мире...

Моторная С. Е. Глобализация — самое молодое явление на планете, которое пришло к нам после уже существовавших тенденций к интернационализации, возникших в первой половине двадцатого века. В конце второй половины двадцатого века возникает вместе с Болонским процессом явление европеизации, которое касается создания европейского культурного пространства. Характеризуя глобализацию в целом, можно отметить мысль Д. Брайтона: «Всемирного рынка столько, сколько нужно; национального государства столько, сколько оставляет или позволяет ему всемирный рынок». «Быть — всем — чтобы — получить — всё» — вот глубинная сущность глобализационного процесса.

Рост народонаселения привёл к необходимости решать глобальные проблемы коллективными усилиями на основе сотрудничества и взаимопомощи. При этом должно процветать творческое начало.

Объединившись, люди смогут решить то, что им в одиночку не по силам. В самой коллективистской сути каждого человека, его принадлежности ко всему человечеству заложен фундамент для интернационализационных процессов, позволяющих осуществить эволюционные изменения во всех сферах жизни человека на Земле на основе Мира, сложенного из разных культур, но устремлённого к единой цели.

Яновский О. П. Уважаемые коллеги, безусловно, высказанные вами теоретически нагруженные суждения заслуживают самого пристального внимания, но продуктивное рассмотрение поставленных вопросов в рамках заявленной темы круглого стола возможно только тогда, когда определено предметное поле. В частности, как в свое время отметил русский мыслитель Иван Ильин в книге «О сопротивлении злу силою», (*цитирую*) «...не стоит ставить проблему «сонатной формы» для того, чтобы разъяснить, что сонат вообще (*читать «сонат как таковых» — уточнено нами*) не бывает, что доказать ее существование (*то есть существование сонатной формы*) невозможно, что лучше совсем не слушать музыку и что самое лучшее — это внутреннее самонаблюдение глухого человека...». Иначе говоря, речь идет о том, что полезно прояснить само понятие глобализации. Согласно нашему убеждению, глобализация есть не что иное, как взаимосвязанность самых различных элементов целостного мира, взаимовстроенность всех этих элементов в сформированный или формирующийся целостный по характеру мир (ключевым здесь является «целостный мир», иначе — «система»).

Бобрик А. А. Олег Павлович, поддерживая озвученное Вами понятие глобализации, отмечу, что происходящие процессы глобализации и понимание глобализации сквозь призму полученных и получаемых знаний о ней — вещи разные. Мы допускаем, что взятые отдельно друг от друга разные культуры как элементы мира, в конечном счёте, устремлены к единой цели, а именно, как отметила Светлана Евгеньевна Моторная, — осуществить эволюционные изменения во всех сферах жизни человека на Земле на мирной основе. Но дело ведь не в этом, хотя цель высокая. Продолжая мысль О. П. Яновского о целостном мире как системе, скажу следующее: всё дело в том, что сами конфигурации различных

культур как отдельных элементов мира, хотя и устремленных к единой цели, могут быть как созидательными, так и разрушительными, обостряющими кризис всех сфер общественной жизни человека не только в отдельно взятой стране или ее регионе, но и обостряющими глобальный кризис человеческой цивилизации в целом.

Слуева О. В. В целом в настоящее время все мы наблюдаем тенденцию роста насилия в мире. Данная тенденция проявляется повсеместно, в том числе в средствах массовой информации, оказывающих существенное влияние на формирование общественного сознания. В связи с этими и другими моментами до настоящего времени остаются актуальными вопросы: «В чём суть глобализации и каковы ее продукты?»; «Каково состояние современного научного знания о глобализации?»; «Каковы перспективы развития образования в условиях глобализации?» и многие другие вопросы.

Зырянов С. Г. Уважаемые участники круглого стола, я во многом солидарен с высказанными вами суждениями в отношении проблем, которые процесс глобализации продуцирует в социально-гуманитарной сфере человеческой деятельности. Да, глобализация становится мощным фактором, как правило, эволюции, а иногда и революционных сдвигов национальных обычаев, предвзвешений, традиций. Вслед за этим, независимо от эволюционного или революционного способа, меняется и содержание национальных культур. Меняются и механизмы социализации личности, тех институтов, которые обеспечивают процесс этой социализации, например, национальных институтов системы образования. Многие исследователи отмечают, что глобализация повлияла на смену парадигмы человеческого восприятия мира — эпоха постмодернизма пришла вместо модерна. Мир обречен на изменения, и человек (его деятельность, творчество) сам всячески способствует этому изменению. Глобализация для каждой страны является внешней системой факторов, меняющих содержание ее социально-гуманитарного пространства, однако каждая страна имеет возможность вносить свой посильный вклад в глобализацию. При этом трудно согласиться с тем, что глобализация предполагает только унификацию всего социально-гуманитарного пространства во всех странах, в том числе и в России, а значит — отказ от ценностей сложившейся национальной культуры. Думаю, все согласятся с тем, что глобализация — это не однолинейный процесс, а сложная система взаимосвязей и взаимозависимостей. Высказанные в ходе обсуждения темы круглого стола

критические замечания в отношении влияния процесса глобализации на национальные культуры, видимо, имеют место быть, но, в первую очередь, как проблемы, возникающие в процессе развития человеческого общества, российского общества и государства, в том числе. Среди них есть проблемы, скажем так, приятные, приемлемые, с которыми понятно, как жить и как их решать, и проблемы неприятные, неприемлемые, похожие на «черных лебедей», они вызывают чувство неприятия, отторжения, тревоги. Но ведь мы знаем, что при столкновении человека, человечества, если смотреть шире, с новым, как утверждают психологи, есть пять стадий, ступеней осознания неизбежного — отрицание, гнев, торг, депрессия и, наконец, принятие этого явления.

Глобализация — это процесс интеграции, в ходе которого человеческое общество, социум в результате интенсивного обмена товарами и продуктами, услугами, информацией, знаниями и культурными ценностями становится более взаимосвязанным, взаимозависимым, целостным. В процессе глобализации формируется: единое экономическое и культурное пространство; в политической сфере формируются как близкие по своим параметрам политические системы, так и надгосударственные образования системы международного политического управления различного масштаба (ООН, ЕС, ШОС и т. п.); в экономике складывается система, характеризующаяся термином «мировая рыночная экономика». Глобализация, с одной стороны, имеет очевидные плюсы: облегчает хозяйственное, политическое и межкультурное взаимодействие между государствами; создает условия для доступа стран к передовым достижениям человечества; обеспечивает экономии ресурсов и т. п. Однако есть и очевидные минусы глобализации, это: закрепление периферийной модели экономики; распространение конкуренции на всех субъектов экономических отношений, в том числе на слаборазвитые экономики, в которых происходит снижение уровня жизни населения; усиливается специализация, а значит, взаимозависимость государственных экономик, а это ведет к потере менее развитыми государствами, не входящими в «золотой миллиард», своих сырьевых и человеческих ресурсов. Для пула стран «золотого миллиарда» открывается возможность применять незаконную, противоправную политику санкций, исключаящую неугодные страны из системы экономических и финансовых отношений, как это произошло с Ираном, КНДР, Белоруссией, а также Российской Федерацией в феврале 2022 года. Увы, человеческое общество

развивается не от плохого к только хорошему, на что обратил внимание еще Жан Жак Руссо, а условно говоря, по варианту черновика, в котором есть и прогресс, и регресс, и неизвестно, что, в конечном счете, останется, с чем человечеству придется существовать.

В ходе нашего обсуждения состояния социально-гуманитарного пространства многие участники фиксировали внимание на негативных последствиях глобализации в ее влиянии на национальные культуры, национальные системы образования. При этом звучали предложения остановить процесс глобализации в этих сферах, отказаться от нее, с чем, как позицией, трудно согласиться. И прежде всего потому, что подобные оценки, видимо, исходят из понимания глобализации как линейного, однонаправленного процесса. На самом деле ситуация выглядит значительно сложнее. Вы наверняка знаете или слышали о том, что процесс глобализации сопровождается другим равнозначным процессом — всемирным процессом локализации. Локализация — это дифференциация глобального культурного, экономического и социального пространства. Она характеризуется сохранением старых или формированием новых локальных культурных, экономических систем. Более хорошо процессы, вызванные локализацией, изучены в экономике. Вот их уже существующие примеры: внутринациональные регионы, агломерации, свободные экономические зоны, офшоры, мировые финансовые центры, приграничные территории и т. п. То же самое имеет место быть в сфере культуры, социально-гуманитарного пространства. В сфере культуры глобализация и локализация существуют как взаимосвязанные контртенденции, взаимообусловленные процессы, характеризующие изменчивость культурных систем в условиях расширения, трансформации культурного пространства.

Локализация предполагает адаптацию к местным условиям, к специфике своего региона, — отмечает французский экономист Тьерри де Монбриаль. Локализация — это тенденция усиления национально-культурной идентичности, противодействующая глобализации.

Противоречивое взаимодействие глобализации и локализации порождает новое явление — глокализацию. Термин глокализации предложил использовать Р. Робертсон. При этом он выявляет две ее направленности. Первая — глобальная институализация жизненно-го мира человечества. Вторая — локализация глобальности, отражающая тенденцию становления глобального не «сверху», а «снизу».

В качестве заключения своего выступления хочу отметить, что, во-первых, процесс

глокализации приводит к увеличению культурного многообразия и этим повышает адаптационный ресурс человечества, его способность к прогрессивному развитию; во-вторых, реализуется этот процесс в результате субъектной активности сторонников как глобализации, так и локализации. На какое-то время оказывается сильнее, устойчивее та тенденция, которая подкреплена большим объемом и качеством ресурсов — интеллектуальных, экономических, политических, т. е. тем, что сейчас называют мягкой силой. Возможно, здесь уместно будет привести высказывание А. Сахарова: «К счастью, будущее непредсказуемо, а также (в силу квантовых эффектов) — и не определено. Оно творится всеми нами шаг за шагом в нашем бесконечно сложном взаимодействии...».

Нижников С. А. Мы живем в эпоху информационного общества, которая пропагандируется как высший этап развития человечества. На самом деле, это высший этап зомбирования человечества, потому что при помощи СМИ, в особенности Интернета, появились колоссальные возможности манипулирования сознанием человека. В прежние времена даже невозможно было и представить такое. Казалось бы, огромные цивилизационные достижения современного человечества открывают принципиально новые возможности для творческой деятельности, радикально расширяют пределы человеческой свободы. Но в русле этих же достижений человек сталкивается и с новыми вызовами, с невиданными в прежние исторические эпохи угрозами своей свободе. «Информационное общество» как «осуществленная утопия» — это, далеко не «скачок в царство свободы» (в формулировке Н. А. Бердяева). Как отмечает И. В. Гребешев, «традиционные технологии идеологического и социального порабощения индивида кажутся полнейшей архаикой в сопоставлении с новейшими способами манипулирования массовым и индивидуальным сознанием».

Севастьянова И. В. В XXI веке наблюдаются иссякание ресурсов Земли, опасность природных катаклизмов, нависшие над всем миром экономический и политический кризисы — все это связано с процессом изменения жизни на планете. Нельзя не вспомнить учение В. И. Вернадского о ноосфере, в котором ученый призывает к единству человека и природы, созданию благоприятных условий для развития личности человека в разных сферах жизни, развитию научных мыслей, проведению научных исследований Земли и космоса, разрешению конфликтов, равенству всех людей на планете. Данные постулаты, описанные ученым, актуальны

и на сегодняшний день. Деятельность человека должна быть направлена на созидание. Главной целью является создание творческого созидющего сообщества людей. Создание единого мирового творческого пространства, пронизывающего все виды профессиональной деятельности, является основным вектором в эволюции человечества.

Куштым Е. А. Глобализация оказывает влияние на качество жизни. Реализация же идеи творческого планетарного единства или, по меньшей мере, хотя бы желание такого единства, к сожалению, пока просматриваются слабо. Между тем, обратимся к истории: в 2017 году 3 августа была принята Римская Конвенция «О сотрудничестве в Евразии по вопросам культуры, науки и образования». Участником, подписавшим Конвенцию, стала Евразийская Организация Экономического Сотрудничества (ЕОЭС). Впервые в истории был образован Совет Евразии по вопросам культуры, науки, образования, основной целью которого объявлялось: содействие укреплению мира и безопасности за счёт расширения сотрудничества институтов гражданского общества, бизнеса, государств и народов в области образования, науки и культуры. Понятно, что главным направлением жизнедеятельности всех народов (без различия расы, пола, языка) должно остаться творчество, то есть созидание; сохранение возможности развития талантов в разных сферах общественной жизни; обмен позитивным опытом. Только в результате такой работы мы можем с оптимизмом смотреть в будущее. Речь идет о гармонично устроенном миропорядке.

Сизова Е. Р. Евгения Александровна, анализируя проблему соотношения традиций и новаций в контексте стремительно меняющегося современного мира, хотелось бы остановиться на изменении содержания и структуры научного знания и способов его освоения в образовательном процессе. Сегодня все более отчетливо очерчивается тенденция «цифровизации» всех сфер жизни и деятельности человека, что, соответственно, увеличивает удельный вес формализованной компоненты в научном знании. Феномен цифры (которая по сути своей отражает формализованный подход к научному знанию и во многом является его инструментом), становится центральной категорией, призванной не только зафиксировать результаты научного познания, но и (что самое тревожное!) — очертить эталонные, образцовые пути движения мысли. Такой формализованный, «цифровизированный» подход к научному мышлению проникает и в сферу образования, где об-

учающихся буквально со школьной скамьи учат мыслить схемами, моделями, кейсами, тестами, применяя единожды выработанный шаблон к различным дидактическим ситуациям. Это способствует не только формализации получаемых знаний, но и формированию «клипового мышления», сегментирующего мыслительный процесс на отдельные операции и далеко не всегда объединяющего сегменты в целостное единое состояние.

Вопросы, касающиеся целостности восприятия, целостности знаний и целостности мышления особенно актуальны для сферы художественного образования. Философами и искусствоведами давно признано, что мыслительный процесс в сфере искусства неразделим, творцы мыслят так называемыми гештальтами — целостными единицами, которые не складываются друг с другом, а интегрируются, наслаиваются друг на друга, образуя эффект голограммы. В результате создается крупная, объемная картина, которая называется «художественный образ». Эти образы взаимодействуют в сознании человека с другими гештальтами, порождая многочисленные взаимосвязи, ассоциации, аллюзии, художественные параллели, которые невозможно объяснить, а тем более зафиксировать с помощью схем, матриц, моделей и пр. В этой «необъяснимости», порой парадоксальности и есть суть художественного мышления, которое не поддается не только цифровизации и формализации, но чаще всего с большим трудом даже вербализуется (что вполне логично, так как вербализация в определенной мере содержит элементы формализации в виде знаковых систем языка). В связи с этим возникает вопрос о совместимости художественной деятельности как таковой с формализованным подходом к ее изучению? И речь идет не столько о тотальном внедрении цифровых технологий в образовательный процесс (с этим давно никто не спорит, принимая как данность), сколько об утрате традиции живого мыслительного процесса, который «имеет право ошибаться», «отличаться от общепринятого», идти «своим путем», не следуя проторенными цифровыми дорожками с помощью формализованных схем и матриц. Вопрос, который сегодня во многом остается риторическим...

Куштым Е. А. Спасибо, Елена Равильевна. Согласимся с Вами, что запущенные в действие современные подходы, связанные с цифровизацией, имеют как положительное, так и негативное воздействие на образовательный процесс, в первую очередь, в вузах творческой направленности. Имеет место и другая проблема: происходит как рост связей, так разрыв между социокультурными системами.

Возникает вопрос: обретается ли целостность социокультурного разнообразия или обнаруживается невозможность ее обретения? Нередко происходит навязывание чужого типа культуры со стороны ряда стран, также являющихся субъектами глобализации, что во многом предопределяет управление глобальными экономическими и социокультурными процессами. В частности, работающие в мировом масштабе экономические предприятия играют ключевую роль не только для своего развития, но прежде всего они играют немалую роль в организации общественной и государственной жизни. Почему? Да хотя бы уже потому, что эти предприятия нередко отнимают материальные ресурсы человека и общества — налоги, рабочие места, капитал. Появляются мучительные надломы и разрывы... Например, вместо того, чтобы обеспечить людей работой там, где они живут, во имя роста доходов рабочие места сокращаются в одной местности и переводятся в другие — туда, где расходы по найму рабочей силы и налоги оказываются самыми низкими. Постоянно имеет место фактор угрозы безработицы и не только. Человеку, потерявшему работу, которую он выполнял по призванию, приходится забыть о своих профессиональных компетенциях и творческих успехах, он, в конечном счете, устраивается туда (если повезёт), где хоть как-то его труд будет оплачен. Все эти вещи происходят в рамках обычной деловой активности, признаваемой в качестве нормального функционирования. В такой ситуации и предпринимается попытка перевести стрелки на глобализацию в виде ее вины во всем этом.

Левина А. А. Глобализация оказывает существенное влияние на образование разных стран. Россия не является исключением. В современном русском языке появилось огромное количество заимствованных терминов: «кейс-обучение», «резильвентная школа», «мастер-майнд», «воркшоп», «форсайт-сессия». Современный язык теряет национальную окраску, сейчас «в тренде» использование так называемых англицизмов. В силу своих мощных финансовых активов технически развитые иностранные корпорации (как правило, американские) навязывают стандарты в обучении, коммуникации, задают траектории развития в политике и экономике. Молодое поколение легко подхватывает эти импульсы. Это нередко приводит к тому, что теряется связь с традициями в образовании и воспитании русской школы, которые создавались веками ведущими специалистами в области педагогики, психологии, дидактики, лингвистики и т. д. Навязанные образовательные концепции нередко противоречат

национальным особенностям и культурным традициям нашей страны.

Викина Н. А. Соглашусь с Вами, Анна Александровна. С одной стороны, глобализация — это объективная реальность существования современного образования, с другой стороны, далеко не всё положительное приходит в нашу систему образования с процессом глобализации. Доказательством этому является вступление России в Болонское соглашение, которое существенно разрушило систему высшего образования. Воспринимая глобализацию как объективный процесс движения всех сторон действительности, надо отделять зерна от плевел, вбирать в российскую действительность те явления, факты, процессы, которые соответствуют российской практике, российским традициям, устоям, направлениям.

Доронина С. Г. Хочется отметить, что как Российская Федерация, так и Беларусь, являются поликультурными и поликонфессиональными странами. В связи с этим автоматически возникает проблема поликультурного образования, которая является одной из важных тем обсуждения. Например, Республика Беларусь долгое время пыталась определить и смоделировать свою позицию по этому вопросу согласно «Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии», ориентируясь на формирование у подрастающего поколения навыков сотрудничества и уважительного отношения к людям, принадлежащим к различным социальным и культурным, национальным и религиозным, этническим группам. Такой процесс требует не только осознания необходимости сохранения и формирования национальной культуры и традиций, но и создания тщательно продуманных социальных и образовательных программ, позволяющих, во-первых, внедрять идеи поликультурализма на практике и расширять цели традиционной культуры, учитывая культурное многообразие; во-вторых, способствовать созданию диалога между представителями различных этно-культурных, социальных и религиозных групп. Это порождает ряд серьезных проблем, в том числе имеющих отношение к созданию Евразийского союза, а также продолжающимся процессам глобализации и глокализации.

Моторная С. Е. Одним из главных условий продвижения человека по пути прогресса является владение языком, который определяет, по мнению В. Г. Костомарова, «видение мира с высоты хранимого в нас труда поколений полного разума». О необходимости соблюдения чистоты языка в своё время писали И. Г. Песталоцци,

А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, В. Г. Белинский, В. А. Сухомлинский. Уникальна мысль академика Д. С. Лихачева: «Самая большая ценность народа — его язык, на котором он думает, говорит и пишет». В статье П. Пустовалова «Нужны ли нам англицизмы или нет?» говорится о спасении русского языка как языка межнационального общения. Выполняя три основные функции — формирование, выражение и сообщение мысли, язык берёт на себя ведущую роль в сознании думающей, говорящей и действующей личности. Язык представляет собой с физической точки зрения колебания определённой частоты, которые воздействуя на организм человека, задают программу его развития: какой язык — такие и вибрации, такие и свойства сознания. Русский язык является наследником древнейшего языка, существовавшего в далёкие времена на Земле и являвшегося единым для всех людей. Затем число людей увеличивалось, часть из них нашла другие регионы проживания, обособилась, получила в процессе развития человека особенности местных наречий, создавших почву для появления разных языков, которые сформировали культуры с различной ментальностью. Если сегодня мы привносим в русский язык — слова из более «молодых» языков, то мы изменяем из-за процесса языковой интерференции свойства своего сознания, личные качества, менталитет и, возможно, обрекаем себя на вымирание за счёт изменений программы существования нашего организма на уровне физического, психического и социального здоровья.

Юшутин М. Ф. Решить многие проблемы, помочь человеку во времена сложные и неопределённые способна музыка правильных ритмов. В постпандемийное время все люди в мире так же, как и в другие времена, стремятся к счастью и хотят избежать страдания. И это происходит на фоне роста хаоса и дисгармонии, которые порождают глобальные проблемы. Поиск факторов, которые принесут стабильность и эволюционную изменчивость обществу становится всё более и более актуальным. Обществу необходима творческая личность, а для этого необходима смена парадигмы образования. В чём она должна заключаться? В основу новой образовательной политики должен быть положен общекультурный концептуальный подход. Стремление к гармонии и порядку приводит к наименьшей напряжённости системы, проявляя фундаментальный принцип жизни. Т. П. Хризман, В. Д. Еремеева, Т. Д. Лоскутова в своей работе пишут о том, что в процессе восприятия гармоничной музыки экспериментальные данные ЭЭГ-исследования мозга

показали значительный рост степени синхронизации лобных областей головного мозга, достоверное увеличение количества связей и синхронизации между лобной и моторной областями левого полушария, а также увеличение способности правой височной области вступать в синхронную деятельность с другими корковыми областями. Платон отмечал (*зачитаю*): «Музыкальное воспитание — более действенное средство, чем все другие, потому что ритм и гармония находят свой путь в глубину души... Нужно избегать введения нового рода музыки — это подвергает опасности всё государство, так как изменение музыкального стиля всегда сопровождается влиянием на важнейшие политические области». Платон вслед за Пифагором не рекомендовал юношам и девушкам слушать музыку флейты. Взамен Платон рекомендовал музыку струнных инструментов. Среди русских народных инструментов наиболее гармонично воздействующими на личность в онтогенезе будут народные инструменты — балалайки и домры. В течение веков массивное использование балалаек для создания оркестра русских народных инструментов было условием, которое привело к стремительному развитию чувств и переживаний слушающего его музыку растущего ребёнка. Балалайки басового ключа, бас и контрабас, создают объёмность звучания. Роль контрабаса и балалайки в оркестре русских народных инструментов — возвращение человека к давно забытым глубинным первоосновам и создание в нём стержня направленности как ядерного качества личности. В оркестре русских народных инструментов создаются основы для развития духа сотрудничества и духовно-нравственных ценностей молодого поколения.

Марченко Е. Г. Уважаемые коллеги, полностью с вами согласен. Чужой тип культуры переполнил сознание современного поколения, стал преобладающим во взаимоотношениях между людьми. Но хочется надеяться, что чужой тип культуры достиг своего предела и в скором времени его доминирование пойдет на спад. И мы, воспитывая новое поколение, даже в условиях цифровизации, сможем минимизировать негативное воздействие несвойственной нам культуры посредством поддержания наших традиционных ценностей.

Ивлев Н. Н. Хочется подчеркнуть, что несколько десятилетий подряд в нашем обществе активно распространялась информация о том, что глобализация несет нам только экономическое развитие и процветание. Сформировались целые поколения продолжающих стремиться к глобальному миру.

Но, на мой взгляд, для одних глобализация несет процветание, а для других — неминуемое разорение. Концепция мирового разделения труда, согласно которой России было предложено сконцентрироваться на экспорте природных ресурсов и импорте почти всех товаров с добавленной стоимостью, грозила нам в ближайшем будущем страшной катастрофой. Все наши ресурсы относятся к категории конечных. При демографическом росте и дальнейшее развитие концепции общества потребления, неизбежно приведут к скорому истощению природных богатств России. Что случится с нашим обществом, когда мы исчерпаем все свои природные богатства и при этом не будем развивать собственное производство? Не так страшно это южным ресурсодобывающим странам. Кончится у них нефть, сядут на верблюдов и будут жить дальше. А как мы сможем обогреть наши многомиллионные города, если реализуем на мировых рынках все свои углеводородные богатства. Для России ее дальнейшее нахождение в мировой глобальной экономике по навязанным правилам, гарантировало бы крайне печальный итог в не столь далекой перспективе.

Ищенко Н. П. Поддерживая мысль Н. Н. Ивлева о смене эпохи глобализма, однополярного мира, необходимости перестройки как общественной, так и личного сознания, учитывая склонность этого (всё ещё советского) коллективного сознания, в принципе, в большинстве своём соглашаться («одобряя») с решениями Партии и Правительства от хрущёвского «Догоним и перегоним Америку», «Советский человек в восьмидесятом будет жить при коммунизме» или горбачёвского «Отдельную квартиру каждой семье» через чубайсовскую приватизацию, через экономическую программу Явлинского «500 дней» и много-много реформистских идей во всех сферах нашей жизни (И народ верил в эти сказки!?) — на манер передового, богатого, умного, демократичного Запада и т. д. и т. п. со всеми его пресловутыми ценностями, ценностями, которые они, теперь уже всем ясно, никогда не исповедовали. И казалось, что это никогда не кончится, и мы будем стремиться подражать, догонять, уподобляться «передовому» западному образу жизни, образу мыслей... И вот, наконец, наступило в нашем общественном сознании просветление. Мы поняли (или ещё только начинаем понимать), кто мы и что мы. «Я русская, и ты — русский». Это фраза матери, которая говорит своему ребёнку (не то в Испании, не то в Германии, да это и неважно), поясняя откровенно агрессивное поведение украинцев и сочувствующих им иностранцев. И, оказывается, у нас есть и

чувство патриотизма, и национальная гордость, и ещё много-много других качеств, о которых мы слышим последние два десятилетия как недостающих российскому народу. И, как показатель присутствия этих качеств — рейтинг президента и главнокомандующего зашкаливает за 78 %. Вот главный показатель нашего национального патриотизма!

Кауцель А. А. И это осознают наши дети, ученики. Маленький пример: школа искусств № 11, в которой я преподаю; урок изобразительного искусства; задание ученикам — свободная тема. Результат: дети, а они непосредственны и откровенны, показали политическую грамотность и равнодушие к событиям в стране, продемонстрировали патриотизм свой и своих родителей: образ президента В. В. Путина — в ярких, жизнерадостных тонах, с солнышком, среди цветочков («устаи младенца», как известно, «глаголит истина».

Ищенко Е. Б. Большие сомнения вызывает у меня и модель образования, заимствованная у Запада. Я говорю, в первую очередь, о музыкальном образовании. Речь идёт о Болонской системе, навязанная нам псевдодемократами и псевдолибералами после развала Советского Союза. Уже третье десятилетие, к сожалению, наша образовательная система пытается соответствовать стандартам Запада. И вот, наконец, у нас открылись глаза. Никому на просвещённом Западе мы, с якобы западными стандартами образования, не нужны. А используют они, перемаывая всяческими благами наших лучших специалистов, и не только России. Но наши лучшие — это же продукт того, нашего, ещё во многом советского, а не западного образования... И это вселяет надежду...

Кучер Н. Ю. И культура у нас русская! Отрадно появление на телевидении программы «Привет, Андрей!», где уже довольно долго с огромным удовольствием поют народные песни, прекрасные образцы советской эстрады, танцуют и пляшут по-русски наши известные (не хочу употреблять слово «звёзды») артисты театра, кино, музыканты, певцы, участники самодеятельности. Это и есть обращение к русскому, к традициям, ибо наша жизнь начинается с песни (колыбельная мамы) и танца (как только научился ходить — ай-люли) — все маленькие дети, ещё груднички, поют и танцуют. Речь идёт о традициях в самом широком смысле.

Куштым Е. А. Уважаемые коллеги, разрешите обратить внимание на следующий момент: существует неравенство условий при реализации творческого потенциала образовательных учреждений. С одной стороны, все современные вузы России функционируют в

единых условиях страны — политических, экономических, социальных, культурных. С другой стороны, вузы имеют разную материальную базу для ведения образовательной деятельности, в том числе имеют разные возможности применения современных технологий в образовании. Даже при этом, в самой педагогической среде разного уровня материально-технической обеспеченности вузов, как правило, имеется мощнейший креативный потенциал для разработки новых проектов. Но вот каковы условия реализации этого потенциала? Здесь есть над чем подумать...

Заварзина Н. А. Уважаемые коллеги, скажу в продолжение поставленных вопросов. Научное сообщество в настоящее время выделяет следующие виды виртуальной реальности: во-первых, это классическая (объектная) виртуальная реальность, когда человек взаимодействует с виртуальным миром, который генерируется компьютером; иначе говоря, мир существует виртуально, а значит сознание виртуализируется с помощью компьютерной программы; во-вторых, это дополненная, или компьютерно-опосредованная виртуальная реальность; иначе говоря, генерируемая компьютером информация накладывается поверх изображений реального мира; в-третьих, смешанная реальность, когда виртуальный мир связан с реальным и включает его в себя. Благодаря перестройке сознания человека на взаимодействие с виртуальной реальностью, стало возможным совершение виртуальных экскурсий, проведение виртуальных видео конференций, путешествий по труднодоступным местам нашей планеты, создание виртуальных проектов и др. Это всё хорошо, но не уходит целая серия вопросов, которые мы уже с Вами поднимали на предыдущих заседаниях: «К чему сводится образование в условиях цифровизации и виртуализации сознания? Не сводится ли педагогическая деятельность в большей мере к виртуальным проектам?».

Доронина С. Г. Поднятые выше вопросы имеют отношение не только к проблемам образования и культуры, но и в целом к человеческому восприятию, сформировавшимся посредством внедрения цифровых технологий социальным и повседневным практикам. Избыточность информации, невозможность сложить разрозненные пазлы знания в единую целостную картину, в отсутствие несформированных рефлексивных и исследовательских навыков мышления, приводят к поверхностному восприятию мира, знанию и обучению. Здесь напрашивается следующая аналогия — существует такое явление, как амфиболія (от греч. ἀμφιβολία — двусмысленность, неясность), причиной которого является непра-

вильное употребление или смешение понятий, что приводит к логическим ошибкам и неправильным умозаключениям. Вот в такой амфиболии мы существуем давно — не столько по причине смешения языков и традиций, сколько в принципе по причине глобального смешения понятий, идей, событий, множасьихся и воспроизводящихся с большой скоростью, без возможности их глубоко осмысления. Апелляции к пафосным идеям и трендам, красочным заглавиям и лозунгам не помогут решить сложившиеся проблемы, в то время как способствовать выходу из культурного кризиса могут действия, направленные на развитие у подрастающего поколения рефлексивного мышления, навыков работы со смыслами и содержанием понятий, явлений и т. д. Кстати, смыслы просвечиваются не только в произведениях культуры и искусства, но и зачастую в научных работах и исследованиях, представляющих универсальное мировое значение, вне зависимости от их культурной и национальной принадлежности.

Кацук Е. П. Если говорить об искусстве, в частности — хореографическом, то решающее значение здесь имеет передача преподавателем своего профессионального опыта посредством наработанных им методик, в том числе активизирующих рефлексивное мышление, а именно — образно-рассудочное. К примеру, в ведении уроков народно-сценического танца важнейшая роль принадлежит актёрскому мастерству в процессе передачи национальных особенностей народных танцев. Сочинение танцевальных композиций по народно-сценическому танцу предполагает развитие у обучающихся актёрского мастерства. Формирование и развитие актёрского мастерства с использованием только дистанционных технологий не представляется возможным, так как образовательная деятельность преподавателя направлена на реализацию принципа непосредственного построения упражнений: во-первых, преподаватель равномерно распределяет физическую нагрузку на костно-мышечный аппарат учеников для наиболее полного развития их тела с целью исполнения танцевальных комбинаций; во-вторых, отбатывает технику исполнения, добиваясь максимальной выразительности всех частей тела ученика-исполнителя: гибкости и подвижности корпуса, чёткости и красоты движения рук, естественного, свободного положения головы, эластичности и остроты движения ног; в-третьих, учитывает физические способности учеников, их опыт, творческую индивидуальность и мн. др.

Рыбакова Н. Н. В этом отношении, Евгений Петрович, проблемы образования в условиях

цифровизации и виртуализации, безусловно, необходимо рассматривать применительно к конкретной специальности. Речь идет о специальности «Инструментальное исполнительство (фортепиано)». Конечно, при проведении поточных лекций по истории, к примеру, потери будут не столь велики. А что делать с уроками по специальности, я же не говорю о невозможности проведения занятий по ансамблевым предметам (камерный ансамбль, концертмейстерский класс). Безусловно, какую-то часть работы можно провести с применением информационно-коммуникационных технологий, к примеру: проверку нотного текста, точности метроритма, естественности агогики, протяженности мышления, качества фразировки, способности к формообразованию. А если говорить о звучании, то его в скайпе просто нет, а ведь звук является единственным материалом музыки. Есть мнение, что звучание рояля в данном варианте напоминает звучание клавиесина. По скайпу практически невозможно оценить динамику, нюансировку, тембр, дифференциацию фактуры и взаимодействие ее с педалью.

Таким образом, мы видим, что сложностей гораздо больше. Например, с начинающими музыкантами данный формат работы просто невозможен. Существуют и чисто технические сложности, к примеру, не всегда в домашней библиотеке преподавателя имеются в наличии необходимые ноты. Так как музыка является искусством, проистекающим во времени, здесь и сейчас, исполнителям требуется хороший навык игры на публике (мы знаем, как сложно прийти на урок после летних каникул). А проблема инструментов?! Студенты полностью лишены возможности игры на рояле, а ведь это принципиально иной инструмент, нежели акустическое фортепиано или его цифровой вариант. А полное отсутствие концертной практики? И все это далеко не полный перечень проблем, встающих перед нами в условиях дистанционного обучения. Однако я могу предположить, что положительный опыт работы в данных условиях имеется на других факультетах.

Степанова Н. В. Полностью поддерживаю тревогу педагогов-специалистов. Наверное, как некая «вынужденная» альтернатива, применение цифровых технологий возможно, но по очень локальным аспектам. Однако такой способ организации учебного процесса в специальных классах губительно сказывается в первую очередь на художественной составляющей, которая определяет природу музыкального искусства. В контексте обсуждаемой проблемы, особо хочется подчеркнуть уяз-

вимость реализации в учебном процессе камерно-ансамблевых форм исполнительства. Информационно-коммуникационный формат не представляет возможности музыкантам-исполнителям овладеть «языком совместного творчества». Проблематика данной ситуации обусловлена наличием человеческого фактора — некой «психологической заданности», оказывающей прямое влияние на согласованность и единение, координацию и динамику технических и художественных намерений ансамблевых партнеров, поскольку, все вопросы исполнительской интерпретации лежат в поле их совместного решения. Информационно-коммуникационная ситуация не просто снижает продуктивность образовательного процесса, она выхолащивает, разрушает специфические закономерности функционирования единого творческого организма, объединяющие музыкантов для духовного, эмоционального и интеллектуального взаимодействия. Это особенно важно для большинства будущих специалистов-музыкантов, чья профессиональная деятельность ориентирована на реализацию их творческого потенциала именно в различных формах ансамблевого исполнительства.

Костюк О. Н. В этом отношении, коллеги, поделюсь опытом работы факультета изобразительного искусства. За 46 лет своего существования, факультет прочно занял достойное место в культурном пространстве не только Уральского региона, но и страны. Основная цель — сохранение, развитие и популяризация традиций академической художественной школы и художественных промыслов на Южном Урале. Современные реалии ставят перед факультетом сложную задачу: сохранение традиций учебного заведения и получение высокого уровня подготовки выпускников в условиях корректировки используемых педагогических технологий, применения новых коммуникативных технологий, использования в учебном процессе компьютерных инноваций. Сегодня факультет находится в состоянии перестройки подхода к методике преподавания учебных дисциплин. В условиях цифровой трансформации образования нам необходимо переосмыслить традиционные составляющие общекультурной грамотности. Основой обучения по-прежнему является практико-ориентированность специальных дисциплин. Дистанционное обучение не может полностью заменить традиционные методы преподавания в системе художественного образования, однако в ряде теоретических дисциплин уже возможно использование удаленной работы как того требуют реалии современной жизни.

В период пандемии, который тяжело сказался на качестве подготовки обучающихся,

мы столкнулись со следующими проблемами: 1) невозможность полноценной коммуникации между преподавателем и учеником и увеличение нагрузки на преподавателя, так как работа стала индивидуальной, а не групповой, как запланировано в учебном плане; 2) недостаточный уровень информационной грамотности отдельных преподавателей и студентов; отсутствие необходимых гаджетов, сети «Интернет»; 3) неумение некоторых студентов организовать свой рабочий график (имели место пропуски занятий online, отсутствие обратной связи с некоторыми студентами); 4) занятия по специальным дисциплинам требуют грамотной подготовки, методически верно поставленной постановки для работы с натуры, что очень трудно сделать дистанционно; 5) сложность организации текущего и промежуточного контроля; сохранение предоставляемых материалов в форматах нечитаемых на отдельных компьютерах. Между тем, преподаватели находили комфортные условия для реализации учебных задач: работа в ЗУМ (видеоконференции); мобильный интернет (Viber, WhatsApp, социальные сети); направление заданий, методических рекомендаций и видеоматериала на электронную почту и др. Особенно трудно было применять педагогические технологии, связанные с показом мастер-класса, корректировкой ошибок обучающихся. Приходилось изучать компьютерные программы и применять навыки работы в Photoshop, Corel.

Костюк А. В. В связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией в стране, Всероссийский пленэр им. Л. В. Туржанского в 2020 году проводился впервые в дистанционном формате. Были представлены работы студентов 1—3-х курсов художественных училищ страны из городов: Екатеринбург, Йошкар-Ола, Ярославль, Санкт-Петербург, Красноярск, Казань, Чебоксары, Новоалтайск, Рязань, Орел, Иваново, Тверь, Самара, Красноуральск, Челябинск. Мероприятие прошло на высоком организационном уровне. В состав жюри вошли ведущие специалисты из разных уголков страны. У дистанционной формы проведения таких мероприятий есть плюсы и минусы: к плюсам можно отнести широкий охват территорий, возможность удаленного участия образовательных учреждений в мероприятии, сравнить уровень достигнутых компетенций обучающихся своего и других вузов. Однако очный пленэр — это школа мастерства. Заменить чем-либо очный пленэр невозможно. Для художника эмоции — это багаж для творческой самореализации. Любой крупный проект предполагает разнообразный спектр включенных в него мероприятий, мастер-классов и т. п. Работа

плечом к плечу рядом с признанными авторитетами в области изобразительного искусства, рядом со студентами из других учебных заведений иногда даёт гораздо больше, чем любой дистанционный мастер-класс. Для художника — дистанционная работа — это скорее вынужденная мера. Важно найти баланс между дистанционной и очной формами работы, рационально используя все новейшие достижения науки во благо становления профессионального художника.

Слуева О. В. В художественном образовании роль традиционных способов коммуникации особенно велика, их невозможно и вредно заменять цифровой виртуализацией. Однако можно предположить, что с развитием технологий, аппаратных средств коммуникации и мультимедиа будет постепенно появляться возможность передавать более тонкие нюансы звука инструмента и красок на холсте, и дистанционные технологии будут иметь хоть какой-то положительный КПД и в этой области. Необходима совместная работа специалистов в области конкретных видов искусств, в том числе и преподавателей, и специалистов в области компьютерной графики, записи и обработки звука, систем передачи информации. Прогресс не остановить, но важно, чтобы информация не теряла качество на любом этапе ее трансляции и при любой форме работы с ней.

Куштым Е. А. Уважаемые коллеги, сегодня налицо ситуация, когда информационно-компьютерная грамотность обучающихся оказывается выше подготовленности в этом вопросе некоторых педагогов, что нередко ослабляет их авторитет. При этом сказывается нехватка в образовательных учреждениях программного обеспечения, адаптированного к образовательным целям. В таких условиях в разных уголках страны организуется, так называемое (привожу дословно название), «цифровое волонтерство студентов». В чем суть? Студенты на совершенно безвозмездной удаленной основе помогают преподавателям, учителям школ овладеть современными технологиями.

Заварзина Н. А. Коллеги, при всём уважении к волонтерскому движению, отмечу следующее. Первоочередная задача ученика или студента — получить качественное образование. Обучение учителей и помощь им в овладении современными технологиями является задачей образования именно как социального института. Между тем, почему-то студенты организуют «Горячую линию помощи родителям учащихся», тем самым оказывая безвозмездную помощь учителям. Почему-то именно цифровыми волонтерами развернута система приема, регистрации

и контроля исполнения заявок родителей учащихся в условиях обучения их детей с применением дистанционных технологий. Волонтеры-студенты проводят консультации для родителей на весь период реализации дистанционного обучения в школах. Оказание такой безвозмездной помощи, конечно, заслуживает уважения и признания, но должна быть также ответственность самих социальных институтов за их реальную включенность в оказание помощи.

Бобрик А. А. В условиях происходящей в современном мире информационной революции необходимо формирование культуры реализации глобального научно-информационного мировоззрения. Цифровизация — это не только и не столько технологическая трансформация, но прежде всего — трансформация социокультурная, от которой во многом зависит дальнейшая эволюция человечества. Междисциплинарный синтез знаний, синтез фундаментальных и прикладных исследований занимает прочное место в формировании новых моделей современного образования.

Сафина Н. Р. Цифровизация трансформирует все аспекты развития общества, в том числе и технологии в преподавании и обучении. Главной целью образовательных учреждений становится подготовка компетентных в цифровых технологиях будущих граждан-работников. Цифровое обучение предполагает новые методы преподавания и обучения, основанные на цифровых инструментах и технологиях обучения. Включение цифрового обучения может варьироваться от простого использования планшетов вместо бумаги до использования сложных программ и оборудования вместо простой ручки. Это использование сайтов, сервисов, программ, средств обучения и технологий, коммуникационных платформ для создания и управления цифровыми заданиями. Цифровое обучение играет решающую роль в образовании, расширяя возможности обучающихся, позволяет развивать эффективные навыки самостоятельного обучения, использования онлайн-ресурсов для поиска информации, повышает их эффективность и производительность, оттачивают навыки критического мышления.

Цифровые технологии обладают большим потенциалом в качестве инструмента для улучшения преподавания и обучения, обеспечения доступности образования. Сильные стороны традиционного и цифрового обучения могут быть объединены для удовлетворения конкретных потребностей обучающихся в контексте преподавания определенной дисциплины.

Доронина С. Г. Согласно с предыдущими заключениями коллег, но чтобы осуществить такой синтез необходимо выявить специфику воздействия цифровых технологий и устройств на когнитивное, психофизиологическое и социальное развитие детей в зависимости от возраста, социального и культурного контекстов, целей и задач их использования. К сожалению, таких исследований проводится крайне мало по причине их энергозатратности и большой стоимости, а зачастую и незаинтересованности в них в связи с экономической нецелесообразностью — продажа электронных и цифровых устройств вносит существенный вклад в развитие экономики большинства стран.

Также актуальными являются исследования, направленные на установление специфики цифрового образования, его отличий от уже сложившихся форм преподавания и влияния на различные стороны развития подрастающего поколения. С одной стороны, средства массовой коммуникации и цифровые технологии предоставляют широкие возможности для самовыражения и формирования идентичности, реализации социальной мобильности, обучения, что особенно важно для маргинализированных групп (дети, подростки, молодежь, люди с особенностями развития, низким уровнем социального благополучия, живущие в отдаленных регионах и т. д.). С другой — на примере попыток внедрения дистанционного образования в 2020—2021 гг., имеющего свои как положительные, так и отрицательные стороны, можно говорить о наличии множества серьезных и пока неразрешимых проблем, связанных с последствиями тотального применения цифровых технологий в обучении.

Ряд исследователей ввели в научный дискурс новый термин «Zoom-усталость» (*Zoom Fatigue*), указывающий на связь использования такого формата обучения с определенным эмоциональным и умственным истощением, физиологическим дискомфортом, стрессом, изменением пищевых и др. привычек. С учетом того, что в среднем около 40 % современных подростков проводят за электронными устройствами до 14 часов в сутки, а уровень грамотности и навыков работы с информацией и текстом существенно понизился, то своевременным является введение мер, направленных на минимизацию таких негативных последствий и развитие актуальных для современного молодого поколения навыков и компетенций.

Можно говорить о существовании параллельного процесса — по мере развития цифровых технологий расширяется и спектр необходимых современному человеку ком-

петенций: навыки самообучения и рефлексивного мышления; умения, имеющие отношения к проективно-исследовательской деятельности и коммуникации, практикам аргументированного ведения дискуссии т. д., которые должны быть получены независимо от уровня образования, технической и цифровой грамотности. Это свидетельствует о необходимости трансформации современного образования, пересмотра значимости социально-гуманитарного знания, в том числе и философского — роль и значение которого для развития молодого поколения трудно переоценить, — что порождается ряд эпистемологических, онтологических и этических вопросов, связанных с переосмыслением самой сущности образования. Ключевой вывод о потенциале цифровизации заключается в том, что она должна способствовать, а не мешать развитию детей и молодежи.

Сериков А. А. Цифровые платформы и системы дистанционного обучения для проведения лекций, семинаров, практикумов, зачетов и экзаменов в онлайн-формате переживают настоящий пользовательский бум, что уже привело к цифровой трансформации образования. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации до 2030 года явно выражена озабоченность возможностью навязать посредством сетевых технологий требуемую модель поведения нашим детям. Смещение акцентов в восприятии окружающего мира с образовательного и культурного на развлекательно-справочный уровень сформировало новую модель восприятия — клиповое мышление, характерной особенностью которого является массовое поверхностное восприятие информации. Необходимо сформировать безопасную информационную среду на основе популяризации информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Также довольно опасно предполагаемое внедрение в образовательный процесс многочисленных онлайн-тестов, онлайн-зачетов, с выдачей многочисленных сертификатов и оценок. Необъективно судить о компетентности обучающегося по тому, посетил он вебинар и прочитал ли образовательный контент по изучаемой теме. Это все равно, что пытаться понять по форме одежды, по внешним данным, насколько хорошо обучающийся владеет иностранным языком. Умения и знания обучающегося, степень освоения им практических приемов работы проявляются при создании творческого проекта, при непосредственном контакте с преподавателем, заменить онлайн-форматом очное обучение возможно только в малых объемах, в части

теоретической, лекционной, с обязательным включением форм обратной связи и элементов адаптивного обучения.

Куштым Е. А. На современном этапе развития отечественного образования мы отмечаем как его положительные моменты, так и негативные. Безусловно, мы склонны признать все плюсы введенного (особенно во время пандемии) дистанционного обучения, которое позволило сохранить непрерывность образовательного процесса. Но это была вынужденная мера. К тому же, некоторые профессии невозможно освоить только через использование пусть даже суперсовременных дистанционных технологий. В частности, это невозможно сделать в полной мере в вузе творческой направленности. Это первое. Второе: быстрые и даже порой резкие изменения в системе образования приводят к тому, что образовательные учреждения, как уже было сегодня отмечено, просто не успевают адаптироваться к новым современным условиям образовательной деятельности или же адаптируются весьма поверхностно через преодоление разного уровня непоняток и проблем, что в итоге приводит к ухудшению стабильности не только образовательного процесса, но и ухудшению продуктивной стабильности всей системы отечественного образования. Дестабилизация и что еще хуже — уничтожение существующих веками в российском образовании ценностей становятся источником новых проблем, сказывающихся на развитии российского общества в целом.

Марченко Е. Г. Конечно, в рамках дистанционного обучения возможно выполнить только минимум образовательной программы. И это является большим минусом для образовательного процесса. Какие-то знания, навыки можно получить дистанционно. Но навык живого общения в условиях дистанта может быть сведен до минимума или вообще утерян. Более того, если говорить о дополнительных образовательных программах (секциях, кружках) образовательной организации, то их реализовать затруднительно при взаимодействии педагога и обучающегося на расстоянии.

Николаева И. В. Продолжая начатую тему, подчеркну, что в первую очередь необходимо создание условий благоприятования для введения инноваций, а не создание образов отсутствующей действительности. К сожалению, мы нередко оказываемся в ситуации, когда условия для внедрения инноваций еще не созданы, когда сцепление предпосылок для нововведений еще не произошло, а между тем функционирование нововведений требуется незамедлительно. Возникает

вопрос: «На основе каких критериев объявляется повсеместное внедрение нововведений без дифференциации образовательных учреждений?». Речь сейчас не идет о внедрении самих современных дистанционных технологий. Речь идет о том, что традиционная (классическая) форма организации образовательной деятельности не должна уйти в небытие. Если мы говорим об этом, значит, у нас есть для этого основания. Техническая укомплектованность образовательных учреждений, техническая готовность к применению современных средств обучения — это одна сторона важного дела, но сейчас мы подчеркиваем, что необходим учет объективных условий деятельности разного уровня вузов в решении организационных вопросов по внедрению инноваций. Социальные институты призваны эти условия улучшать!

Куштым Е. А. Всё правильно, Ирина Викторовна, но здесь, по всей видимости, срабатывают выработанные в современной культуре некоторые социальные закономерности, типичные связи между фактами и явлениями, то есть некоторые устойчивые матрицы, которые воспроизводит человек или социальные институты в своей деятельности. Иначе говоря, всякое соприкосновение человека с действительностью всегда опосредовано той моделью, той матрицей, которую культура внушает человеку (если можно так выразиться). Сами по себе закономерности как некоторые культурные образцы не являются социальными нормами, они не создаются отдельными личностями или социальными институтами, они надындивидуальные по своему характеру и возникают в ходе социально-культурного развития в тот или иной исторический период. Для сохранения всеми нами здравого смысла важно это понимать, принимать это в качестве двигателя созидательной деятельности, которая возможна только при сохранении диалогических отношений, и что самое главное — в исследовании действующих в тот или иной исторический период закономерностей не нужно отмахиваться от поиска ответа на вопрос: «Что в человеке есть такое, что служит предпосылкой к складыванию тех или иных социальных закономерностей?»

Лазарев А. И. Отчасти согласен с Вашим мнением, Евгения Александровна. Но я вижу, что многие проблемы взаимодействия социальных институтов в России связаны с отсутствием дискурса. Мы живем в достаточно непростую эпоху постмодернизма, когда происходит изменение устойчивых парадигм образования, науки и культуры, которые успешно функционировали длительное время. Сейчас меняются ценности, подходы, ме-

тоды взаимодействия субъектов социальных отношений, происходят изменения в использовании практически во всех отраслях экономики информационно-коммуникационных технологий, которые уже очень прочно вошли в жизнь практически каждого человека как неотъемлемая часть его профессиональной и личной деятельности. Меняется также ценностная картина мира представителей поколения юношей и девушек, родившихся уже в этом веке и являющихся в настоящий момент основной категорией обучающихся на всех уровнях образования.

Тон всей структуре отношений между людьми (в обществе, социальных группах, коллективе, семье) задает именно дискурс. Он и есть основа формирования социальных связей, определяющая межличностное взаимодействие людей. Только на основе равноценного диалога могут появиться идеи, которые приведут людей разных формаций к совместному творческому решению.

Дискурс определяет сознание субъекта и его бессознательного, определяет структуру его отношений через устную и письменную речь. Французский философ и психоаналитик Жак Лакан, последователь Зигмунда Фрейда, определял четыре формы дискурса, но мы обозначим актуальные для нашего разговора только два из них: господский и академический. В данном случае, речь пойдет не в целом о дискурсах, а о конкретном вопросе: «Каким образом мы можем формировать свое представление о каком-либо феномене?». Господский дискурс представлен единственно правильным мнением, формируемым мэтрами политики и управления, без возможности какого-либо постороннего, отличного от официального курса, мнения или убеждения. Академический дискурс ориентирован на ценность знаний и структурно-аналитического подхода, постановку точной цели, задач, объекта и предмета изучаемого явления, планирования этапов исследования, с применением научно-обоснованных методологии и методов исследования. На мой взгляд, необходимо придерживаться академического дискурса в профессиональной среде, когда мы формируем свое представление об определенной проблеме средствами анализа данной проблемы, ориентированном на многоаспектное раскрытие темы, а не на идеологические догмы и эмоционально-окрашенные чувства. То есть, подводя итоги, я вижу четыре важных аспекта: дискурс, анализ ситуации, равноценный диалог и субъект-субъектный подход в решении актуальных проблем науки, образования и культуры в целом.

Куштым Е. А. Спасибо, Арсений Иннокентьевич. В продолжение отмечу, что по харак-

теру образование, как правило, объявляется лично-ориентированной социокультурной деятельностью. Однако нередко наблюдается отстраненность образовательных учреждений от субъектной матрицы своей деятельности, что совершенно чётко прослеживается особенно в настоящее время, когда получают развитие современные дистанционные технологии, приравненные к очной форме взаимодействия. Между тем, в антиномичном мире диалог сохраняет (или должен сохранить) свой фундаментальный статус — как в плане гармонизации отношений человека с миром в целом, так и в плане сохранения человеком своей целостности как субъекта отношений.

Бутова И. А. Внедрение личностно ориентированной парадигмы образования вызывает повышенный научно-педагогический интерес к субъектности человека. Когда мы говорим о формировании и развитии субъектности обучающегося, мы подразумеваем совокупность определенных норм и ценностей, которые способствуют формированию личности обучающегося как субъекта именно диалогических отношений. Личностные смыслы приобретаются только на основе сотрудничества, со-творчества, посредством актуализации диалога между обучающимся и преподавателем. Особое значение в настоящее время приобретает взаимосвязь образования и воспитания. Сегодня оказывается неоспоримым, что вузы должны искать и обязательно находить новые возможности для реализации форм социокультурной коммуникации.

Куштым Е. А. В этом смысле необходимо глубокое понимание необходимости формирования субъектности человека в процессе образовательной деятельности, так как это непосредственно связано с пониманием действительного смысла гармоничных отношений и касается мировоззренческо-методологического, жизненно-практического, духовно-интеллектуального модусов бытия человека...

Нижников С. А. Хайдеггер как-то сказал, что современный человек — это «обезьяна цивилизации». Человек не произошел из обезьяны, как полагал Ф. Энгельс, а постепенно деградирует в нее. Это происходит потому, что господствует бескультурье. Уровень массовой культуры снижается, ломается ее структура, человеческое сознание деградирует. Молодежь, которая не имеет критериев морали в силу отсутствия должного воспитания, открыта для давления со стороны, становится заложником какой-либо пропаганды. Искусство должно созидать красоту, а оно создает безобразие, и чем его больше, тем оно считается более иску-

сным. Сейчас уже не «красота спасет мир», а по верному замечанию А. В. Семушкина, «красоту необходимо спасать». И выход здесь, казалось бы, в воспитании и качественном образовании. Но здесь как раз и обнаруживаются серьезнейшие проблемы.

Конечно, качество высшего образования влияет на самосознание и мировоззрение человека, однако, к сожалению, не всегда в лучшую сторону. Образование находится под жестким давлением тех глобалистских идеологий, которые сейчас господствуют в мире. А они отнюдь не предполагают необходимость качественного образования в национальных и исторических традициях народов, что приводит к падению нравственного уровня всех участников образовательного процесса. К тому же повсеместно внедряются рыночные количественные методики оценивания научной и преподавательской деятельности. В этих условиях критерием научной деятельности преподавателей и вузов выступают всевозможные зарубежные «рейтинги». Сейчас в образовании важна «показуха», как говорили в советские времена, когда реальное качество знания и научных исследований подменяется внешними количественными показателями. В этой связи, как мы видим, «пушечным мясом» «цветных революций» зачастую являются как раз студенты вузов. Это происходит, когда критика подменяется критиканством, а реальное знание и понимание — внешней и зачастую искаженной «информированностью». У нас, к сожалению, нет идеологической определенности, которая должна формировать направленность образовательного процесса, — кого мы хотим получить на выходе? Поэтому происходит калькирование западных технологий в образовании, которые для нас могут быть разрушительными, что сказывается уже сейчас, и еще более катастрофически скажется через годы и десятилетия, ибо образование формирует будущее страны. Остается надежда на то, что принятые поправки в Конституцию РФ, направленные на укрепление всестороннего суверенитета страны, скажутся позитивно и на образовании. Пока, правда, этого не заметно. Создается впечатление, что страна у нас живет одной жизнью, а чиновники от образования — своей, в которой все еще продолжается глобализация как вестернизация.

Некрасов С. Н. Перед Россией и евразийскими социумами, а эти социумы являются самостоятельными и независимыми, стоит задача — вернуть нашу страну в глобальную мировую историю. Мы прекрасно понимаем, что та гуманитарная наука, которая сложилась на Западе, она во многом

строится на идеях либерализма, а сегодня это ещё выразилось в либертинизме. Доказано, что либералистская идея по сути своей нанесла колоссальный вред нашей политике и экономике, нашим людям, которые встали на либертинистские позиции в области социума и экономики. Это опасно для нашей страны. Увы, к сожалению, наша страна провалилась вначале в капитализм — такой примитивный, затем захватила элементы феодализма, и вот люди, которые сейчас пытаются из этого вырваться, прорваться в будущее, они ещё не видят дальнейшей перспективы, но они хотя бы хотят справедливости.

Ломка культурной парадигмы Запада, которая произошла в 1968 году, так называемая молодёжная революция — Париж, Берлин, вы все это прекрасно знаете, она привела к тому, что на Западе сформировалась контркультурная структура — нарко, рок, секс культура, что собственно говоря, разрушило стремление молодёжи учиться, получать качественное образование, осваивать новые дисциплины и т. д. Речь пошла о другом — о постиндустриальном обществе. Путь постиндустриализма оказался тупиковым в развитии западной цивилизации, то же самое происходит в Китае, России, где либертинистская идея должна быть сметена в истории, а дирижистские методы управления экономикой, культурой и социальной сферой должны восторжествовать. Дирижистские и рыночные методы восторжествовали после восстановления Европы после Второй Мировой войны во Франции, Германии, Советском союзе. Ломка же культурных парадигм отразилась на территории нашей страны, в сознании нашего народа. Мы видим массу независимых стран, которые развивают свои гуманитарные теории, в которые люди не возвращаются. Нам в этих условиях нет смысла использовать западные гуманитарные технологии, изучать их политологию, социологию и т. д. Нам надо делать так, как делали наши великие предки — нам надо соединять людей на нашей территории любовью буквально в прямом смысле: брак, семья, отношения — то, что мы умеем делать, то, что русские делали всегда. Использование наших гуманитарных социальных технологий позволяет нам вернуть очень большие возможности отечественных гуманитарных наук, гуманитарных технологий. Повторюсь, нам надо делать то, что делали наши великие предки.

Мы предпринимаем всё, чтобы Россия была восстановлена в исторических рамках, исторических масштабах, в своём культурном поле. Собственно говоря, такова логика — вернуть наш народ, нашу страну в теорию,

историю для того, чтобы теория стала сильной и могла определять сознание и поведение наших людей, некоторые из которых, к сожалению, будучи рабами интернета, не являются самостоятельными и независимыми акторами социального прогресса и развития. Управлять социальностью надо грамотно. Это всё требует интеллектуального труда. Давайте будем взаимодействовать, давайте будем обмениваться опытом, умением...

Нехамкин В. А. Хотел бы позволить себе ряд реплик относительно перспектив социально-гуманитарного пространства (особенно Российского) в условиях глобализации и цифровизации. Во-первых, оно, особенно образовательное пространство, в значительной мере зависит от того, с позиции каких параметров его будут оценивать вышестоящие государственные инстанции. Ранее здесь преобладал количественный подход. «Лучшим» среди иных выступал вуз, где преподаватели больше всего написали работ в зарубежных БД (WoS, SCOPUS), где большее количество иностранных учащихся (и даже устанавливались определенные формальные «квоты»). Не отрицая важности таких показателей самих по себе, следует отметить их относительность. Но главное в другом: и на государственном уровне, и на уровне участников образовательного процесса пришла пора вырабатывать *качественные* параметры оценки эффективности системы передачи знаний. Тем более, что в свете нынешних событий уровень включенности РФ в западную образовательную среду заметно снизится. Это, конечно, кризис, но и основание искать новые формы оценки эффективности вузов и преподавателей.

Во-вторых, о цифровизации. Внедрение информационных технологий в образовательный процесс — вещь полезная, особенно на случай форс-мажоров типа пандемии 2020—2021 гг. Однако делать их безальтернативным средством обучения не стоит. При дистанционном образовании теряется личная связь педагога и учащегося. Вместо глаз на экране компьютера видны лишь некие «образы». Дистанционное информационное обучение делает сомнительной лекцию как форму педагогической деятельности. Ведь слушает ли реально тебя формально «подключившийся» ты не знаешь. Поэтому цифровизация образовательного социально-гуманитарного пространства должна проводиться крайне осторожно. Допускать туда надо не все подраяд технологии, а те, которые в перспективе способны «не навредить».

В-третьих, нынешние события, разворачивающиеся после февраля 2022 г., ставят вопрос: куда двигаться отечественной гума-

нитарной науке? Западные (либеральные) образцы и их тематика (гендерность и пр.) показали свою несостоятельность на отечественной почве. Российские — не смогли достаточно развиться после резкого перехода от доминирования марксизма-ленинизма к либерализму в 1990-е гг. Поэтому вопрос: «Что делать дальше?» встанет перед Российской гуманитарной наукой в условиях ослабления глобализации все сильнее. Главное, чтобы он не был редуцирован на долгие годы к вопросу: «Кто виноват в сложившемся положении?». Но новый «берег», ориентир выбирать придется.

Аббасов П. Р. Соглашусь с Валерием Аркадьевичем, что внедрение информационных технологий в образовательный процесс — вещь полезная. Развитие цифровых технологий в системе образования неизбежно, цифровая революция вносит коррективы в организацию образования и воспитания. Цифровые навыки для всех участников образовательного процесса становятся ключевыми. К положительным аспектам дистанционного обучения следует отнести повышение доступности информации за счет открытия доступа к электронной образовательной среде, возможность сделать образование одинаково качественным для всех и др. Пандемия 2020—2021 гг. заставила нас форсировано развивать цифровые компетенции. Если раньше дистанционное образование развивалось не столь стремительно в силу отсутствия необходимых компетенций, то в период пандемии преподаватели вынужденно освоили цифровые образовательные технологии, программное обеспечение, приобрели навыки проведения онлайн-лекций, онлайн-курсов и стали отмечать несомненные плюсы. Тем не менее, цифровые технологии должны не заменять традиционные формы образования, а использоваться для повышения качества подготовки. При организации дистанционного обучения важен учет практического опыта, который в последнее время получен в системе высшего образования. Необходимо осуществлять выбор педагогически обоснованных форм и методов электронного обучения, определить оптимальное соотношение объема дистанционного и очного форматов обучения, развивать навыки самоорганизации, а также формировать цифровую и информационную культуру обучающихся.

Шарикова С. Г. В этом отношении значимым в современном мире является формирование ценностных ориентаций подрастающего поколения. В современном российском образовании решением данной проблемы занимаются с дошкольного возраста. Новая идеология детства призвана не только под-

готовить ребенка к обучению в школе, но, прежде всего, создать условия для активной социализации подрастающего человека. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования направлен на развитие личности, мотивации и способностей ребенка в разнообразных видах деятельности. Одной из образовательных областей является художественно-эстетическое развитие детей, предполагающая в том числе развитие предпосылок ценностно-смыслового восприятия и понимания произведений искусства. С целью организации процесса формирования предпосылок ценностно-смыслового восприятия музыки у детей старшего дошкольного возраста нами разработана методика, в основу которой поставлен механизм интериоризации. В педагогической науке интериоризация рассматривается как формирование внутренних качеств психики воспитанников через овладение ими внешней деятельностью. В основу методики положено чувственное реагирование на музыкальное произведение, художественное осмысление музыкального языка, проектирование социальной значимой деятельности детей и активного их включения в такой процесс и как следствие — осмысление и формирование личного отношения к музыкальному произведению. Интериоризация обеспечивает взаимосвязь ребенка с обществом, подчеркивает его значимость и выступает ведущим аспектом в процессе формирования предпосылок ценностно-смыслового восприятия музыки у детей старшего дошкольного возраста. Проведенный нами эксперимент по внедрению методики показал положительную динамику в решении проблемы формирования предпосылок ценностно-смыслового восприятия музыки у детей старшего дошкольного возраста.

Пашков Г. П. В работе над музыкальным произведением большая роль отводится профессиональной интуиции. Интуиция является необходимой составляющей в творческой жизни музыканта, но она обязательно должна подкрепляться исследовательской аналитической работой музыканта. Формирование аналитической культуры мышления у обучающихся — одна из основных задач современного образования, в том числе музыкальной педагогики. Несомненно, любой исполнитель должен проявлять аналитическую способность к исследованию музыкальных произведений. Только в результате глубокого исполнительского анализа и интуитивного начала появляется авторская интерпретация, порождающая желание сопереживать и размышлять совместно с исполнителем.

Коноплянская Н. В. В социально-гуманитарных отношениях основополагающая роль должна быть отведена человеку, их создателю. Он же должен стать и их целью. Поэтому гуманитарное пространство необходимо сделать пригодным для такого образования, которое направлялось бы, прежде всего, на совершенствование личности, её внутреннего мира. Сами по себе любые знания безличны. Они могут принести как пользу, так и вред человечеству, в чём оно уже не раз убеждалось. Развивать лучшее в человеке — задача, в том числе искусства, музыки. Музыка, непосредственно воздействуя на психику и физику слушателя, является мощным инструментом влияния на него. Ведь музыкальное произведение, обладая универсальной информацией, минует волевую сферу, формируя подсознательные установки, которые могут быть и обязательно будут реализованы индивидом в социальном пространстве.

Неволина С. П. Хочу добавить по поводу совершенствования и развития личности посредством искусства и, в частности, музыки, которая как явление, как учебный предмет несет в себе уникальное и мощное психологическое содержание, имеет глубоко специфичный язык. Воспитательный потенциал музыки, пределы ее воздействия на сознание человека безграничны. Человеческая психика, вступая во взаимодействие с музыкой, качественно видоизменяется. Через понимание языка искусства происходит воспитание чувств, развивается ощущение прекрасного, прививается умение сопереживать, умение разобраться, что такое хорошо и что такое плохо. Через музыкальные произведения и понимание языка музыки обучающиеся знакомятся с мировой культурой. В нашем учебном заведении возникает огромное пространство для реализации возможностей музыкальной педагогики. Благодаря тому, что воплощаются образовательные программы воспитания музыканта, начиная с первых шагов и заканчивая высшим учебным заведением и аспирантурой, процесс обучения организован таким образом, что становится максимально перспективным для развития личности. В данных условиях целенаправленную работу личностно-профессионального роста учащегося возможно осуществлять благодаря большей преемственности, поскольку преподаватели находясь в тесном контакте, верно распределяют работу по выявлению и кристаллизации специальных способностей молодого музыканта. Учителя начального этапа вызовут интерес к музыкальному образованию, вникнут в особенности восприятия и мышления ребенка, зложат

фундамент для развития его музыкальных, нравственных и эстетических способностей. Педагоги высшего звена сформируют профессиональное музыкальное мышление, расширят художественное сознание, воспитают в молодом человеке утонченное восприятие, как произведений искусства, так и окружающего мира природы. Благодаря такой системности возможна взаимосвязь между процессом становления профессионального мастерства и формированием личностной целостности человека, само же обучение качественно преобразуется и по существу перекрещивается с воспитанием, то есть, с реализацией основной функции образования человека.

Чернов Д. А. Говоря о перспективе применения информационно-коммуникационных технологий в ходе образовательного процесса, подразумевая его гуманистическую направленность, можно учитывать тройственную природу в распределении ролей между компонентами. Тенденции, приводящие к перераспределению этих ролей благоприятны не всегда. Так, информационная составляющая, благодаря интерактивным технологиям и развитию активности и доступности в способах подачи информации, приобретает свойства роли одного из субъектов процесса, что само по себе неплохо, однако сама информация при этом не должна становиться размытой, терять объектность и предметность. Человеку при этом, напротив, следует сохранять роль субъекта образовательного процесса, не превращаясь в его объект. А коммуникативная составляющая, традиционно являющаяся средством осуществления образования, ныне все больше увеличивая свою значимость в ходе своего «цифрового» развития, не должна подменять информационную составляющую и превращаться в основную и единственный предмет. Иными словами, должна превалировать ориентация на содержательность информации, ее усвоение и использование обучающимся, а не на способы и средства коммуникации сами по себе. Новые технологии в сфере образования и культуры нельзя не приветствовать, но их внедрение требует не только смелости и гибкости, но и осознанности.

Куштым Е. А. Уважаемые коллеги, глубокое осмысление сложившейся в современном мире ситуации невозможно без конкретизации и максимального уточнения смысла любого высказанного нами тезиса, требуются тщательная разработка и претворение в жизнь проектов, направленных на создание условий для приращения и реализации творческого потенциала человека, общест-

ва, государства. Открывается сложная, противоречивая культурно-историческая перспектива, которая, безусловно, скажется на всей последующей истории России. Культура диалогических отношений — не прихоть, а насущная потребность в приращении и реализации творческого потенциала.

Следует признать, что имеет место большая проблема — реализовать в ближайшем будущем на практике то, что нашло своё выражение в теоретических рассуждениях. Одними разговорами о существующем проблемном поле решить практические задачи, связанные с эффективным функционированием искусства, науки, образования в их единстве, невозможно. Тем не менее, оказывается существенной сама постановка задач в свете кардинальных изменений культурного облика мира. Необходимо дальнейшее коллегиальное осмысление множества проекций предметной деятельности человека, социальных институтов, государства в целом в области искусства, науки, образования.

Модератор: Е. А. Куштым

*Материалы поступили в редакцию
10.05.2022*

For citing: International Round Table “Art, Science and Education: topical Issues of the modern age and prospects for development” (Russia, Chelyabinsk, April 7, 2022) // *Socium i vlast'*. 2022. № 2 (92). P. 107—135. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-2-107-135. EDN: DDFYSS

UDC 304.2 + 37 + 7.067

EDN: DDFYSS

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-107-135

**INTERNATIONAL
ROUND TABLE
“ART, SCIENCE
AND EDUCATION:
TOPICAL ISSUES
OF THE MODERN AGE
AND PROSPECTS
FOR DEVELOPMENT”
(Russia, Chelyabinsk,
April 7, 2022)**

Abstract

The round table is held on the basis of the topic-based platform of Tchaikovsky South Ural State Institute of Arts within the framework of the International Scientific Cultural and Educational Forum “Eurasia - 2022: social and humanitarian space in the era of globalization and digitalization” (April 6-8, Chelyabinsk, 2022). The structure of the meeting is represented by several semantic blocks in the form of searching for answers to topical issues of our time related to the current state and prospects for developing art, science, education in the context of the fruitful development of man, society, and the state on the basis of dialogical relations between them. Art, science, and education are considered not as separate social institutions and cultural phenomena, but in interaction with all spheres of public life: economic, political, social, and spiritual.

Keywords:

education,
science,
art,
creativity,
values,
globalization,
digitalization

Для цитирования: Международная декларация о сотрудничестве, мире и философии (перевод С. В. Борисова) // Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 136—147. DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-136-147. EDN: САНАНД

УДК 101.1 + 304.444

EDN: САНАНД

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-136-147

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ, МИРЕ И ФИЛОСОФИИ (перевод С. В. Борисова)

Аннотация

«Международная декларация о сотрудничестве, мире и философии» представляет собой уникальный документ, подготовленный философами разных стран, выражающий их осмысление и предлагающий пути решения актуальных проблем нынешней кризисной ситуации. Текст Декларации публикуется впервые на русском языке.

Ключевые слова:

философская практика, диалог, здоровье, присутствие, гендер, этика, забота, плюрализм, общество, гражданственность, экология, экономика, технологии, образование, миролюбие

23 апреля 2022 года состоялось волнующее событие — торжественная церемония обнародования *Международной декларации о сотрудничестве, мире и философии*. Десять спикеров из разных стран зачитали текст Декларации на испанском и английском языках, затем двадцать докладчиков, представляющих различные ассоциации философской практики из разных концов земного шара, выступили с короткими комментариями, а в конце этого торжественного мероприятия, ведущие огласили список всех авторов, чьи идеи представлены в тексте этого документа. Работа над Декларацией представляет собой уникальный проект, инициаторами и организаторами которого были философы-практики из Латинской Америки, представители объединения СЕСАПФИ («Образовательного центра автономного творчества в области философской практики»). Работа над текстом Декларации длилась около года. В результате появился актуальный документ, который может использовать как руководство к действию любой философ. Несмотря на то, что авторами Декларации были более 50 философов из разных стран, текст документа получился необычайно органичным и целостным, что свидетельствует о взаимопонимании и солидарности философов в осмыслении и решении актуальных проблем нынешней кризисной ситуации. Хочется надеяться, что текст Декларации, переведенный мной на русский язык специально для журнала «Социум и власть», также вдохновит российских читателей — философов, ученых и просто интеллигентных людей — на свободное и ответственное выражение своей позиции относительно главных проблем современности, что в итоге поможет нам преодолеть кризисный период в нашем непростом настоящем для того, чтобы нам открылись горизонты будущего, с которым каждый из нас сможет связать свои достойные цели.

Текст *Международной декларации о сотрудничестве, мире и философии* представлен ниже на русском языке. Текст предваряется вступительным словом Давида Сумиахера — руководителя СЕСАПФИ, главного инициатора и организатора проекта. Текст Декларации размещен на испанском, английской и французском языках по ссылке: <https://www.cecaphi.com/editorial.php>

Сергей Борисов, президент Ассоциации философов-практиков «Рацио», доктор философских наук, профессор

Представление

Мы на распутье. Возможно, нахождение на этом пересечении дорог в XXI веке является величайшим событием за всю историю человечества. На пересечении правды и лжи, официальной и неофициальной «вирусизации» (*viralizations*) положения вещей, среди усиливающейся нестабильности у нас нет сомнений, что наша жизнь значительно изменилась. Интересы крупных корпораций и засилье непреодолимых обстоятельств, страх, паралич воли, изоляция и индивидуалистическая модель жизни — все это важные тенденции сегодняшнего дня. Мы живем в эпоху, которая требует мужества, ума и адаптивности к изменениям, без отречения при этом от наших основных ценностей. Но если бы мы спросили себя об этих ценностях и о том, имеют ли они место быть сегодня? Задумываемся ли мы о том, что нам делать и чего мы не можем допустить в наши 2020-е годы ради жизни наших детей, наших семей, в сфере образования или в сфере нашей деятельности?

Процесс разработки данной *Международной декларации о сотрудничестве, мире и философии* представлял собой взаимодействие известных философов из 10 стран: Аргентины, Уругвая, Колумбии, Мексики, США, Испании, Италии, Германии, России и Японии.¹ В работу было вовлечено примерно по 5 философов из каждой страны, что позволило сформировать общую группу авторов из 50 человек. Каждому из них были предложены разнообразные открытые вопросы, предполагающие возможность развивать другие темы, если это необходимо. Коллеги из этих стран решали, отправлять ли свои тексты по отдельности или коллективно, и таким образом сформировалось то, что мы назвали

¹ Эти страны были выбраны не потому, что они имеют особое значение по отношению к другим; дело в том, что международные критерии СЕСАРФИ («Образовательного центра автономного творчества в области философской практики») были во многом случайными, хотя принадлежность к тому или иному региону помогла нам создать рабочие группы в процессе подготовки итоговой декларации, конкретный опыт которых породил очень ценные диалоги и взаимодействие, основанные как на географической близости, так и на взаимном общении, которое, как правило, уже существовало. Это не мешает данной Декларации носить международный характер, несмотря на всю относительность такого критерия различия, как «национальная граница». В общих чертах, мы можем сказать, что это не привело к какому-либо дистанцированию или конфликту, и, помимо того, что мы хотим интегрировать как можно больше стран в дальнейшие проекты, это позволило осуществить текущий проект.

«Пред-декларации по странам». После того, как идеи из каждой страны были сгруппированы, предварительные материалы снова рассылались участникам, чтобы они могли вносить свои комментарии, исправления или уточнения. После утверждения каждого текста была подготовлена данная заключительная редакция декларации, в которую мы включили наиболее важные идеи каждой из предварительных деклараций, стремясь максимально сохранить дух всех предложенных текстов, избегая при этом повторов для создания единой связной структуры. Вот так был составлен данный текст Международной декларации на испанском, английском и французском языках, а также тексты 10 предварительных деклараций каждой страны и краткое резюме в конце о каждом из приглашенных авторов.

Содержательными блоками, составляющими текст Декларации, являются: диалог, здоровье, присутствие, гендер, этика и забота, плюрализм идей, общество и гражданственность, экология, экономика, технологии, образование, философия, миролюбие, которые, как мы считаем, представляют собой наиболее актуальные темы нашего времени. То, что утверждается или декларируется в каждом из этих разделов, не является прописной истиной и не представляет собой единственно верную или окончательную позицию. Тем не менее, мы можем сказать, что каждая из этих тем волнует нас сегодня и затрагивает те вопросы, с которыми мы сталкиваемся ежедневно, вопросы, на которые нужно обратить внимание и заявить по поводу них *нашу позицию*.

Декларации о мире и сотрудничестве будет всего лишь плацебо, маскирующее эксплуататорские и насильственные социальные отношения, если мы не будем за ними внимательно следить и не решимся действовать в соответствии с тем, что мы можем сделать в это время пандемии, как это ярко выражено в предварительной декларации США. Хотя уже сама реализация этой работы является действием, так как предполагает готовность академического сообщества к сотрудничеству, пониманию и диалогу с носителями различных идей, а также осознание важности коллективных представлений о нашем времени, но этого явно недостаточно. Слова, выраженные здесь, являются призывом к ответственности и гражданским действиям. Они требуют гораздо большего, чем чтение или распространение информации, они подразумевают применение положений декларации к нашему непосредственному окружению, нашему образу жизни и принятие каких-либо мер по этому поводу.

Я хотел бы поблагодарить всех, кто участвовал в этом проекте, особенно Патрицию Солис Галиндес и Карлу Алехандру Гарсиа из редакции CECAPFI, Уильяма Гоурга и Хайро Сандовала за их переводческую деятельность, Федерико Ману, Паулину Рамирес и Шанти Джонс за их ценную работу по корректровке текста, и особенно Сандру Асеведо, которая обеспечила несколько необходимых шагов, обобщая вместе со мной различные предложения и темы, чтобы создать единый текст из стольких плодотворных идей.

Давид Сумиахер, руководитель CECAPFI

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ, МИРЕ И ФИЛОСОФИИ

Введение

Covid-19 на всей планете унес миллионы жизней. Растет число разрушенных экономик, а психофизические патологии усугубляются в результате изоляции и резкого изменения наших жизненных привычек. Что нас ждет? Появится ли другая форма бездействия, усиливающая паралич взаимоотношений и мыслей? Как, привязав себя к виртуальности, оставаться реальным человеком? Что мы можем или должны делать с философской точки зрения? Это повод для размышлений, тщательного обдумывания решений и реализация нашего права быть философом. Мы все хотим вернуться к нормальной жизни, но какой? Казалось, что мы были в полной безопасности, убежденные, что наш прогресс, научный и технологический, развеет все наши тревоги. И тут происходит непредсказуемое. Катастрофа охватывает весь мир и наносит ущерб многим людям. Тем не менее, мы по-прежнему убеждены, что можем все контролировать...

Австрийский экономист и философ Отто Нейрат сказал, что мы подобны морякам, которым в открытом море приходится перестраивать и ремонтировать свои корабли, используя ту же старую древесину, из которой они были построены. Мы живем в условиях возможных рисков и большой неопределенности, возникающих из-за нашего неведения, как и в нынешнем кризисе, вызванном пандемией covid-19. Тем не менее, мы считаем, что у нас есть возможность использовать инструменты, которыми располагает философия, для поиска смыслов, альтернатив и инновационных форм взаимодействия, которые учитывают технологии и экономику как средства, служащие человеку, а не наоборот. Вместо того, чтобы занимать оборо-

нительную позицию, мы считаем необходимым проявлять инициативу с точки зрения критического, творческого и всестороннего размышления. Таким образом, философствование ведет к социальному диалогу, который способствует пронизательности для понимания беспрецедентных реалий, с которыми мы сталкиваемся.

Характеризуемая Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем как «Сова Минервы», которая начинает свой полет в сумерках, когда солнце уже зашло, философия возникнет, когда цивилизация завершает процесс своего формирования, что влечет за собой задачу объяснения реальности, а не преобразования ее (как известно, Карл Маркс утверждал обратное). Сегодня философия находится в интересном историческом положении, когда она может предложить свои размышления, методы и инструменты для понимания происходящего, а также помочь людям жить в условиях глобальной чрезвычайной ситуации в области здравоохранения, которая бросает нам вызов. Она может изменить представление людей о мире и помочь справиться со многими новыми проблемами, вызванными пандемией. Эта международная декларация стремится связать воедино оба пути.

Диалог

Локдаун, который мы переживаем, обострил одиночество и без того свойственное жителям городов. Он уничтожил контакты между людьми и усугубил кризис общения, начавшийся несколько десятилетий назад. Обмен идеями и историями, когда-то столь привычный, был заменен категоричностью сообщений. Это дает возможность новым формам насилия, возникающим из-за соблазна реагировать на все иррациональными ответами. В процессе разговора люди и идеи порождают интересное взаимодействие. Поскольку философский диалог способствует слушанию, терпимости к различным точкам зрения, тщательному и вдумчивому анализу различных аргументов, а также более разумному и осторожному принятию решений, способствующих сближению совещательной и солидарной демократии с социальной справедливостью, такой диалог вновь приобретает значение сегодня. Философия коренных народов, построенная на основе принципа «мы», а не «я», а также на структурах единого сообщества, по своей сути позволяет поддерживать мирные процессы независимо от обстоятельств и контекстов. Они выполняют эту задачу в основном за счет использования диалога и активного слушания. Диалог подразумевает слушание, которое требует

тишины и бережного отношения к произносимым словам.

Важность диалога заключается в его способности признать, что проблемы и неприятности человека являются не только его собственными, но они понятны для многих. Благодаря использованию диалога люди могут увидеть, что проблему следует рассматривать в более общих и широких рамках. Обобщая отдельные случаи, можно понять, что кризис, с которым мы сталкиваемся, не может быть разрешен без глубоких социальных и цивилизационных изменений. Мы можем видеть, что каждый способен нести ответственность и понимать какие внешние факторы влияют на нас.

Возьмем, например, наше здоровье. Из множества способов извлечь выгоду именно мы, в конечном счете, должны решить, какие из них мы на самом деле хотим использовать. То же самое и со всеми сферами нашей жизни. Мы должны уметь оценивать по причине чего нужно что-то делать, формулировать собственные идеи о своем выборе и обладать проницательностью, чтобы принимать наилучшие решения. Философия может помочь в построении пространства для диалога, в понимании различий или конфликтов между людьми и странами. Поскольку она не является партийной и не практикует сектантских идеологий, а также поскольку она имеет определенные «организующие принципы», она способна помочь в формировании интересубъективной рациональности. Она также предусматривает мирный обмен различными интеллектуальными позициями, поиск общих элементов и общих интересов несмотря на экономические, социальные и культурные различия.

Философия, соединяющая интуицию и мысль, может объединять разные фрагменты бытия, создавая конкретные связи и сближая народы, живущие в разных (а иногда враждебных) странах. Особенно в эти трудные времена нам необходимо вести диалог о наших перспективах будущего. А поскольку в этом диалоге будут участвовать люди всего мира, его следует рассматривать как *полилог*.

Зачастую наша философская практика представляет собой исключительно монологические схоластические высказывания. Это не позволяет понять и принять позицию Другого, что требует эмпатии и эмоциональной обратной связи. Когда человек осознает свое право заниматься философией, ему предоставляется возможность мыслить критически, осуществлять многоуровневые интерпретации и посредством диалога слышать принципиально разные точки зрения в самом разнообразном контексте.

Здоровье

Общество XXI века оказалось не готово к проблемам болезней и смерти. Вот почему их вторжение в СМИ и статистику, начавшееся с 2020 года, вызвало состояние ужаса и тревоги. Вопросы здоровья должны быть переосмыслены как с позиции академического, так и философского образования. Страх, болезни и смерть снова и снова возвращают нас к тому, чтобы осознать наше человеческое бессилие перед лицом ситуаций, из которых мы не можем выбраться. Но философия — это *фармакон* (лекарство). Перед лицом болезни эллинистическая философия предлагает нам подумать о краткости наших физических неудобств и объективном происхождении наших недугов. Философская подготовка нашего ума к тому, как переносить боль, лежит в основе стоической философии и эпикуреизма, которые предлагают физические и психологические средства для достижения личной автаркии и безмятежного и умеренного наслаждения доступными нам средствами.

В политическом аспекте правительствам также следует принять соответствующие меры для обеспечения того, чтобы право на здоровье было признано в конституциях каждой страны, и чтобы все граждане имели равные условия доступа к качественно медицинскому обслуживанию. Право на здоровье не может зависеть от экономического и социального положения людей. Однако пандемия принесла новые формы дискриминации, основанные на неравенстве в отношении здоровья. Для многих людей вакцинация зависит не от их решения, а от места их проживания и доступа к этой процедуре. Этот новый вид дискриминации осуществляется в современном мире, например, Европейским экономическим союзом, на территорию стран которого могут не впускать непривитых граждан или тех, кто вакцинирован «определенными» видами вакцин. Если граждане не будут иметь свободного доступа к вакцинации, они не смогут реализовать свое право на свободное передвижение. Другая форма дискриминации заключается в ограничении доступа к местам общего пользования. В то время как привитые смогут свободно передвигаться куда угодно, права непривитых на совместное существование ограничены. Дискриминация при приеме на работу — еще один лик сегрегации, что проявляется в ограничении права человека на труд, которое теперь доступно только для вакцинированных.

Присутствие

Человек — живое существо, нуждающееся в близости, контакте и тепле со стороны других людей. Это телесное, родственное и общительное существо. Без этих условий мы перестаем быть людьми. Нынешняя «технологическая зачарованность», в которой мы живем, самонадеянна и бесчеловечна. Дистанционное общение экономит ресурсы и затраты на путешествия и переезды, но не устраняет потребность ощущать присутствие других людей в обществе с другими, не позволяет генерировать сложную сеть когнитивных и эмоциональных сигналов, направляющих диалог. Технологии угрожают человеку, когда он забывает о своих эмоциональных потребностях и потребностях контактировать с себе подобными, а также о важности интерактивного взаимодействия, что отрывает человечество от мира жизни и природы, как утверждает японский мыслитель Цунэсабуро Макигучи. Присутствие незаменимо, потому что нам нужны взгляд, жесты и телесность человека. Это придает ценность нашей жизненной и биологической реальности, подразумевая возможность волнующей встречи.

Встречи лицом к лицу позволяют не только услышать, о чем говорит человек, но и сохранить связь с эмоциями и другими небезразличными знаками, которые могут быть важнее всяких слов. Поскольку мы воспринимаем человека как единое целое, технологии и виртуальность сами по себе упускают из виду большую часть того, кто мы есть, несмотря на то, что мы можем получать гораздо больше информации и иметь больше контактов. Понимание реакций человека в чрезвычайной ситуации невозможно без нашего физического присутствия и нашего общения с ним лицом к лицу в конкретной реальности, хотя часто утверждается обратное. Присутствие необходимо для того, чтобы не упустить выражения лиц говорящих, смешения голосов, близости тел и единичных переживаний, что можно по достоинству оценить только чрез присутствие. В образовательной среде общность класса позволяет общаться телесно, взглядами, жестами, что улучшает процесс преподавания и обучения. Это способствует динамике и коллективному построению знаний. Это поддерживает соучастие и близость, которые необходимы для образовательного процесса. Школа как социальное пространство имеет незаменимую этическую и политическую ценность, она позволяет нам войти в связь с полифонией разнообразия, открывает возможность сопоставлять себя с другими и критически осмысливать наши предубеждения. Это де-

лает возможным признание инакомыслия и его легитимности. Не отрицая ценности технологий, следует отметить, что чрезмерное техническое посредничество в этом процессе приведет к социальному дистанцированию, что может погубить хрупкую человечность.

Гендер

Нынешний пандемический кризис оказал тяжелое воздействие на женщин, LGBTQ+ сообщества и малообеспеченные слои населения, такие как временные мигранты, заключенные, особенно женщины, и люди с ограниченными возможностями. Сделать тело явным означает провозгласить его исчезновение, исчезновение его уникального присутствия. Несомненно, некоторые группы людей восприняли и обратное: полную удовлетворенность отсутствием тела. Пандемия ясно показала в нынешней чрезвычайной ситуации огромное гендерное неравенство, неравенство классов, полов и рас в том, как тело проявляет себя или как оно исчезает (в отношении некоторых групп).

Во многих сообществах женщины несут ответственность за заботу о семье. Закрытие школ, уход за пожилыми людьми, эмоциональное бремя обеспечения благополучия и т. д. — это те аспекты, которые имеют отношение только к ним. Женщины также составляют значительный процент населения, работающего в частном секторе, поэтому это тоже усугубляет у них состояние ненадежности из-за отсутствия государственных медицинских услуг для этого сектора. Мы хотим обратить внимание на телесность одной из этих групп, которая не смогла выйти из блокады ни с помощью технологий, ни с помощью надзора, ни с помощью прогулок на свежем воздухе, ни с помощью других видов деятельности. Группа, чья телесность была порабощена тройным образом (изоляция, отсутствие посещений и отсутствие активности). Мы имеем в виду телесность женщин в тюрьме, которые лишены даже минимальных условий гигиены, которые часто сложно там организовать, вплоть до элементарного мытья рук. Это показатель общества, которому не удалось распространить свои связи и защиту на тех, кто больше всего в этом нуждается, общества, которое застряло на полпути к совместному построению равноправного мира.

Этика и забота

Философия должна действовать, исходя из ясности присущей ей традиции, подвергая сомнению *modus operandi* в отношении к пан-

демии, который не принимает во внимание ни различия, ни уязвимость, ни возможность достойной жизни для всех. Это породило конфликты, которые вызвали меры по охране здоровья и биобезопасности по отношению к умершим от covid-19, в связи с трудностями, связанными с отказом от культурных мероприятий траура и сопровождения умерших. Не может быть «ответственной свободы», если человек не имеет минимальных условий для существования, чтобы иметь возможность позаботиться о себе и других. Свобода и ответственность — два понятия, по поводу которых в этот период возникало множество вопросов. Философ Симона Вейль учит нас, что необходимой пищей для человеческой души является свобода. Свобода заключается в возможности выбора. Но мы долго интерпретировали свободу как нашу собственность, думая, что мы можем делать все, что хотим. Проблема человеческого бытия состоит в подлинном осуществлении свободы. Мартин Хайдеггер в «Бытии и времени» описывает подлинность как «присвоение». Аутентичность достигается в той мере, в какой человек присваивает себя: чем больше человек является самим собой, тем он более аутентичен. Возможно, нам следует не только вернуться к нормальной жизни, но и заново открыть для себя нашу собственную подлинность. Философствование рассматривает опыт и экзистенциальные чувства, эмоции, воображение и ощущения в качестве центра непрерывного построения реальности и способствует пробуждению творческой и подлинной внутренней свободы.

Разочарование неявной наивной веры в устойчивую культурную эволюцию вида подразумевает, в свою очередь, неявную философию человеческой природы. Таким образом, во многих отношениях Декларация о мире и сотрудничестве может быть набором простых банальностей, маскирующих эксплуататорские и насильственные социальные отношения, и они останутся таковыми, если мы будем невнимательны к тому, что мы обнаруживаем в связи с ситуацией с covid, и не решимся действовать. Сможем ли мы признать все риски и взять на себя ответственность за свое существование в этом мире? Философия, которая не касается мира эмоций, ощущений и глубины нашей собственной тьмы, это бессильная, бессмысленная философия для тех, кто еще не стал человеком, для тех существ, которые потеряли свою целостность и больше не ищут ее. Ответом на эту ситуацию является этический долг — императив заботы. Чтобы предотвратить или свести к минимуму ущерб для областей или зон уязвимости, мы должны быть

осторожны, мы должны заботиться о другом, не навредить, но защитить. Забота относится ко всем действиям, которые мы совершаем, она нужна и для поддержания и восстановления наших тел, и для наших отношений, с помощью которых мы создаем благоприятную среду общения, для того, чтобы мы культивировали эту сложную сеть взаимосвязей, которая поддерживает человеческую и не только человеческую жизнь. Древние философы практиковали духовные упражнения, как пишет об этом Пьер Адо. Суть таких стоических упражнений заключалась в том, чтобы осознавать нашу конечность. А это осознание конечности дает нам осознание ситуации здесь и сейчас, чтобы жизнь была не только экстенсивной, но насыщенной, полноценно прожитой, чтобы смысл и существование совпадали, чтобы мы не тратили время зря, чтобы обретали смысл в сосредоточении, в радости, утверждая жизнь в ее постоянном становлении.

Плюрализм идей

Меры, принятые против covid, заставляют нас усомниться и зачастую переосмыслить наши привычные представления по многим темам: счастье; смысл жизни; духовность; общность; раса и пол; здоровье, природа и наука; мультикультурная коммуникация, технологии, власть и конфиденциальность; индивидуальная, корпоративная, социальная ответственность и профессиональная этика; добродетель, консеквенциалистская и деонтологическая этика; свобода, равенство и справедливость. Более того, диалог, необходимый для решения этих вопросов, должен быть межкультурным и междисциплинарным. Сотрудничество между различными дисциплинами является существенной чертой философской деятельности, которая может помочь в создании пространства для взаимного признания и широкого рационального консенсуса для того, чтобы мы могли эффективно противостоять пандемии. Существенным требованием здорового и демократического общества является наличие свободы совести: свободы думать, задавать вопросы, сомневаться, свободы не соглашаться. Свободы жить без страха. Дело не в том, чтобы давать советы тем, кто принимает решения, или стать философами на троне или просвещенными диктаторами. Необходимо восстановить множественную, контрастную, публичную и не прекращающуюся дискуссию. Цензура, патологизация или криминализация в отношении критики — это признак невежества и угроза демократии.

Общество и гражданственность

Колониальное господство продолжается в новых формах и в наши дни, включая отношения зависимости и внутреннего колониализма. Пандемия и поляризация между богатыми и бедными странами и людьми — результат капиталистической цивилизационной модели. В эпоху неолита бродячие племена кочевников успели осесть, воздвигнув ограждения и высокие стены и сделали все, чтобы цивилизованный образ жизни стал возможным и необходимым; но в XVIII веке буржуазия разрушила филигранную структуру классового общества, в дальнейшем открыв дорогу националистическому и социалистическому государству, которые в конце концов укрепились силами агентов Левиафана и Бегемота. Отличительной чертой современной капиталистической цивилизации является эксплуатация и господство над природой и человечеством для увеличения и концентрации богатства. Эта псевдо-рациональная модель цивилизации, от которой мы страдаем, привела большую часть человечества к нечеловеческой нищете, к войнам, к грабительской эксплуатации людей и природы, выражающейся также в повсеместном насилии с применением огнестрельного оружия, милитаризация полиции, угнетением цветного и коренного населения, а также к быстрому дрейфу в сторону авторитарного правого популизма.

Если «чрезвычайное положение» распространяется сейчас без четких границ в соответствии с изменчивыми и вертикально сконструированными паттернами, обществу настала пора усомниться в его актуальности. Иначе это может привести к новым формам дискриминации и установлению «био-политического преследования», которое после этого будет действовать постоянно, как утверждает южнокорейский философ Бюнг-Чул Хан, и как это мы начинаем видеть сейчас в различных формах. Сегодня этот враждебный Другой — вирус; завтра — заболевшие этим вирусом люди; послезавтра — люди, ведущие непохожий на наш образ жизни или носители непохожего на наше мировоззрения. Путь, которым необходимо следовать, должен быть политическим, следовательно, этическим. Он должен рассматривать ценности свободы в плане личной и коллективной реализации, равенство прав как необходимое условие существования любых прав и солидарности как плюралистического признания различий. Нужен диалог между философами разных стран, между философами и людьми различных социальных сред. Философия должна выйти из академий на улицы.

Сегодня настало время переосмыслить, какую помощь необходимо оказать для расширения прав и возможностей самых слабых (как отдельных лиц, так и стран или географических районов), а также определенных слоев населения (пожилых людей как наиболее уязвимых или детей, которым трудно понять всю сложность происходящего). Теперь все более насущным стал вопрос: правильно ли и дальше принимать их за неизбежные потери *shikata-ga-nai*, то есть «ничего не поделаешь» (по-японски). Необходим диалог и сотрудничество, и мы надеемся, что философская практика может заложить основу для этого. Перед лицом глобального кризиса нам нужна новая цивилизационная парадигма, основанная на согласии и солидарности между людьми, народами и нациями в условиях социальной справедливости, а также уважения и гармонии с природой и космосом в целом. Таким образом, следует переориентировать наше развитие, нацеленное на общее благо, эвдемонии, благополучие (*Lekil Kuxlejal* на языке цоциль) всего человечества. В контексте нашей *Международной декларации о сотрудничестве, мире и философии* мы хотели бы заявить об искренней поддержке продвижения прав человека и демократии, а также защиты окружающей среды, любых ненасильственных действий, предпринятых для установления мира во всем мире. Главная философская проблема для отдельных лиц, групп, организаций и правительств, лежащая в основе всех других многочисленных философских проблем, вызванных пандемией covid-19, состоит в том, чтобы научиться лучше слушать, понимать и реагировать на всех тех, кто обращается к нам, как в прямом, так и в переносном смысле: «Я не могу дышать».

Экология

Мы берем за отправную точку понятие *уважения* во всей его широте и глубине. Потребительское отношение, злоупотребление и пренебрежение, с которыми мы относимся к нашей природной среде, животным и растениям, является явным неуважением. Наша окружающая среда должна быть приоритетом, поскольку она является жизненно важным условием нашего существования как индивидуумов, так и вида. Среди живых существ нет миров, которые были бы полностью замкнуты. Все миры, взаимно соприкасаются, пересекаются друг с другом во многих отношениях: физических, биологических, этических и т. д. Сложность чрезвычайной ситуации, с которой мы сталкиваемся, коренится в видении жизни, которое рассматри-

вает людей как независимых и изолированных существ как от природы, так и от своих собратьев. Таким образом, этика для мира, находящегося в чрезвычайной ситуации, должна быть сосредоточена на заботе, необходимой для того, чтобы реагировать на наше основное уязвимое и эко-взаимозависимое состояние. Наше выживание будет возможно только если восторжествует биоцентрическая этика и политика, основанные на уважительном отношении к природным циклам и глобальной экосистеме.

Многие из нас осознают, что стихийные бедствия, с которыми мы сталкиваемся, имеют антропогенное происхождение и те же корни, что и социальные проблемы, такие как региональные контрасты, ухудшение состояния окружающей среды и технологическое неравенство. Мы вместе с другими людьми и с природой как с Другим, но существующим вместе с нами, составляем единое целое. Отрицать это означает разрушать самих себя; это «иррациональность рационализованного», на что ссылается немецкий мыслитель Франц Хинкеламмерт. Ибо то, что мы отрицаем или проводим различия (природа и другие человеческие существа), возвращается в виде страдания, смерти и разрушения. Это глупая, но настойчивая картезианская иллюзия «стать господами и хозяевами природы». Необходимо изменить традиционное бинарное мышление на новую парадигму, утверждающую сущностную принадлежность человека к живому миру, в узак преемственности и общности. Речь также идет о системных рисках, которые усугубляются с характерной для этой эпохи человека (Антропоцена) скоростью. Задача состоит в том, чтобы научиться страдать и радоваться вместе с природой, как показывают нам индейцы яномама из Южной Америки или выработать привычку ежедневно посещать *milpa*¹, как это делают индейцы тохолабали в Мексике и Гватемале.

Экономика

Нынешний кризис усугубляется экономической моделью, основанной на спекуля-

¹ Система выращивания сельскохозяйственных культур, используемая в Мезоамерике. Цикл *milpa* требует двух лет возделывания и восьми лет оставления земли под паром. На поле, обычно, фермеры сажают сразу дюжину культур, которые дополняют друг друга с точки зрения питания и окружающей среды. Однако *milpa* — это не просто система сельского хозяйства, она включает в себя сложные взаимодействия и отношения между фермерами, а также непосредственные личные отношения как с сельскохозяйственными культурами, так и с землей (прим. переводчика).

тивной прибыли и неконтролируемом потреблении, что характерно для капитализма. Эта модель должна быть радикально изменена. Социальная справедливость является условием диалога. Пока приходится бороться за выживание, очень трудно претендовать на существование, основанное на спокойствии, предупредительности и предрасположенности к мирному строительству. Есть многое, что вызывает напряженность, которую нужно преодолеть. Кризис, который мы переживаем, создает новые пространства для дискриминации и насилия. Многие правительства делегируют распределение вакцин и заботу о наиболее уязвимых слоях населения рыночным механизмам. Корпоративные интересы заинтересованных лиц, ориентация на сверхприбыль со стороны фармацевтических компаний и макрополитика бросили граждан с ограниченной возможностью выбора на произвол рынка, несмотря на заверения правительств в обратном. Отсутствие технологичной инфраструктуры и интернет ресурсов для дистанционной работы и виртуального образования также является проблемой, усугубляемой обстоятельствами социального неравенства. Мы должны постоянно задаваться вопросом: какую роль могла бы здесь играть философия в разоблачении того, как капитализм, расизм, патриархальность, империализм и т. д. отрицают саму жизнь? Как это отчуждение может быть снято и как культивирование кооперативных и мирных социальных отношений приведут нас к процветанию?

Технологии

Благодаря технологиям у нас есть возможности, чтобы философ предлагал вниманию людей свои советы и образовательные услуги за сотни или тысячи километров. Онлайн-диалог также может объединить людей всего мира и предоставить полезную возможность переосмыслить ту или иную проблему с фундаментальной точки зрения. Мы можем поделиться проблемами, возникающими в любой точке мира, через философский онлайн-диалог. Есть также много людей, которые почувствовали себя покинутыми, скучающими из-за того, что не могли восстановить личные контакты. Однако было бы интересно вместо того, чтобы стремиться рассеять и прогнать скуку, погрузиться в нее, когда она нас одолевает, дойти до самого дна, исследовать ее и заполнить ее собой. Нерегламентированное время часто является единственным способом исследовать наш внутренний мир, является началом творчества. Эти вязкие минуты и часы — своеобразный вызов растущему

человеку, толчок к поиску своего призвания, к исследованию своих склонностей, талантов и осознанию мира в целом.

Условия изоляции и технические возможности позволяют нам это, но, с другой стороны, техника врывается в наши отношения, которые из непосредственных становятся опосредованными: техника вмешивается в отношения между философствующими субъектами. Так можно упустить контакт с эмоциями и чувствами, характерный для прямых взаимоотношений лицом к лицу. Экран элиминирует телесность, живое присутствие, что значительно затрудняет развитие эмпатии. Мы становимся «мозгами в бочке»? Нет, иначе мы не могли бы задавать подобные вопросы, как и любой другой философский вопрос, поскольку мышление подразумевает телесность. Мы должны, таким образом, переключить наше внимание с онтологии технологий на этику и политику и задать себе другие вопросы: как, для каких целей и кем монополистически контролируются технологии? Какие социально-экономические факторы создают технологические проблемы?

«Цифровая метаморфоза» — это не просто угрозы или преимущества, с которыми нам довелось столкнуться. Одна из главных задач философии состоит в том, чтобы исследовать *homo digitalis* на более высоком уровне, чем это могли бы предположить, как утопические, так и антиутопические концепции. Мы находимся в *мире приложений*, управляемым пользователями этого дивного нового мира, в котором индивидуум, обретая свободу, увеличивает дистанцию между людьми и также провоцирует это увеличение между странами и культурами. Виртуальность и технологии для человечества во все времена связаны с риском, если у нас нет достаточных знаний для надлежащего взаимодействия с ними, а вместе со знаниями мы обращаемся ко всем этическим аспектам этого взаимодействия, к самой способности различать с позиции человеческих ценностей те инструменты, которые либо ориентированы на пользу третьих лиц, либо нашу собственную пользу. Технологии будут всегда полезными, если распоряжаться ими разумно, чтобы иметь возможность приблизиться к реальным источникам информации, дополняющей другие дисциплины.

Образование

Одной из проблем, с которыми мы столкнулись во времена covid-19, было закрытие тысяч школ всех уровней образования. Изоляция, которой подверглись миллионы детей и подростков, находясь вдали от одноклас-

сников и учителей, была беспрецедентной. Эмоциональные и психологические последствия, помимо отсева тысяч студентов, — это лишь некоторые из тех глобальных последствий, которые мы ощутим на себе через какое-то время. Поэтому в учебные программы или мероприятия, связанные с преподаванием, распространением и работой в области философии стали включаться в качестве поддержки и сопровождения перед лицом всех этих невзгод такие темы, как стоицизм, кинизм, эпикуреизм и восточные философские традиции (буддизм, даосизм, духовные упражнения). Такие темы, как смерть и кризисные состояния, полезно использовать для развития у детей автономии; размышления о соглашениях, предотвращающих конфликты; этики ненасилия и миролюбия; искоренения гендерного насилия или насилия в отношении стариков и детей; осознания экологических последствий, которые приведут в будущем к прекращению многих видов деятельности, вредящих окружающей среде и животным; и среди прочего, для философского консультирования и сопровождения.

Приверженность образованию — это приверженность модели общественного бытия. Мы все имеем право на философское образование, которое может длиться с детства до старости. Многочисленные исторические традиции философствования сходятся на том, что философия должна присутствовать в образовании, чтобы приблизить человечество к более свободному и справедливому миру. Учитывая сложность нашего времени, философия — это отличная школа свободы, которая помогает создавать общее пространство между нами, в котором мы признаем достоинства друг друга в духе солидарности. В современном мире, где слишком много структур, готовых завладеть детским вниманием, поверхностно развлекать, дети теряют важную способность контактировать с собой. Детям нужно научиться понимать, что такое свободное время и чем его можно занять. Чем занять, как провести, как распределить, как выбрать для себя интересное дело. Если они не научатся этому в детстве, то когда научатся? Важную роль в этом может сыграть философский диалог, который учит не только говорить, но и слушать, показывая, что в споре достижение истины важнее победы. Сейчас нашей задачей является создание учебных программ, которые способствуют уважению множества культур и признанию человечности в глобальном масштабе. Философам всего мира следует воспользоваться возможностью внести свой вклад в разработку таких универсальных учебных программ и интегрирующих методик.

Философия

Философия играет важную роль в осознании необходимости продвижения равенства, солидарности и воспитания для мира во всем мире, возвышаясь над политическими и социальными конфликтами, которые перед лицом пандемии и ее возможных последствий остаются на заднем плане. Нам следует работать над формированием культуры общения и конструктивной критики. Предпосылки философии, ее категории и оценки позволяют нам познавать, упорядочивать, классифицировать, расставлять приоритеты, интерпретировать, принимать решения, воздействовать на мир, на себя и выстраивать отношения с другими. Все это также позволяет нам дистанцироваться от данностей, преодолеть натуралистическую привычку, проводить критический анализ и искать альтернативы. Перед философами также стоит задача развивать навыки рефлексии, которые позволят видеть в масштабах более широких горизонтов и перспектив. Открывайте для себя вопросы, которые не выделяются в потоке потребляемой нами информации, тем самым более внимательно относясь к тому, что получаете. Выявляйте рассуждения, не имеющие достаточного обоснования. Помогайте думать об альтернативах в отношении того, что сейчас представляется непреодолимым.

Можем ли мы сохранить эту ответственность? Философский наставник показывает на своем примере, какую заботу о себе следует проявлять другим. Он не информирует, не предписывает и не направляет, а помогает процессу развития, подобно садовнику, создающему благоприятную среду для того, чтобы растение развивалось самостоятельно и давало лучшие плоды, на которые оно способно. Все эти изменения связаны с трансформацией способов философствования, преобразованием классической, изолированной философской деятельности, как ее обычно понимают. Таким образом, философская практика старается оставить в стороне (или, по крайней мере, рассматривать лишь частично), содержание тех или иных учений прошлого, и даже своих собственных, вполне обоснованных теорий, чтобы вновь и вновь продолжался совместный поиск, способствующий открытию для каждого участника новых концепций, новых сторон мировоззрения, что способствует большей инклюзивности и большей восприимчивости к изменяющемуся миру и к интегрирующийся культуре. В этом отношении широкое распространение и развитие философской

практики является как предпосылкой мирного сосуществования, так и инструментом его созидания. Поэтому мы, философы-практики, с надеждой на это обращаемся ко всем учреждениям и правительствам с просьбой продвигать философскую практику для всех граждан во всем мире.

Миролюбие

Мы должны быть достаточно практичными, чтобы признать, что не было ни идиллического мира pre-covid, к которому можно было бы вернуться, и не будет какого-то совершенного мира post-covid, который можно было бы создать сейчас. Однако философия дает нам средства для построения миролюбивого сообщества, потому что позволяет осознать, что жизнь непредсказуема, в ней нет ничего определенного, но даже в этой неопределенности необходимо строить планы и проявлять заботу, потому что, если не делать этого, наша уязвимость стремительно возрастает вместе с несправедливостью, упущенными возможностями и неравенством перед лицом надвигающейся неумолимой реальности. Во время пандемии в мире произошел невиданный всплеск нарушений гражданских свобод, в том числе ущемление свободы слова, цензура в отношении СМИ, незаконная слежка, убийства журналистов, жестокость полиции, расизм, преступления на почве ненависти, попытки сорвать свободные выборы, разлучение семей, живущих по разные стороны государственных границ, несправедливое обращение с иммигрантами, включая женщин и детей, милитаризм и насилие.

В разгар этого кризиса научное сообщество также продемонстрировало сотрудничество, сдерживание распространения вируса, информационную поддержку и предоставление инструментов для защиты тех или иных сообществ. По мере обострения социального кризиса философия становится все более необходимой. В этом плане целесообразно создавать сетевые сообщества отдельных людей, групп и учреждений как в социальной, так и в академической сферах. Сотрудничество является важным условием построения нового миролюбивого общества XXI века. Величайшие философы всегда признавали, что мир во всем мире — это не просто отсутствие конфликтов на главных улицах или на «задворках» этого мира. Говоря словами Мартина Лютера Кинга, мир — это «наличие справедливости» и, следует добавить, это распространение справедливости на все сферы, перечисленные выше.

Заключение

Перед философией стоит суровое обязательство построения новой парадигмы, но для выполнения этой миссии необходима радикальная трансформация философии во всем мире. Эта трансформация может произойти только посредством широкого мультикультурного и междисциплинарного диалога, в соответствии с принципом эпистемической справедливости в отношении разнообразия знаний и мудрости, ломая старые и жесткие иерархические структуры, преобладающие в нынешнем академическом мире. Человечество сейчас, подобно Гераклу, находится на распутье: удастся ли нам открыть трудный, ответственный и приемлемый путь, который сделает нас одним целым: братьями, сестрами, детьми нашей общей голубой планеты? Мы надеемся, что образование везде, где оно практикуется, возьмет на себя задачу противодействия силе, что поможет уравновесить технократический дрейф и поддержать осознание и внимательное отношение к ограничениям и возможностям человека. Все это приближает нас к поиску экологического видения устойчивого развития, познания и заботы о себе, а также развития мирного сосуществования.

Многое можно сделать. Например, общаться людям к глубокому восприятию и преобразению посредством художественных произведений: произведений искусства, литературы, текстов философов и гуманистов, которые вселяют надежду и спокойствие в моменты неопределенности. Также роль философии велика в расширении прав человека. Важно изучать историю. Давайте вновь пересмотрим документальные фильмы о Холокосте, Мьянме, Судане, бедственном положении уйгуров и т. д. Давайте участвовать в ненасильственных социальных действиях. Давайте голосовать за здравомыслящих, интеллигентных, гуманных, смелых политиков. Давайте высказываться. Давайте сопротивляться. Давайте помогать друг другу создавать лучшее завтра. Мы вновь заявляем о праве граждан сохранять и расширять пространство для обмена мнениями, создание «свободных трибун», тех мест, где повседневная жизнь пересекается с этикой, политикой и философией. Столкнувшись с забвением прошлого, мы должны не допустить забвения настоящего, фиксируя происходящее события в нашем сознании и передавая память о них новым поколениям, чтобы исправить свои ошибки перед природой (как коренные народы, наши предки, просят разрешения у матушки-Земли возделывать поля, и нам

следует сделать то же самое относительно любой нашей деятельности). Следует ли нам оставлять человека из плоти и крови, разума и чувств, наедине с собой для единственного и финального искупительного диалога? Не лучше ли позволить другим голосам и другим представлениям о жизни войти в этот диалог, чтобы обогатить его перед лицом смерти? Не стоит ли всякий раз возрождать чудо существования, даже если оно «здесь всего лишь на мгновение», как говорится в поэме великого ацтекского мыслителя Несауалькойотля?

Декларация основана на идеях:

Адрианы Марии Арпини (Национальный университет Куйо-INCINUSA, CONICET, Аргентина), Алехандро Морено Лакса (Университет Мурсии, Испания), Амбросио Веласко Гомеса (Национальный автономный университет Мексики, Мексика), Андреа Диас Дженис (Университет Республики Уругвай, Уругвай), Андрея Макарова (Волгоградский государственный университет, Россия), Анхеля Алонсо Саласа (Национальный автономный университет Мексики, Мексика), Антонио Косентино (Школа ACUto — Университет Вероны, Италия), Карлоса Рамиро Гутьеррес Руэда (Автономный университет Тласкалы, Мексика), Даниэля Масайоши (Академия приглашенных профессоров, профессор Сэдэн Катори Синто Рю, Япония), Дэвида Кеннеди (Государственный университет Монктлер, США), Дэвида Сумиахера (Директор CECAPFI Internacional, UNAM, Аргентина), Дианы Марии Муньос Гонсалес (Университет де Сан-Буэнавентура, Колумбия), Диего Пинедо Ривера (титularный профессор факультета философии, Папский университет Хавериана, Колумбия), Эллиота Д. Коэн (исполнительный директор Национальной философской ассоциации консультантов; профессор Медицинского колледжа штата Флорида, США), Эстер Чарабати (профессор факультета философии и литературы Национального автономного университета Мексики, Мексика), Эухенио Эчеверри (Президент Latinoамериканского центра философии пара Ниньос, со-основатель Federación Mexicana de Filosofía para Niños, Мексика), Феликса Гарсия Морийона (доктор философии, почетный профессор Didácticas Específicas e IUCE, Автономный университет Мадрида, Испания), Габриэля Варгас Лозано (Метрополитанский автономный университет, Президент Observatorio Filosófico de México, Мексика), Герда Ахенбаха (Университет Лессинга, IGPP, Германия), Джанкарло Маринелли (SUCF, Университет degli Studi Roma Tre, Италия), Ирен де Пуч (Grupo IREF, Испания), Ирины Воробьевой (Московский

городской университет, Россия), Джейсона Томаса Возняка (Уэст-Честерский университет и Латиноамериканское общество философии образования LAPES, США), Хосе Барриентоса (Севильский университет, руководитель проекта BOECIO, Испания), Хулиана Масиаса (Университет Буэнос-Айреса, Grupo El Pensadero, Аргентина), Лауры Курбело (профессор и исследователь проекта PRADINE del Consejo de Formación en Educación de Uruguay, Уругвай), Леонардо Товар Гонсалеса (Университет Санто-Томас, Колумбия), Лука Бевиакуа (Католический университет Уругвая, Уругвай), Лука Наве (Pragma — Società dei Professionisti nelle Pratiche Filosofiche, Италия), Луиса Марии Сифуэнтеса (Expresidente de la Sociedad Española de Profesores de Filosofía, Испания), Лус Глория Карденас Мехиа (профессор Universidad de Antioquia, Колумбия), Мариано Балла (Universidad Nacional de Rosario, exsecretario general de la UNR, Аргентина), Мариса Белаустегигойтия Риус (Universidad Nacional Autónoma de México, Мексика), Мариса Бертолини (Философская ассоциация Уругвая, AFU, Уругвай), Маурисио Лангона (Философская ассоциация Уругвая, AFU; Уделар, Университет Республики, Уругвай), Максимилиано Прада Душсана (Университет Pedagógica Nacional, Колумбия), Мигеля Анхель Гомеса Мендоса (Universidad Tecnológica de Pereira, Колумбия), Мицую Мизутани (независимый исследователь, Япония), Нери Полластри (PHRONESIS, Италия), Паоло Чикале (Scuola Universitaria della Svizzera italiana; Associazione Pragma, Италия), Регины Пеннер (Южно-Уральский государственный университет, Россия), Романа Светлова (Российская христианская гуманитарная академия, Россия), Хауна Ромина (Национальный университет Сальты, Аргентина), Сергея Борисова (Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Южно-Уральский государственный университет, Россия), Сусаны Беатрис Виоланте (Национальный университет Мар-дель-Плата — Red Latinoamericana de Filosofía Medieval, Аргентина), Таро Мочизуки (Университет Осаки, Япония), Тецуя Коно (Университет Риккио, Япония), Чечу Аусина (Институт философии, CSIC — Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Испания), Воганы Фейри (Центр прикладной этики, США), Уилсона Эррера Ромеро (профессор Universidad del Universidad de I Росарио, Колумбия).

*Материал поступил в редакцию
02.05.2022*

For citing: International Declaration on Cooperation, Peace and Philosophy (translated by S.V. Borisov) // *Socium i vlast'*. 2022. № 2 (92). P. 136—147. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-2-136-147. EDN: CAHAHD

UDC 101.1 + 304.444

EDN: CAHAHD

DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-136-147

INTERNATIONAL DECLARATION ON COOPERATION, PEACE AND PHILOSOPHY (translated by S.V. Borisov)

Sergey Borisov,

President of the Association of philosophers-practitioners "Ratio",
Doctor of Philosophy, Professor

Abstract. The "International Declaration on Cooperation, Peace and Philosophy" is a unique document prepared by philosophers from different countries, expressing their understanding and suggesting ways to solve urgent problems of the current crisis situation. The text of the Declaration is published for the first time in English and Russian.

Keywords:

philosophical practice,
dialogue,
health,
presence,
gender,
ethics,
care,
pluralism,
society,
citizenship,
ecology,
economics,
technology,
education,
peacefulness

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельные файлы в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.
 Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Requirements for the articles and memos presented for publication in the «Socium i vlast'» journal

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The text should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadth-wise and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and Key words are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. Key words (up to 5).
 - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.
 The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board.
The articles are to be run through the «Antiplagiat» system.
By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

